

18+

Гайк Октемберян

Посвящение

Эта книга о дежавю, о потопе, о мучительном посвящении

Гайк Октемберян

**Посвящение. Эта книга
о дежавю, о потопе,
о мучительном посвящении**

«Издательские решения»

Октемберян Г. С.

Посвящение. Эта книга о дежавю, о потопе, о мучительном посвящении / Г. С. Октемберян — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982980-1

Е. П. Блаватская говорила о том, что если появились фальшивые деньги, то это не значит, что не было настоящих. Эта книга о «настоящих деньгах». Часть текста, вошедшая в книгу, ранее была опубликована отдельно в виде книги «Посвящение Исиды».

ISBN 978-5-44-982980-1

© Октемберян Г. С.
© Издательские решения

Содержание

ПОСВЯЩЕНИЕ	6
Часть первая: П О Т О П	9
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Посвящение
Эта книга о дежавю, о потопе,
о мучительном посвящении

Гайк Славикович Октемберян

© Гайк Славикович Октемберян, 2025

ISBN 978-5-4498-2980-1 (т. 1)

ISBN 978-5-4498-2981-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОСВЯЩЕНИЕ

*Если ты не выносишь укусов, то не суй свой палец
в гнездо скорпионов.*

Аттар из Нишапура

*Иисус сказал в ответ: не знаете, чего
просите; можете ли пить чащу, которую Я
буду пить, или креститься крещеньем, которым
Я крещусь? Они сказали Ему: можем.
Библия, Евангелие от Матфея 20:22*

«Более могущественные души сами по себе постигают истину, и они более изобретательны по своей природе. По словам оракула, такие души спасаются своею собственною силою.»

Прокл, 1 Alc

Случилось это летом, в июне месяце, скорее всего в 1978 году (не позже, если не годом раньше), когда подходил к **ЗАВЕРШЕНИЮ** восьмой год моей жизни. Во сне я увидел одноэтажный дом, как сложенный из серого туфа, и никого рядом с ним не было. Почувствовал прохладу вечера и осени. И небо было хмурым, серым, **ЗАТЯНУТЫМ** сплошными облаками.

НИЧЕГО особенного или чего-то примечательного в этом доме не было, и когда я проснулся, то твёрдо был уверен в том, что этот дом мне знаком, что не в **ПЕРВЫЙ** раз его увидел, что для меня не составит никакого труда увидеть его снова.

Наша семья в то время жила в квартире номер **ДВА** на **ПЕРВОМ** этаже пятиэтажного дома. Мы время от времени ходили в гости в «старый дом», где жили три брата моего отца. В самом конце пути в ту сторону приходилось идти по улице Алавердяна вдоль длинной стены авторемонтного завода. Этот отрезок пути становился для меня каким-то угнетающе-утомительным. Стена **ТЯНУЛАСЬ** справа и заканчивалась углом, за который мы поворачивали во двор «старого дома», который был отгорожен от улицы высокой, с **ДВУХЭТАЖНЫЙ** дом, газовой котельной. И с другой стороны от котельной отставался проход в этот двор. «Старый дом» находился в углу, который образовывался между стеной авторемонтного завода и стеной детского сада, которые сходились под прямым углом.

С одной стороны от Ереванского шоссе были выстроены пятиэтажки, а с другой стороны от него проходили железные дороги. За этими пятиэтажками **СКРЫВАЛИСЬ** одноэтажные дома. Когда мы отправлялись в гости из пятиэтажного здания номер 159, порой выходили сначала к шоссе и двигались по прямой, вдоль него, до кинотеатра «Ширак», за которым поворачивали направо и шли до поворота налево на улицу Алавердяна. Иногда мы шли напрямик мимо одноэтажных домов, оставляя пятиэтажки с левой стороны, и, проходя за школой и за расположенным рядом с ней кинотеатром, сразу выходили к улице Алавердяна.

Когда мы в очередной раз отправились проводить родственников и пошли напрямик, для меня выпала возможность ещё раз увидеть тот дом, который увидел во сне. Я ожидал увидеть этот дом с правой стороны, когда нам совсем немного оставалось пройти до той школы. И мне нужно было **ОБЯЗАТЕЛЬНО НЕ ПРОПУСТИТЬ** этот дом.

Произошло что-то неожиданное: я его не увидел. Но самой уверенности в том, что я его точно где-то видел, меньше не стало. Я решил, что его где-то, всё-таки, **ПРОПУСТИЛ**, и настроился на обратном пути быть более внимательным, чтобы **ОБЯЗАТЕЛЬНО** его увидеть. Когда я его так и не увидел, меня с ещё большей силой **ОХВАТИЛО** такое чувство, словно потерял какую-то очень нужную мне вещь.

В то время я не мог самостоятельно так далеко уходить от нашей пятиэтажки, чтобы заняться поисками этого дома, который мне снова нужно было увидеть. Что-то побуждало меня **ОБЯЗАТЕЛЬНО** его найти. Что-то лишило меня покоя. Мне оставалось только ждать того дня или вечера, когда кто-то из родителей посчитает нужным ещё раз отправиться в ту сторону.

Когда мы через какое-то время, побывав в центре города, вышли на автобусной остановке у третьей больницы и направились в сторону «старого дома» с другой стороны, я подумал о том, что, может, нужный мне дом находится с этой стороны, где тоже были одноэтажные дома. Но и на этот раз я **НИЧЕГО** не обнаружил.

После этого я уже задуматься о том, что почему же у меня раз за разом не получается увидеть нужный мне дом, и пришёл к выводу, что его что-то от меня загораживает. И **ПЕРВОЕ**, о чём я подумал, что его **СКРЫВАЕТ** от меня стена детского сада. На эту стену я как-то раз залазил вместе с мальчишками из «старого дома».

К этой стене, примыкавшей под прямым углом к стене авторемонтного завода, примыкал гараж, в котором находился наш «горбатый» «Запорожец». Я собрался **ОБЯЗАТЕЛЬНО** проверить моё предположение. Когда наша семья опять отправилась в гости, и когда отец и мать с младшей моей сестрой уже направились ко входу в дом, я отстал от них и двинулся прямо в сторону гаража. На его крышу мне уже несколько раз приходилось залазить. Я взял влево от него, когда стал подходить к нему, чтобы подняться на стену с крыши расположенного рядом сарая, который принадлежал соседям. И с высоты этой стены за ней всё оказалось каким-то неожиданно другим.

Шло время, а местонахождение нужного мне дома не давало мне покоя. Когда я оказывался в тех местах, где, в основном, были одноэтажные дома, даже на другой окраине города, то начинал думать о том, что, может, где-то там видел этот дом, который всё не удавалось никак обнаружить. Но нужного мне дома нигде не было.

Часть первая: П О Т О П

*И вновь преданье это о потопе,
Вновь до небес возноситься кумир,
И вновь кого-то небеса торопят,
Грозя, что в глину превратиться мир!
И снова разрушает он жилище,
И снова воздвигает он ковчег,
И снова Арарат спасенья ищет
В кромешном мраке бедный человек.
Но истина написана на глине,
Не прервана тысячелетий нить.
Вот сказ о человеке-исполине,
Заставившем и прах заговорить.
Пред силами неведомыми трепет
В той речи, рабология печать.
И дерзость та, что боги не потерпят,
И от какой не смогут удержаться.
А. И. Немировский*

1. Если **ПЕРВОБЫТНЫХ** художников **ТЯНУЛО** изображать крупных животных: лошадей, быков, медведей, мамонтов, то я уже в раннем детстве почувствовал в себе какой-то великий избыток, почувствовал себя способным **СДЕЛАТЬ** что-то важное и значительное, и меня **ТЯНУЛО** рисовать слонов, бульдозеры, экскаваторы, паровозы. Я восхищался силой человеческого разума, создававшего мощную технику. Не дети же создавали её, а взрослые. И взрослые больше вызывали у меня доверия, чем их дети. Рядом со взрослыми чувствовалась какая-то **ЗАЩИЩЁННОСТЬ**. Когда их рядом не было, со стороны их детей часто проступало что-то чужое и враждебное мне. Их словно **ТЯНУЛО** суметь воспользоваться чей-то слабостью и беззащитностью.

*Крови твоей хотели бы они при всей своей невинности,
крови жаждут их бескровные души – и потому они кусают со
всей невинностью.
НИЦШЕ, «Так говорил Заратустра»*

Когда я стал взрослеть, стал **ПОНИМАТЬ**, что за одним злом **СКРЫВАЕТСЯ** другое, которое может быть большим, более низким и подлым, что насколько у самих взрослых их души могут быть **ДЫРЯВЫМИ**. их души. Когда я оказывался слабее и в одиночестве и не мог что-то **СДЕЛАТЬ** против нацелившихся на меня, каждый раз какая-то завеса **ЗАЩИЩЁННОСТИ** оказывалась разодранной сверху донизу. Каждый раз я обнаруживал себя низвергнутым на жёсткую землю с высоты какого-то великого избытка, от которого **НИЧЕГО** не оставалось. И через эту **РАНУ** от меня словно начинала уходить моя жизнь. **НЕОБХОДИМОСТЬ СКРЫТЬСЯ** уводила меня оттуда, где **ОТКРЫВАЛАСЬ** моя слабость. Она часто уводила меня домой, где я мог **ОТЪЕДИНИТЬСЯ**.

*Беги, мой друг, в своё уединение: я вижу тебя искусанным
ядовитыми мухами. Беги туда, где веет суровый, свежий*

*воздух! Беги в своё уединение! Ты жил слишком близко к
маленьким жалким людям. Беги от их невидимого мицения!
В отношении тебя они только мицение.
Не поднимай руки против них! Они – бесчисленны, и не твоё
назначение быть махалкой от мух!
Бесчисленны эти маленькие, жалкие люди; и не одному уже
гордому зданию дождевые капли и плевелы послужили к
гибели.
НИЦШЕ, «Так говорил Заратустра»*

ПАМЯТЬ принималась возвращать и возвращать меня к произошедшему. Так она словно какими-то стежками старалась зашить ту **РАНУ**, которую мне нанесли, как **ЗАЩИЩАЯ** от какой-то бесконечной опасности в образовавшейся **ДЫРЕ**. Я уже чувствовал, как у меня горели щёки, когда мне хотелось поскорее **СКРЫТЬСЯ** в нашем доме. А дома **РАНЕННАЯ** душа пылала как в огне из-за того, что как произошедшее продлевалось в том, как оно **ПОВТОРЯЛОСЬ** в **ПАМЯТИ**.

*Надо, чтобы ты сжёг себя в своём собственном пламени:
как же мог бы ты обновиться, не сделавшись сперва
пеплом!
НИЦШЕ, «Так говорил Заратустра»*

Зачем же **ПАМЯТЬ** возвращала и возвращала меня к пережитому? Чтобы я, раз за разом просматривая пережитое, лучше мог понять то, что чему не нужно давать ход; что когда даётся ход одному, то ход другого пресекается; чтобы пресекать ход того, что поразило меня, поразило мою **ЗАЩИЩЁННОСТЬ**? Чтобы я мог устоять в своей **ЗАЩИЩЁННОСТИ**? Чтобы не остаться в чём-то **ВИНОВАТЫМ**? Чтобы лучше и лучше прийти к пониманию того, что слабость всегда **ВИНОВАТА**? Чтобы сжигавшая меня горечь заставляла меня **НАПОЛНЯТЬСЯ** агрессивным раздражением к самому себе за проявленную слабость? А в чём была проявлена слабость? В опасении что-то нарушить, в опасении напасть в ответ и пересилить в ответном зле?

Почему я оказывался поражённым отвращением к самому себе? За то, что **ПРОПУСТИЛ** зло, ход которого **НЕОБХОДИМО** было пресечь? За то, что **ПРОПУСТИЛ** зло, которое будет стремиться **ПОВТОРЯТЬСЯ**? **ПАМЯТЬ** мучила меня, а страдание меня озлобляло. Я не мог не замечать душевного подъёма, прилива жизни и чувства освобождённости, когда мне с разгоревшейся злостью удавалось **ОТРАЖАТЬ** тех, кто в очередной раз нацеливался на меня, как на живую **МИШЕНЬ**. И я стал утверждаться в **НЕОБХОДИМОСТИ ОТРАЖАТЬ** зло и в **НЕОБХОДИМОСТИ** не расслабляться. И росшая **СОБРАННОСТЬ ОТРАЖЕНИЙ** одним своим весом больше и больше помогала мне удерживаться на этом пути.

2. С сентября 1976 года я стал **УЧИТЬСЯ** в школе, которая выглядела такой, словно все пути могли идти только через неё.

*По-моему, полезнее воздям
Уменье очаровывать невежду:
Облечь себя в священную одежду
И ею ослеплять глаза врагам.
Вольтер, «Орлеанская девственница»*

И я не мог не обратить внимания на то, что насколько мне труднее стало с **НЕОБХОДИМОСТЬЮ** устоять в своей **ЗАЩИЩЁННОСТИ**. В самой **УЧИТЕЛЬНИЦЕ** таилась такая угроза, что она при желании сможет нацеливаться на любого из тех, кто оказался в её классе, и оставлять раз за разом в чём-то **ВИНОВАТЫМ**, и чуть ли не всю жизнь ему испортить одними своими «**ДВОЙКАМИ**» и замечаниями. Она не боялась кому-то навредить, не боялась кого-то покрыть пятнами **ВИНЫ**, не боялась оставлять кого-то в чём-то **ВИНОВАТЫМ**. Для подавляющего числа родителей и их детишек стало очень важным не пробуждать в ней желания навредить.

*«Мицению и позору хотим мы предать всех, кто не подобен нам» – так клянутся сердца тарантулов.
НИЦШЕ, «Так говорил Заратустра»*

УЧИТЕЛЬНИЦЕ зачем-то понадобилось организовать «родительский комитет». Это уже потом, со временем, стало ясно, что «комитет» помогал быть **УЧИТЕЛЬНИЦЕ** не одноголовым драконом, а многоголовым, чтобы перевесом в количестве голов подавлялось возможные проявления какого-то недовольства и **СОПРОТИВЛЕНИЯ**. Этот «комитет» помогал **УЧИТЕЛЬНИЦЕ** в организации поборов с родителей на различные нужды, на подарки **ЕЙ** самой на праздники и день **ЕЁ** рождения, в организации каких-то «мероприятий». Я чувствовал что-то чужое мне и враждебное мне в этой **УЧИТЕЛЬНИЦЕ**. И это чувство усиливалось, когда **ОНА** удерживала какую-то насильственную сжатость в горле. И в матери чувствовалось что-то чужое и враждебное мне всё больше и больше. Чужого и враждебного мне стало больше, когда она **СВЯЗАЛАСЬ** с этой **УЧИТЕЛЬНИЦЕЙ** настолько, что они стали подругами. Она тоже оказалась в «родительском комитете».

Однажды она сообщила отцу о том, что **УЧИТЕЛЬНИЦА** пожелала, чтобы к наступающему празднику **ЕЙ** не стали дарить опять конфеты, какую-то хрустальную вазу, или что-то в этом роде, чтобы **ЕЙ** на собранные деньги купили золотое кольцо или золотые серьги. «Какое кольцо?! Вы, что, её собрались замуж выдавать?!» – со злостью выпалил мой отец.

Перед началом третьего **УЧЕБНОГО** года, в начале августа, матери вздумалось провести «мероприятие» у нас дома и прератить меня в «**ВИНОВНИКА** торжества». У нас дома собрались одноклассники и одноклассницы, которым до меня изо дня в день в школе не было и не могло быть никакого **ДЕЛА**. Они пришли вместе со своими родителями, для которых я, тем более, был никто. И **УЧИТЕЛЬНИЦА** пришла. **ОНА** как **ОБЯЗАТЕЛЬНО ДОЛЖНА** была прийти и привести с собой своего гадёныша, без которого не обходились все подобные «мероприятия». Без его присутствия не обходился ни один школьный «утренник». Он был старше меня и моих одноклассников на один год. Какая-то маслянистость чувствовалась в нём. Позднее я обратил внимание на слова одного человека, который замечал какую-то маслянистость, которой бывают **ПОКРЫТЫ** проститутки.

Дом помогал мне чувствовать себя **ЗАЩИЩЁННЫМ**, но в тот день я почувствовал себя лишённым этого чувства. Дом стал каким-то **ДЫРЯВЫМ**, и в нём сквозило что-то чужое и враждебное мне, от которого мне уже негде было **ЗАКРЫТЬСЯ**.

ДАЛЬШЕ мать всё больше начинала добиваться своего, не боясь кому-то и чему-то навредить. С точно такой же «педагогической» сжатостью горла, как у **УЧИТЕЛЬНИЦЫ**, мать в одно время принялась падать в обмороки. Она раскидывала в стороны руки и **ПОКАЗЫВАЛА**, как у неё пальцы судорожно начинали сводиться. Через какое-то время она перестала падать в обмороки. Она стала **ХВАТАТЬСЯ** то за хрустальную вазу, чтобы разбить её об пол, то за маникюрные ножницы, чтобы перерезать ими себе вены на руке, то за шприц, чтобы вколоть себе в вену воздух. Один раз она откусила ртутный резервуар на медицинском термометре, чтобы отравиться. Она отца собиралась оставить в чём-то **ВИНОВАТЫМ**.

Он зарабатывал по триста-четыреста рублей в месяц, и от этих денег **НИЧЕГО** не оставалось уже через неделю. Всё **НЕПОНЯТНЕЕ** становилось то, что куда пропадает такая сумма денег из месяца в месяц. Много денег она могла потратить на покупку такой же обуви, которую позволила себе приобрести **УЧИТЕЛЬНИЦА**, или такой одежды, в которую той хотелось бы вынарядиться. Но ещё больше денег уходило ещё на что-то.

Несколько раз после работы отец отправлялся на поиски той, которая постоянно где-то пропадала. Ему приходилось обходить дома её подруг. Раз он обнаружил её в одной квартире, где жила одна из её подруг. Там он увидел и **УЧИТЕЛЬНИЦУ**. В этой квартире четыре подруги устроили себе застолье и попойку.

На какие деньги они пили? Не на деньги же **УЧИТЕЛЬНИЦЫ**. Одна из подруг сразу поспешила уйти оттуда. А у **УЧИТЕЛЬНИЦЫ ХВАТИЛО** наглости на то, чтобы **СХВАТИТЬ** чашку со стола и запустить ею в моего отца, чьи деньги они пропивали и проедали. Чашка пролетела мимо.

В другой раз он опять обнаружил свою, так называемую, «жену» в этой же пятиэтажке. Она вместе с той подругой, которая там жила, уже спускалась по межэтажной лестнице. Когда она пришла домой, то зашла сразу забежала в ванную, налила в чашку перекись водорода, средство для отбеливания тканей, и выпила её. Потом она стала просить, чтобы вызвали «скорую». Отец не стал вызывать. «Скорую» вызвала её подруга, которая тоже пришла вместе с ней.

Когда одна армянка в белом халате из приехавшей «скорой» зашла в дом и увидела на холодильнике какое-то чрезмерное количество губных помад и теней для век, она сказала: «Всё ясно... Этот человек в дерьмо какое-то влип. Она хочет его посадить». Мы жили в Армении, и моему отцу повезло в этом. Если всё происходило в России, то его было бы **ЛЕГЧЕ** посадить.

Со временем только всё сильнее выявлялось это её стремление посадить моего отца. Она решила избавиться от него и присвоить себе и квартиру и всё имущество. Она тратила деньги, чтобы подрывать семейный бюджет, чтобы вывести моего отца из себя и оставить его в чём-то **ВИНОВАТЫМ**. И в то же самое время, она могла **ПОКАЗЫВАТЬ** себя денежной. Она тратилась на себя, когда покупала себе наряды, и в этих нарядах могла **ПОКАЗЫВАТЬ** себя. Она себя **ПОКАЗЫВАЛА** денежной, когда покупала выпивку своим подругам, которые уже за столом были на её стороне и могли поддерживать её в том, что чем она могла **ОБВИНИТЬ** моего отца. За тем столом, за которыми пропивались заработанные моим отцом деньги, она уже **ОБВИНЯЛА** его в том, что он «**УЧИТ**» детей и настраивает их против неё. За этим столом она могла сидела в таких же «священных одеждах», какие были у **УЧИТЕЛЬНИЦЫ**, когда начинала жужжать про него, испражняясь какими-то рассказами, **КУЧАМИ** лживых **ОБВИНЕНИЙ**. Она словно заживо собиралась его похоронить под этими **КУЧАМИ**. А её подруги только поддерживали её, давали ей советы, **УЧИЛИ** её, как ей всё лучше **СДЕЛАТЬ**.

Через какое-то время мне после череды беспощадных озарений стало ясно, что матерью ещё несколькими годами раньше было задумано избавиться от моего отца. Где-то в 1974 году она тайно взяла и отвезла своей толстопузой матери, которая каждую неделю ходила в церковь, чтобы **ПОКАЗЫВАТЬ** себя какой-то набожной, три золотых крестика: моего отца, моей сестры и мой, – чтобы та их продала. И та их продала, видимо с «соизволения бога», чтобы потом чему-то можно было быть уже «обязанной, как чуду». Этим тварям **НИЧЕГО** не было известно о Вольтере, написавшем о «тучах мошек, на землю упавших», о детях, «задушенных у отцовского порога с соизволения бога», о тех, кто покинул Египет, о «выкравших посуду и воровству обязанных как чуду».

Ощущение растущей и близко подступившей опасности **СДЕЛАЛО** развод неизбежной **НЕОБХОДИМОСТЬЮ**. Жужжавшая гадина опасалась, что ей придётся платить алименты на детей, и жужжала про то, что у моей младшей сестры не хватает возраста для того, чтобы

решать о том, что с кем из родителей она хочет отстаться, и для того, чтобы находиться в суде. Суд оставил сестру жужжавшей гадине, у которой в этот день денег уже не было.

Отец продолжал заботиться о нас. И мы заметно лучше стали питаться. А та гадина, лишившись уже доступа к зарабатываемым моим отцом деньгам, пошла и сняла деньги с накопительных счетов, которые были **ОТКРЫТЫ** на детей до их совершеннолетия, и потратила их на себя. Она постаралась **ОТКРЫТЬ** эти счета, чтобы себе **СДЕЛАТЬ** такие запасы. Ни рубля из этих денег не было потрачено на меня или на мою сестру.

Мы все продолжали жить в одной **ДВУХКОМНАТНОЙ** квартире, которую эта гадина собиралась присвоить со всем её содержимым, из которой никуда не собиралась уходить. После развода ощущение близости какого-то опасного края никуда не исчезло, а стало только сильнее. В середине весны 1981 года отец согласился обменять **ДВУХКОМНАТНУЮ** квартиру на однокомнатную с доплатой. Он собрался взять деньги за одну комнату, забрать детей и уехать оттуда, где ему пришлось нести потери. А та гадина против того, что он собрался забрать детей с собой, **НИЧЕГО** не имела. И **РАЗДЕЛ** имущества лишний раз **ПОКАЗАЛ** её низость и мелочность. И **НИЧЕГО** кроме отвращения не могло вызвать то, как эта тварь, посмеывая продать золотые крестики, принялась жужжать о том, что золотые серьги, кольца, цепочка не подлежат **РАЗДЕЛУ**, что это всё её «личные вещи». Мой отец мой не был настроен на какие-то активные действия, и это только помогало этой гадине присваивать себе то одно, то другое.

Перед тем, как уехать, мы чуть больше недели прожили у самого младшего из братьев отца. На новом месте что-то не получалось обосноваться. Не чувствовалось какой-то **ОПОРЫ** против чего-то уже хорошо знакомого, чужого и враждебного нам. Сказывались и понесённые нами потери. Наше положение и так уже было подорвано. Отец решил поехать в обратную сторону. Но к чему же мы могли вернуться? По всей видимости, отца потом стали одолевать сомнения, что не поспешил ли он вернуться. И мы во **ВТОРОЙ** раз поехали за **ДВЕ** тысячи километров. И во **ВТОРОЙ** раз за то лето 1981 года мы поехали в обратную сторону.

Когда мы во **ВТОРОЙ** раз вернулись на поезде, была уже ночь. Когда мы поехали с железнодорожного вокзала по ночным совершенно **ПУСТЫМ** улицам города к одному месту, куда ещё могли возвращаться, мне стало по-настоящему страшно. Мы **ДВАЖДЫ** проехали тысячи километров в одну и другую сторону, но, всё равно, всё так же продолжали оставаться у какого-то опасного края, к которому нас сносило. Мы ехали мимо множества домов с множеством окон, и ни за одним из них нам не было места. И всем тем, кто находился за этими окнами и стенами, спал в тепле и уюте, не было и не могло быть никакого **ДЕЛА** до нас. Я **НАПОЛНЯЛСЯ** тревогой от понимания того, что всему этому городу с множеством домов было всё равно: есть мы или нет. Беспросветность того положения, в котором мы оказались, лишний раз подтверждало чёрное небо над нами.

Когда я проснулся в «старом доме» у самого младшего из братьев отца и вышел наружу, обратил внимание на то, что тревога, **ОХВАТИВШАЯ** меня ночью, совершенно исчезла. Обратил внимание и на то, что солнечные лучи давали какую-то надежду.

*С трепетом сердца мы ждали явления божественной Эос.
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
ОДИССЕЯ, песнь IX, стих 306—307*

Через пару недель закончились летние каникулы, и я с сестрой пошли опять **УЧИТЬСЯ** в школу. Где-то через месяц сестра вернулась к той гадине, после того, как та стала встречать её после школы и звать к себе. К этому времени отцу стало известно об **ОБВИНЕНИЯХ** в его адрес, о том, что это он принялся **КРУГОМ** распространять какие-то гадости о ней, чтобы постараться её как следует опозорить. Такими **ОБВИНЕНИЯМИ** та гадина лишний раз выда-

вала своё понимание того, что как она сама старалась ему нагадить. А гадости про неё старалась распространять **УЧИТЕЛЬНИЦА**, её подруга. Этой подруге многое было известно, они же вместе где-то бывали. Эта **УЧИТЕЛЬНИЦА** злилась, когда не получала то, что рассчитывала сама получить, что **УСПЕВАЛА СХВАТИТЬ** и присвоить её подруга.

Ещё пару раз отец уезжал, чтобы обосноваться где-то в другом месте, но у него **НИЧЕГО** с этим не получилось. Когда прошло девять месяцев с того дня, как он уволился с завода, где проработал больше **ДВАДЦАТИ** лет, он вернулся на своё прежнее место работы. Ему обещали **ВЫДЕЛИТЬ** комнату в общежитии, которое **ДОЛЖНО** было быть готовым через несколько месяцев.

Когда в 1982 году наступило лето, опять пришлось потревожиться. Семьи, которые жили в «старом доме», могли уже начать переселяться в уже готовые квартиры в построенных девятиэтажках. Я с отцом оставались в стороне от происходящего. Нам хода в эти девятиэтажки хода не было. Нам пришлось спать на полу, когда деревянный потолок над нами уже был разобран. Когда нашлись желавшие приобрести половые доски и доски с крыши, не стало ни этого пола, ни крыши. Разбирались все постройки из дерева. «Старый дом» выглядел обезображенным без крыши, без окон и дверей.

Мы **УСПЕЛИ** перебраться к другому брату отца до того, как разобрали пол и крышу. И этот брат **УСПЕЛ** к этому времени развестись. Трое его детей остались с ним. Он отказался переезжать в новую квартиру, потому что кто-то влез туда и выкрутил в ванной, в туалете и снимал оттуда всё, что могло пригодиться. Я с отцом перебрались в последний сохранившийся уголок «старого дома». Там мы продержались недели три. Когда до начала нового **УЧЕБНОГО** года осталось ещё три недели, мы перебрались в ещё неготовое общежитие и заняли одну небольшую комнату. Я и отец самыми **ПЕРВЫМИ** стали там жить. Больше года близость какого-то опасного края вызывала у меня беспокойство. Заметно спокойнее стало, когда мы стали жить в общежитии.

Когда закончилась **УЧЁБА** в школе, обнаружилось пренебрежение и безразличие к тому, что сколько времени и сил мной было отдано этой **УЧЁБЕ**. Обнаружились какие-то совершенно неожиданно завышенные планки и требования, не преодоление которых у меня уже сил **НЕ ХВАТАЛО**. В школе **ПОВТОРЯЛИ**, что нас там обеспечивают всеми **НЕОБХОДИМЫМИ** знаниями, которые стали выглядеть совершенно никому не нужными. **ОБУЧЕНИЕ**, которое я проходил, стало выглядеть таким, словно **ОНО** было призвано отнимать время, подрывать силы и обессиливать.

После окончания школы я почувствовал сильную усталость. Эта усталость перед завышенными планками и требованиями давала мне понять, что **УЧИТЬСЯ ДАЛЬШЕ** у меня не получится. От службы в армии, от которой некуда не было деваться. Я решил, что после службы будет виднее, что тогда у меня будет **ХВАТАТЬ** того, чего пока ещё **НЕ ХВАТАЛО** для того, чтобы пойти **УЧИТЬСЯ ДАЛЬШЕ**. Через три месяца я пошёл на завод, чтобы работать вместе с моим отцом.

В армии я, уже **НАУЧЁННЫЙ** опытом **УЧЁБЫ** в школе, стал **СОПРОТИВЛЯТЬСЯ** режиму угнетения, и этим **СОПРОТИВЛЕНИЕМ** уже спасал себя. С самого раннего детства мной замечались мгновения уже виденного, и эти мгновения помогали мне держаться.

Из армии, через **ДВА** года, я вернулся в полуразрушенный землетрясением город и стал жить вместе с отцом в одиноко стоявшей палатке. Войлочная палатка на каркасе из деревянных брусков сверху была **ПОКРЫТА** брезентом. Она стояла на полосе между железными дорогами и шоссе. После службы в армии я почувствовал только ещё большую усталость. Четыре месяца мне пришлось восстанавливать силы прежде, чем снова начать ходить на работу.

Я продолжал оставаться **ОХВАЧЕННЫМ НЕОБХОДИМОСТЬЮ** не допустить того, чтобы потраченные в школе силы и время ушли **ВПУСТУЮ**, и летом 1990 года поехал поступать в художественное **УЧИЛИЩЕ**. Но там я обнаружил то, чему и там давался ход, и повер-

нул в обратную сторону. И тогда я замечал мгновения уже виденного, которые каждый раз служили мне лишним подтверждением того, что и всему этому надлежало случиться.

*Лучше видеть глазами, нежели бродить душиёю.
Библия, Екклесиаст 6:9*

Вся бедственность нашего положения и близость к опасному краю **ОТКРЫЛИСЬ** для моего понимания со всей очевидностью только тогда, когда я вернулся назад. Чтобы продержаться, нужно было суметь заработать достаточное количество денег. И что-то страшновато стало от понимания того, что наше положение будет зависеть от наличия работы на заводе. А работы как раз становилось всё меньше. Всё выглядело так, словно нам осталось держаться за какую-то нить, которая становилась всё тоньше и грозила, в конце концов, оборваться.

КРУГОМ стало происходить что-то не то. Что-то не то было в том, как прежде удерживавшие «педагогическое» сжатие горла стали **ОТКРЫТО** возмущаться то одним, то другим, усиливая распространявшееся по всей стране жужжание. Такое жужжание могло обещать только погружение во что-то худшее. Через несколько лет стало ясно, что когда были объявлены «перестройка» и «гласность», была объявлена очередная война перемен с неизбежными «мёртвыми душами» и жужжащими «проповедниками кнута».

*«Свобода» вопите вы все особенно охотно; но я
разучился верить в «великие события», коль
скоро вокруг них много шума и дыма.
И поверь мне, друг мой, адский шум!
Величайшие события – это не наши самые
шумные, а наши самые тихие часы.
НИЦШЕ, «Так говорил Заратустра»*

Я почувствовал какую-то нашу оставленность, нас словно уже бросили. Всё **ВОКРУГ** только грозило нам увеличением ущерба и убыли. Мне пришлось больше и больше задумываться о том, что как же можно укрепить наше положение. Само состояние нашей палатки, которой пошёл уже третий год, вызывало ощущение растущей и близко подступившей опасности. За железными дорогами, там, где собирался в **КУЧИ** металлолом, я обнаружил **ДВА** рулона тонкой жести и вместе с отцом притащил их к палатке. Брезент на ней уже сопрел. Этих **ДВУХ** рулонов **ВПОЛНЕ** могло **ХВАТИТЬ** на то, чтобы **ПОКРЫТЬ** палатку жестью.

Я чаще стал задумываться о том, что нам лучше будет, если мы куда-нибудь уедем. Один долговязый и тощий, которого я считал его своим другом, куда-то ездил. Он много рассказывал о том, что как там хорошо, и о том, что как хорошо у него там идут **ДЕЛА**. Он занял у нас тысячу **ДВЕСТИ** рублей и четыре месяца **ВТОРИЛ НЕОБХОДИМОСТИ ОБЯЗАТЕЛЬНО** их вернуть. Но он эти деньги у него как не получалось вернуть из-за возникавших у него раз за разом каких-то затруднений и сложностей. Моё желание поехать и самому посмотреть то место, куда он ездил, помогло ему **ПОТЯНУТЬ** меня съездить в феврале 1991 года за **ДВЕ** тысячи километров в Калужскую область в посёлок Сосенский, где он собирался заработать и вернуть все деньги, которые брал в долг, которые **НЕПОНЯТНО** куда девались. Когда я увидел этот посёлок, то сразу понял, что там совершенно нечего **ДЕЛАТЬ**. Понял и то, что как помогал долговязому и тощему **ДВАЖДЫ** обмануть себя. Деньги вернул его отец.

*Лучше видеть глазами, чем бродить душиёю.
Библия, Екклесиаст 6:9*

За десять лет до этого, в 1981 году, мой отец **ДВАЖДЫ** ездил за **ДВЕ** тысячи километров и возвращался обратно. Что-то стало **ПОВТОРЯТЬСЯ**. И я решил, что мне лучше прилагать усилия в родном городе. И в том далёком посёлке я несколько раз заметил мгновения уже виденного.

Я стал думать о том, что, работая на стройке, можно будет надеяться на то, чтобы намного раньше получить жильё, квартиру, в каком-нибудь доме, и отправился на другую окраину города, туда, где, в основном, и развернулось строительство домов. Не зная того, что куда же **ДАЛЬШЕ** мне нужно направить свои шаги, я решил зайти домой к одному однокласснику, который жил на этой окраине города. От него можно было что-то узнать. Выяснилось, что его одноглазый отец как раз работал на одной из строек, точнее уже продолжительное время не работал, потому что строительство приостановилось, и ни на какие изменения к лучшему рассчитывать не стоило.

Тут мать одноклассника взяла и предложила мне съездить с её сыном на Алтай, где как раз и можно было проработать на стройке. И там, по её словам, за **ДВЕ** тысячи **ВПОЛНЕ** можно было купить бревенчатый дом. И возможность купить дом меня **ПОТЯНУЛА** поехать туда. В той стороне, по словам моего одноклассника, нас уже ждала работа по укладке асфальта. Расстояние, которое предстояло преодолеть вместе с одноклассником в самом конце апреля, было уже в **ДВА** раза больше того, которое я преодолел вместе с долговязым и тощим во **ВТОРОЙ** половине февраля.

3. ПРОТЯЖЁННОСТЬ дороги, которую собирались **ПОКРЫТЬ** асфальтом, в том селе, куда мы приехали, была сокращена настолько, чтобы нам уже и не стоило за это браться, и мы отказались от такой работы. Я с одноклассником вернулись в дом его бабки. Через неделю другую уже с участием его дяди собрались начать строительство крытой площадки для зерна в другом селе, но тут этот дядя чем-то стал недоволен, бросил всё и уехал обратно домой. Он жил в том же селе, где жила бабка одноклассника.

Позднее выяснилось, что он прекрасно понимал, что без него не смогут обойтись, и уехал для того, чтобы вернуться и получать больше денег. От всего того, что происходило и от того, как одноклассник стал **ПОКАЗЫВАТЬ** себя, я стал задумываться о том, чтобы всё бросить и уехать обратно в Армению. Я уже собрался уезжать, но тут дядя дал своё согласие вернуться к работе, после того, как ему было обещано платить больше, и работа началась. У меня уже было время, месяца четыре, на то, чтобы узнать, что какие дома там продавались, и на то, чтобы принять решение покупать или не покупать дом.

Время шло, и, как нарочно, ни об одном доме, который продавался, у меня не получалось узнать. Какая-то неотступная тревога всё сильнее изводила меня и жестоко мучила. Свидетельством чего она могла быть? Может, она о чём-то предупреждала? Или, может, она предупреждала о какой-то опасности, об опасности **СДЕЛАТЬ** наше положение только ещё более подорванным? Или о **НЕОБХОДИМОСТИ** принятия какого-то решения? Или об опасности какой-то ошибки, которую нельзя будет исправить, последствия которой будут чудовищными? Или об опасности потратиться на то, что того не будет стоить? Или об опасности остаться навсегда **ВИНОВАТЫМ** за то, что чего-то **НЕ СДЕЛАЛ** или **СДЕЛАЛ** что-то не то?

*Каждый человек виновен во всём хорошем,
чего он не сделал в жизни.
Вольтер*

Одoleвавшие меня сомнения только усугубляли гнёт **ТЯГОСТНЫХ** раздумий. Я стал бояться того, что оказался во власти опасного заблуждения и какой-то напрасной надежды. И эта ноша становилась всё тяжелее из-за того, что не получалось прийти к окончательному решению: покупать или не покупать дом. У меня всё никак не получалось утвердиться в том,

что будет лучше для нас: остаться с деньгами или с домом. Мне было известно о поговорке: «Что тяжело несёшь – не донесёшь», – и даже стал пытаться отказаться от задуманного. Всегда остаётся одно решение, когда что-то не получается: отказаться от задуманного. Но бросить думать о возможности купить дом не получалось, и это могло быть свидетельством **НЕОБХОДИМОСТИ** покупки дома. Осенью всё могло разрешиться само собой, когда останется только уезжать, если ни об одном доме так и не станет известно. И мне приходилось оставлять себя с этой тревогой, раздумиями, сомнениями до осени.

Из того села, где мы работали, на выходные дядя одноклассника со своим сыном каждый раз возвращались к себе домой, на улицу Советскую, а я с одноклассником в дом к его бабке, на Береговую-74. Обычно мы приезжали вечером в пятницу. А **ДВАДЦАТОГО** сентября, в пятницу, мы приехали раньше, часа на четыре. Накануне приехала, прилетев из Армении, мать одноклассника, и вместе с ней и с бабкой одноклассник отправился в дом его тётки, чтобы посидеть в **КРУГУ** родственников. Дома я остался один, и, вскоре, оказался под властью мучивших меня вопросов и сомнений. Я лежал на кровати, и мне приходилось раз за разом поворачиваться то на спину, то на бок, то на другой бок, то на живот, потом опять на спину. Это становилось невыносимым, и я решил, что мне лучше встать с кровати и выйти из избы наружу, чтобы уже так изменить своё положение.

*В моей душе как-будто шла борьба,
Мешавшая мне спать; лежать мне было
Тяжелее, чем колоднику. Внезапно, —
Хвала внезапности: нас безрассудство
Иной раз выручает там, где гибнет
Глубокий замысел, то божество
Намерения наши довершает,
Хотя бы ум наметил и не так...
Шекспир, «Гамлет», акт V, сцена II*

Какой-то **ОПРЕДЕЛЁННОЙ** цели у меня не было. Оказавшись снаружи, я посмотрел налево, в сторону калитки, но там не было **НИЧЕГО** такого, что могло бы **ПОТЯНУТЬ** меня в эту сторону. Я повернулся направо и направился в противоположную сторону, к огороду. Меня **ПОТЯНУЛО СДЕЛАТЬ** ещё где-то четыре шага. Когда дом, находившийся справа от меня, уже **НИЧЕГО** не мог загораживать собой, я остановился, не зная что мне **ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ** и куда же мне **ДАЛЬШЕ** идти. И тут я повернул голову направо. Так можно повернуться на чей-то взгляд.

Сб.	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24
Вс.	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25
	ИЮЛЬ	АВГУСТ	СЕНТЯБРЬ
Пн.	3 10 17 24 31	7 14 21 28	4 11 18 25
Вт.	4 11 18 25	1 8 15 22 29	5 12 19 26
Ср.	5 12 19 26	2 9 16 23 30	6 13 20 27
Чт.	6 13 20 27	3 10 17 24 31	7 14 21 28
Пт.	7 14 21 28	4 11 18 25	1 8 15 22 29
Сб.	1 8 15 22 29	5 12 19 26	2 9 16 23 30
Вс.	2 9 16 23 30	6 13 20 27	3 10 17 24
	ОКТАБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ
Пн.	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25
Вт.	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26
Ср.	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27
Чт.	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28
Пт.	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29
Сб.	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30

«Вот он: этот дом!... Это судьба.»

Я всё увидел в точности таким, каким всё видел в том сне лет тринадцать-четырнадцать тому назад. Сон побуждал меня снова увидеть этот дом, и при этом мне прекрасно было известно о том, что где он находился.

Было уже около восьми часов вечера, когда именно с этого места, где остановился, с точно такого расстояния, я, наконец-то, увидел этот дом. А я тщетно пытался обнаружить его в Лени-накане, в Армении. Он оказался совсем в другом месте, за тысячи километров от этого города, в Тогуле, в Алтайском крае, там, где меня до этого ни разу не было. И этот дом оказался сосед-ним домом бабке одноклассника. И оказалось, что этот дом я мог узнать только с этого места, находясь не на дороге, не на улице, которая проходила между **ДВУМЯ** рядами домов с огра-дами с одной и с другой стороны. Мне нужно было остановиться именно на этом месте, за огра-дой в шагах **ДВАДЦАТИ** от дороги. Именно с этого места и именно в это время его стало возможным узнать.

Я же видел этот дом и в конце апреля, в самом начале мая, но не узнавал его. Этот дом **СДЕЛАЛСЯ** неузнаваемым из-за того, что было **ВОКРУГ** него. Когда наступило лето, его не стало видно из-за ветвей яблонь, которые были **ПОКРЫТЫ** листьями. Нужно было, чтобы наступила осень, чтобы листва с яблонь стала опадать точно так, как в том сне, чтобы и небо было таким хмурым и **ЗАТЯНУТЫМ** сплошными серыми облаками, и свет стал ровным, без теней, чтобы дом стал узнаваемым.

А я думал, что этот дом был сложен из серого туфа, из которого строились все одноэтаж-ные дома в нашем городе. Оказалось, что этот дом сложен был из брёвен пихты, затем «обшит» «почерневшими» уже тесовыми досками из той же пихты.

За прошедшие годы замечаемые мной мгновения уже виденного каждый раз мне уже служили подтверждениями тому, что всё происходившее **ДОЛЖНО** было случиться. Они стали для меня какими-то путевыми знаками, которые помогали мне удерживаться на какой-

то дороге, которая как не могла оборваться. Если эта дорога продолжалась **ДАЛЬШЕ**, то только на ней можно было **СОХРАНИТЬ** себя. Только на этой дороге можно было оставаться **ЗАЩИЩЁННЫМ**. И этот дом оказался очередным путевым знаком и не мог не служить вернейшим подтверждением не только того, что всё произошедшее до этого знака **ДОЛЖНО** было случиться, но неслучайности того чувства, которое побуждало меня увидеть этот дом.

Вечером **ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО** сентября, в субботу, когда все находились в большой комнате у телевизора, послышалось, что кто-то снаружи **ОТКРЫЛ** дверь и зашёл в соседнюю комнату, на кухню. Все, находившиеся в зале, стали подниматься со своих мест и выходить в соседнюю комнату, чтобы посмотреть кто это пришёл. Я вышел следом за матерью одноклассника. Как оказалось, это зашла жена дяди одноклассника. В этом было что-то неожиданное. Я в **ПЕРВЫЙ** раз увидел её в этом доме. Скорее всего, она и в прошлом году ни разу в этом доме не появлялась. Что же её привело?

В ней была какая-то примесь из фальши, что-то напускное. Она выглядела настолько измождённой, словно еле дошла, и зашла только для того, чтобы дать себе немного передохнуть. По всей видимости, даже ноги её уже не держали. Она сразу уселась на старый диван, который был задвинут в угол у входной двери, и принялась рассказывать про то, как она вместе с невесткой и сыном устали копать картошку на их **ВТОРОМ** огороде. И то, как она это **ДЕЛАЛА**, оказалось для меня очень хорошо и давно знакомым. Знакомым с того времени, когда в нашей пятиэтажке, которая тогда была недавно (может, где-то три года назад), стали работать газосварщики, они проводили какие-то трубы.

И тогда тоже была осень. Мать взяла меня с собой и поднялась на четвёртый этаж в **ПЕРВОМ** подъезде. И мне тогда пришлось долго сидеть и томиться на тахте в ожидании того, что когда же она наговорится с одной пожилой женщиной. И тахта, на которой я тогда сидел, находилась на кухне. Скорее всего, это была осенью 1971 года. Когда этот день сменила ночь, мне приснился сон, в котором какая-то незнакомая женщина сидела у стены рядом с дверью и как в противоположном углу, и она на что-то жаловалась. А я в этом сне как стоял и кто-то ещё находился слева от меня.

Прошло лет **ДВАДЦАТЬ**, когда я узнал, что этот сон **ДОЛЖЕН** был сбыться на Алтае, в доме бабки одноклассника. Слева от меня стояла его мать, а за мной и чуть правее в углу стоял холодильник. Сон, сбывшийся в этот вечер, отличался какой-то нечёткостью, какой-то неразборчивостью, каким-то пепельным налётом, от того, который сбылся накануне. И похоже это было на то, как трудно бывает разобрать **ОТДЕЛЬНЫЕ** слова в совершенно чужой и незнакомой речи.

Что же привело эту неприятную женщину в этот дом? Это выяснилось, когда она, наконец-то, спросила:

– А не дадите ли вы нам одного мужика ещё один огород выкопать?

– Хорошо. Завтра я с утра одного отправлю, – ответила ей мать одноклассника так, словно осознавала свою какую-то важность и значимость. И она даже **ПРЕИСПОЛНИЛАСЬ** этим осознанием.

– Завтра утром я приду, – сказал я, чтобы не оставлять какой-то **НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ**. Мне, всё равно, пришлось бы на следующий день «помогать» копать картошку на огороде бабки. Скорее всего, моему однокласснику не очень-то и хотелось «помогать» этой неприятной женщине. И мне этого не хотелось. Но я назвал себя, чтобы не дать **СДЕЛАТЬ** это кому-то другому и чтобы оставить в стороне одноклассника.

Было ясно, что эта неприятная женщина посчитала себя вправе «просить одного мужика», одного из **ДВУХ**, меня или моего одноклассника, пользуясь тем, что мы работали под начальством её мужа, как у источника каких-то их благодеяний. Видимо, она посчитала, что мы могли оставаться ещё чем-то **ОБЯЗАННЫМИ** им и нам следует как-то отрабатывать те благодеяния, которые шли с их стороны.

И **ДВАДЦАТЬ ВТОРОГО** сентября я заметил мгновения уже виденного на том огороде, на котором пришлось выкапывать картошку.

Через неделю мать одноклассника сообщила мне об одном доме, хозяин которого недавно умер. Она сказала, сын умершего собрался продавать этот дом где-то за семь тысяч и через сорок дней после похорон. Мне нужно было подождать ещё недели **ДВЕ**.

На следующей неделе стало известно, что дом, который был намного меньше этого, оказался проданным за девять тысяч. Все, жившие в этом доме, вся семья, все четверо человек, погибли в автобусе, в который врезался грузовик, который тоже перевозил людей. Девятнадцать человек погибло. Уже поднялась волна тех, кто стали уезжать из Киргизии и Казахстана, и кто-то из них постарался **ОБЯЗАТЕЛЬНО** купить этот дом. После этого, те кто собирался продавать дом умершего старого хозяина, стали **ТЯНУТЬ** с продажей с надеждой получить раза в **ДВА** больше денег.

Когда даётся ход одному, то ход другого пресекается. Волна тех, кто стал уезжать из Киргизии и Казахстана, словно пресекала моё намерение купить дом. Но неотступная тревога только продолжала изводить меня сильнее и продолжала меня жестоко мучить. Почему она не оставляла меня? Почему она меня так терзала и вызывала во мне такое **НАПРЯЖЕНИЕ**? У меня оставалась какая-то возможность что-то **СДЕЛАТЬ**? Какая возможность? Размером с игольное ушко, в которое мог пролезть даже верблюд? У меня не было окончательных ответов на вопросы, которыми был **ОХВАЧЕН**. Мне очень сильно не нравилось, что покупка дома будет **СВЯЗАНА** с человеческими смертями. Неотступная тревога не оставляла меня и словно продолжала удерживать меня в этом направлении.

В воскресенье, 13 октября, утром, в одиннадцать часов, сын дяди одноклассника отвёз меня на том грузовике, на котором мы ездили копать картошку, к дому, где жили те, кто сначала собирались продавать дом за семь тысяч. Мне нужно было узнать о том, что за сколько же они собрались его продавать. На мой стук в дверь вышел хозяин дома и после заданного мной вопроса как-то отстранился от меня и двинулся в обратную сторону. Это выглядело так, словно ему ни к чему и не о чем было со мной говорить. На ходу он ответил, что ему только остаётся взять молоток и стучать. Я не понял, что за молоток он собрался взять. Но тут **ПОКАЗАЛАСЬ** его жена. Она поспешила выйти следом за ним, чем и помешала ему **СКРЫТЬСЯ** от меня за дверь.

Она была **ОХВАЧЕНА** каким-то радостным возбуждением, которое вызывало у неё сатанинскую щекотку. Видимо, чтобы объяснить мне кое-что, она сначала сказала о том, что «деньги же сейчас **НИЧЕГО** не значат», потом заговорила о том, что умерший был хорошим хозяином, что и жена у него была «**РУКОДЕЛЬНАЯ**». Эта «**РУКОДЕЛЬНАЯ**» жена, по всей видимости, умерла несколькими годами раньше. Зачем мне о ней нужно было говорить? Происходило что-то **НЕПОНЯТНОЕ**. Я не получил прямого ответа на свой вопрос, а вместо него услышал про какой-то молоток, про какую-то неизвестно когда умершую «**РУКОДЕЛЬНУЮ**» жену умершего недавно.

- Сколько вы просите за дом?
- Я не могу сказать. Мне осталось только молотком стучать.
- А кто мне может назвать цену?
- Вы будете называть.
- И что вы продадите дом за ту цену, которую назову?
- Нет.
- Почему? – спросил я.
- Я не могу называть цену. Вы будете называть, а я стучать молотком.
- Кто это «вы»?
- Покупатели.

И только тут мне стало ясно, о каком молотке он говорил. Он решил устроить как будто аукцион и при этом всячески уклонялся сказать прямо о своём желании продать дом тому, кто даст ему больше денег. Ему хотелось избежать того, чтобы **ПОКАЗАТЬ** своё желание получить больше. Ему хотелось, чтобы всё выглядело так, словно он сам был как ни при чём, словно неизвестно откуда собралась какая-то **КУЧА** людей, чтобы кто-то из них смог больше дать ему денег за дом.

– Ну, и какая же сумма была названа?

– Я не могу называть. Это вы **ДОЛЖНЫ** называть.

– Ты же сказал, что у тебя в руках молоток, которым ты стучишь. Какую сумму ты услышал последней?

– Я не могу называть. Это вы **ДОЛЖНЫ** называть.

– Мне неизвестно о том, что какая сумма была названа последней. Меня в этом «зале» не было. Я не слышал того, что кто какие суммы предлагал. У тебя же был молоток! Как ты мог стучать, если не услышал той суммы, которую кто-то назвал? Какая цена прозвучала последней, когда ты стукнул молотком? Я этого не слышал, а ты не мог не услышать раз стучал.

Он замер, и у него **ОКРУГЛИЛИСЬ** глаза. До его понимания, наконец-то, кое-что дошло из того, о чём я ему говорил, и он сказал:

– Шестнадцать тысяч.

– У нас нет таких денег, – сказал я, повернулся и ушёл.

То, что ему была названа такая цена, вызывало у меня сильные сомнения. Он назвал сумму, которую уже рассчитывал получить. У нас не было столько денег. Названная сумма сразу провела черту, за которую нам хода не было. Мне себя не в чем было уже **ОБВИНЯТЬ**. Я не отказывался от возможности купить дом и старался двигаться в этом направлении. Это направление стало **ЗАКРЫВАТЬСЯ ОТСУТСТВИЕМ НЕОБХОДИМОГО** количества денег.

В течение трёх месяцев я ни об одном доме, который был выставлен на продажу, не смог узнать. Когда же мне стало известно о **ДВУХ** домах, один из них продали очень быстро, а другой оказался недоступным по запрашиваемой цене. У меня почти не осталось и времени на что-то ещё рассчитывать. Мне оставалось только собираться и возвращаться назад. Я почувствовал такое **ОБЛЕГЧЕНИЕ**, которое часто оказывалось каким-то обманчивым. Когда мы поехали в обратную сторону, нам по пути повстречался зять бабки, муж тётки одноклассника. Он махнул рукой, чтобы мы остановились. Он сообщил нам, что один человек продаёт дом, и сказал нам о том, что где же можно увидеть.

Всего лишь несколько минут прошло после того, как я почувствовал себя отброшенным за ту черту, за которой у меня **НИЧЕГО** уже не получится с покупкой дома. Я не обрадовался этому сообщению и согласился отправиться по указанному нам адресу, чтобы **НЕ ПОКАЗЫВАТЬ** что-то **НЕПОНЯТНОЕ**. Сначала нашли нужного нам человека, затем поехали посмотреть на дом, который он продавал.

(Дом в центре за знаком)

Когда мы остановились у нужного нам дома, я вышел из кабины. И как только я спрыгнул на землю с подножки грузовика, развернулся в сторону дома и двинулся к калитке, уже почувствовал, что это со мной уже было. И то, как подходил к калитке, и то, как **ОТКРЫВАЛ** её, и то, как **СДЕЛАЛ** несколько шагов до тесовой двери веранды, **ОТКРЫЛ** её и вошёл, – всё это оказалось очень хорошо и давно мне знакомым. Мгновения уже виденного оказались какими-то продолжительными. И веранда изнутри оказалась хорошо и давно мне знакомой, и дверь слева, в самую избу, тоже. И в самом доме всё для меня оказалось поразительно знакомым: и широкие половые доски, выгнутые дугой, и неровные стены дома, и то, как они были побелены извёсткой, и как местами замазаны глиной. И «русская» печка, под тяжестью которой выгнулись полы, поразительно была мне знакомой. Увиденное мной мне не так уж сильно и понравилось, но я почувствовал согласие купить этот дом, и удивился этому чувству.

Дом изнутри был **РАЗДЕЛЁН** на **ДВЕ** части перегородкой, и я увидел, только одну его часть изнутри. Чтобы посмотреть **ВТОРУЮ** часть, мне нужно было выйти наружу, **СДЕЛАТЬ** несколько шагов до ещё одного входа в дом, через другую веранду. Когда зашёл во **ВТОРУЮ** часть дома, уже перестал замечать что-то давно мне знакомое.

– Сколько просите за дом? – спросил я у хозяина, когда мы вернулись к нему.

– Мне одиннадцать предлагали, – ответил он так, как-будто это кто-то другой ему столько предлагал, а не ему самому хотелось столько получить.

– Хорошо. Я дам вам одиннадцать, – эти слова словно сами собой сорвались у меня с языка. Я даже засомневался в том, что у нас соберётся столько денег.

Хозяин дома сказал мне о том, что нам нужно встретиться через десять дней, чтобы он за это время переоформил дом своего отца на своё имя.

После этого мы поехали туда, откуда выехали, к дому, где жил сидевший в грузовике за рулём сын дяди одноклассника. Когда мы зашли к нему домой и сообщили о том, что какой дом я собрался покупать, то его мамаша и папаша с каким-то поразительным **ЕДИНОДУШИЕМ** стали говорить мне, что этот дом плохой и что место там плохое. Его мамаша сказала мне, что этот дом ещё весной продавался за четыре с половиной тысячи, и никто не стал его покупать. Она посчитала нужным добавить ещё то, что если я его куплю, то уже не смогу продать.

Его папаша стал говорить, что такой дом за такие деньги покупать – это всё равно, что на ветер деньги взять и выбросить, что лучше где-нибудь купить сруб, привезти его и собрать на новом месте. Он сказал, что мне на следующий год нужно приехать, чтобы купить дом получше. Их сынок до всего этого держался так, словно он оказался причастным к чему-то значимому и значительному, а тут он как-то сразу переменялся и стал **ВТОРИТЬ** своей мамаше и своему папаше. И он стал советовать мне покупать брёвна и напилить брус, а потом сложить из него новый дом. Его мамаша сказала, что так лучше будет **СДЕЛАТЬ**, чем «гнилушки» покупать. Чем больше они говорили, тем сильнее я стал чувствовать, что они что-то не то говорят. Они говорили так, словно всё по раз и навсегда заведённому порядку продолжится и на следующий год, и **НИЧЕГО** не изменится. А мне было совершенно ясно, что если я дом не куплю и уеду, мне уже ни к чему будет приезжать. У меня было время на то, чтобы **УСПЕТЬ** купить дом. У меня не было времени искать где-то какой-то сруб, покупать и перевозить его. А куда я бы стал перевозить разобранный сруб? На какое место? На какой-то участок земли, который мне могли **ВЫДЕЛИТЬ**? А оформление участка земли ни времени, ни сил не отнимает? А кто будет складывать брёвна в сруб? Это кого-то нужно нанимать и платить за работу.

У этих людей было какое-то шаблонное мышление, и говорили они по известным им шаблонам. Так они могли выглядеть **УМНЕЕ** других и оставаться **УМНЕЕ** многих. Они сумели заронить сомнения мне в душу.

4. – И за такой дом пятнадцать тысяч?!! – переспросил я, когда следующая неделя была уже на исходе. Меня поразило то, что сколько денег кое-кому уже хотелось получить за один крохотный домик, в котором жил «сапожник». Этого «сапожника» на прошлой неделе в центре села, недалеко от кинотеатра, убил один азербайджанец. После этого убийства началось такое жужжание, которое многих **СДЕЛАЛО ОХВАЧЕННЫМИ** готовыми избавляться от всех чужаков. В **ПЕРВУЮ** очередь этому множеству хотелось прогнать всех азербайджанцев из этого села. Пошли такие разговоры, что к такому словно уже **ЕДИНОДУШНОМУ** решению **ДОЛЖНЫ** были прийти на «сельском сходе». Но все разговоры о «сельском сходе» так и остались всего лишь разговорами. Зато окна тех домов, в которых жили азербайджанцы, брошенными в них камнями повыбивали стёкла.

Дядя одноклассника заговорил как об **ОТКРЫВШЕЙСЯ** для меня возможности купить дом у одного азербайджанца, которому как уже **НИЧЕГО** не оставалось, как только собраться и уезжать куда-нибудь со своей семьёй, за пять-шесть тысяч. Избушка убитого была раза в четыре меньше того дома, за который собирались получить шестнадцать тысяч.

– Да, – ответила мне жена дяди одноклассника, которая собралась помочь мне купить дом и получше, и на лучшем месте, и дешевле. – Видишь же: что происходит.

То, как она говорила раньше, и то, как она стала говорить, только свидетельствовало о том, что насколько те, кто **ОКРУЖАЛ** меня, отставали от меня в понимании происходившего. Её сын повёл меня к одному дому, который не продавался, но который мог продаваться. Он выглядел намного хуже того дома, который я собрался покупать. А там, где стоял дом убитого, даже смотреть было не на что. **НИЧЕГО** хорошего я не увидел там, где находились эти другие дома. На следующий день, в воскресенье, его отец отвёз меня к одному дому. Он посчитал, что этот дом будет продаваться, раз ему стало известно о том, что тем, кто проживал

в нём, как **ДОЛЖНЫ** были **ВЫДЕЛИТЬ** квартиру. А жившим в этом доме, как оказалось, **НИЧЕГО** не было известно про квартиру, которую им собирались **ВЫДЕЛИТЬ**. И этот дом пока никто не собирался продавать. И этот дом выглядел намного хуже того, который я был согласен купить. У меня стало усиливаться только ощущение какой-то **ПУСТОТЫ** из-за того, что как мне старались помочь. Эти пути, по которым меня стали водить, не к чему не приводили. Меня раз за разом словно уводили куда-то не туда, помогая остаться ни с чем.

К этому времени наша бригада взялась уже за **ВТОРУЮ** работу в том, селе, куда мы уезжали дней на пять каждую неделю. Дядя одноклассника стал уже себе позволять продолжительное время **ОТСУТСТВОВАТЬ** там, где мы работали. Он пропадал на том грузовике, который нам **ВЫДЕЛИЛИ** для того, чтобы мы ездили с работы и на работу. И тут уже нам раза три-четыре пришлось идти пешком на обед с одной окраины села до другой его окраины, где находилась столовая. Дядя появлялся уже тогда, когда в столовой никого уже не оставалось. И он появлялся выпившим. И он ещё начинал чем-то возмущаться, чтобы бригаду, которую он оставил, оставить в чём-то **ВИНОВАТОЙ**.

Прошли **ДВЕ** недели после того, как я обещал встретиться с тем, кто продавал дом за одиннадцать тысяч, когда дядя снова появился пьяным на работе и стал только мешать остальным работать. Мне стало ясно, что так **ДАЛЬШЕ** больше не пойдёт. Я разозлился, бросил работу и уехал из этого села, чтобы встретиться с тем, кто мог ещё продавать тот дом. У меня появились опасения, что и этот дом уже может быть продан.

Меня же **ПОТЯНУЛА** меня отправиться в эти края возможность купить дом, а не работа. Если бы этот дом оказался бы уже проданным, мне уже **ДЕЛАТЬ** было нечего в этих краях.

Я злился на себя за то, что не поехал через десять дней покупать этот дом, за то, что послушал тех, кто стал отговаривать меня от такой покупки, и сильно боялся того, что уже упустил остававшуюся ещё возможность купить дом. Но при всей тревожности мыслей, которые терзали меня, что-то успокаивало меня так, словно этот дом, всё равно, будет куплен именно мной, а не кем-то другим, словно он был закреплён за мной. Раз за разом мне приходилось возвращаться в **ПАМЯТИ** к тому, как я почувствовал само согласие купить этот дом. И это чувство словно служило лишним подтверждением тому, что дом был закреплён за мной.

Хозяин этого дома всё ещё продавал его за ту же цену. И оказалось, что ему стало известно о том, что меня стали отговаривать от такой покупки, и он не стал даже переоформлять этот дом на своё имя. В этот день выяснилось, что мне ещё немного придётся подождать из-за того, что одна женщина, у которой были все **НЕОБХОДИМЫЕ** печати, оказалась на «больничном». Она могла выйти на работу через **ДВА**-три дня.

*Меж двух равномающих яств свободный
В их выборе к зубам бы не поднёс
Ни одного и умер бы голодным.
Так агнец медлил бы меж двух угроз
Прожорливых волков, равнострашимый,
Так медлил бы меж двух оленей пёс.
Данте, «Божественная комедия»*

*Пред человеком жизнь и смерть, и чего он пожелает, то и дасться ему.
Библия, Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова 15:17*

И эти три дня и три ночи оказались для меня самыми мучительными. Я продолжал оставаться у той развилки, у которой **НЕОБХОДИМО** было **СДЕЛАТЬ** окончательный выбор. **НИЧЕГО** хорошего не было для меня ни в одной стороне, ни в другой. Наступали какие-

то времена, от которого нигде не получалось **СКРЫТЬСЯ**, которые готовы были нас похоронить. Меня мучил один вопрос в числе множества других: зачем тогда **ДЕЛАТЬ** выбор, если всё равно, нас скоро будут хоронить и там, и там? Почему же меня так изводила и продолжала жестоко мучить сила внутренней тревоги, если, всё равно, нам оставалось только пропадать? Значит, что-то ещё оставалось? Что? Возможность **СДЕЛАТЬ** выбор. Значит, была какая-то угроза худшего, Раз у меня не получалось отказаться от выбора, значит, оставалась угроза худшего, угроза какой-то непоправимой ошибки. Сильнейшие сомнения терзали меня и мешали мне **СДЕЛАТЬ** окончательный выбор. Они мешали мне **СДЕЛАТЬ** шаг в ту или другую сторону. Возможно, такое состояние вызывало встреча с Медузой Горгоной.

Но эти люди начали усиленно грести, чтобы пристать к земле, но не могли, потому что море всё продолжало бушевать против них.

Библия, Книга пророка Ионы 1:13

НАПРЯЖЕНИЕ во мне усиливалось из-за того, что время шло, а у меня не получалось остановиться на чём-то и **СДЕЛАТЬ** выбор. «Грохот волн похоронных, не умолкавших в душе» не давал мне утвердиться на окончательном решении.

Покупка дома или отказ от неё была **СВЯЗАНА** с **НЕОБХОДИМОСТЬЮ СДЕЛАТЬ** выбор между Арменией и Алтаем. Сама подорванность нашего положения оставляла нам возможность купить билет только в один конец. Вернуться мы уже не могли. И эта подорванность уже **СДЕЛАЛА** возможность совершить ошибку **ВПОЛНЕ** ощутимой. Ошибка могла оказаться только чудовищной и непоправимой.

Отец оставался для меня **ОПОРОЙ** в жизни. Мне приходилось принимать решение и за него. И я сильно боялся того, что мне потом придётся потом **ВДВОЙНЕ** мучиться из-за того, что с течением времени выяснится, что это я его за собой **ПОТЯНУЛ** и как заживо похоронил. Мне было уже известно о том, что через несколько лет многое становится яснее, и я боялся этого и того, что могу оставить себя навсегда в чём-то **ВИНОВАТЫМ**. Мне уже грозили вечные муки за то, что я мог **СДЕЛАТЬ** или чего-то мог **НЕ СДЕЛАТЬ**. Выбирать нужно было что-то одно из **ДВУХ**, но без права на ошибку. Моё решение **ДОЛЖНО** было быть только верным, чтобы **СДЕЛАТЬ** верный шаг.

Для того, чтобы **СДЕЛАТЬ** шаг нужна **ОПОРА**, нужно на что-то **ОПЕРЕТЬСЯ**, нужна уверенность в том, что и для следующих шагов не будет **ПУСТОТЫ** под ногами. Снаружи мне не на что было **ОПЕРЕТЬСЯ**. Всё было сомнительным. Ощущение **НЕИЗБЕЖНОСТИ** погружения во что-то худшее, опасения оставить себя навсегда **ВИНОВАТЫМ** за то, что мог **СДЕЛАТЬ** или чего-то мог **НЕ СДЕЛАТЬ**, вызывали во мне такой глубокий страх, что мне **НИЧЕГО** не оставалось, как зарываться в глубины **ПАМЯТИ**. Натиск сомнений заставлял вскапывать всё то, что давно выпало в осадок, и перекапывать всё это так, чтобы тщательно и хорошо пересматривать всё во взвешенном состоянии. И очень многое мне пришлось переживать заново и многократно. Во мне стали **ОТКРЫВАТЬСЯ** старые **РАНЫ**. И эти **РАНЫ** жгли меня. Я превращался в сплошную **РАНУ**.

Человек не может иметь бога, который не был бы ограничен его собственными человеческими представлениями. Чем шире охват его духовного зрения, тем могущественней будет его божество.

Блаватская Е. П., «Разоблачённая Изида», том II, стр. 711

Перебирая и просматривая всё, из чего уже сложилось неизменное прошлое, всю **СОБРАННОСТЬ ОТРАЖЕНИЙ ПАМЯТИ**, я с величайшим **НАПРЯЖЕНИЕМ** старался проследить даже все мои чувства, которые владели мной до чего-то и после чего-то,

чтобы понять то, что к чему же вело меня это неотступное чувство тревоги. Я понимал, что совершенно неслучайным было то чувство, которое побуждало меня увидеть тот дом, который только через тринадцать-четырнадцать лет, всё-таки, обнаружил. Это чувство с величайшей точностью провело меня сквозь такую толщу времени к этому дому, который я увидел только тогда, когда и **ДОЛЖЕН** был его увидеть. Такими путевыми знаками было отмечено вся дорога, пройденная мной, но этот знак был каким-то особенным и имел большее и более важное значение. Не случайно же я его увидел, когда меня стала изводить какая-то неотступная тревога. Мне многократно раз за разом приходилось спрашивать себя о том, что если бы я где-то, когда-то и в чём-то поступал бы иначе, то смог бы обнаружить этот дом или нет. И на этот вопрос я каждый раз отвечал себе, что нет. Если бы я стал изменять самому себе где-то и в чём-то из-за соображений выгоды, пошёл на какие-то унижения, постарался после окончания школы **УЧИТЬСЯ ДАЛЬШЕ**, согласился отправиться **УЧИТЬСЯ** в военное **УЧИЛИЩЕ**, когда оказался в **УЧЕБНОЙ** части, согласился остаться на сверхсрочную службу, то не смог обнаружить этот дом. Когда я пытался представить себя поступавшим иначе где-то и в чём-то, то сам себе становился отвратителем.

Перебирая и просматривая в **ПАМЯТИ СОБРАННОСТЬ ОТРАЖЕНИЙ**, я задавался одним вопросом и ответ на него оставлял под сомнением, оставлял как неокончательным, потом задавался другим, ответ на который подтверждал верность предыдущего ответа, и этот ответ мог быть оставлен мной под сомнением. Один ответ **ДОЛЖЕН** был подтверждать верность другого. Так мной выстраивались длинные цепочки из вопросов и ответов на них. И в этих цепочках **НЕ ДОЛЖНО** было быть **НИЧЕГО** противоречивого, **НИЧЕГО** упущенного из виду, и верность всех полученных ответов **ДОЛЖНА** была проверяться и перепроверяться. Перепроверяя верность полученных ответов, я мысленно проносился то в одну, то в другую сторону вдоль этих цепочек. Эти цепочки ветвились. Мне приходилось даже разворачивать **ВОКРУГ** своей оси уже ствол какого-то ветвистого дерева из вопросов и ответов, чтобы просматривать его со всех сторон, чтобы **НИЧЕГО** от меня **НЕ СКРЫЛОСЬ**. Я боялся что-то **ПРОПУСТИТЬ** и не собирался оставить что-то с пренебрежением и безразличием, чтобы не оставить где-то как какую-то **ДЫРУ**, в которой что-то предательское могло оказаться для меня. Я не собирался оставлять даже совсем чуть-чуть такого места, где мог в чём-то обмануться.

Тот долговязый и тощий, которого я считал своим другом, почти на такую же сумму, которую я собирался отдать за дом, подорвал своего отца. Мне становилось страшно из-за того, что потом может оказаться так, что я **СДЕЛАЛ** то же самое, что я сам такой же, как и тот долговязый и тощий, раз **СВЯЗАЛСЯ** с ним. Мне не давал покоя один вопрос: если что-то готово было похоронить и в Армении, и на Алтае, что будет лучше: остаться с деньгами или остаться без денег? Если дом купить, то за него придётся отдать все наши деньги. С деньгами мы могли дольше продержаться, чем без денег. С деньгами нам приходилось оставаться в уже обветшавшей палатке. Ей уже недолго оставалось стоять там, где она стояла. Разве бревенчатый дом был не лучше неё? Покупая дом на Алтае с переездом в такую даль, мы уже точно лишались права на получение жилья, как пострадавшие от землетрясения. Но разве сами эти надежды на получение жилья в зоне бедствия не стали уже какими-то призракными? Разве то, что стало происходить, не говорило о том, что мы были уже оставлены с пренебрежением и безразличием, что надеяться нам оставалось только на самих себя?

Что хорошего нас могло ждать в Армении, зажатой между Турцией и Азербайджаном, с которым началась вражда из-за Нагорного Карабаха? Погружение во что-то худшее превращало Армению в какой-то остров. Лучше было находиться на острове, **ОКРУЖЁННОМ** морем, чем на таком «сухопутном» острове. А что хорошего могло ждать нас на Алтае, в этом селе, где из-за жужжания, которое распространялось по всей стране, произошло и то, что один азербайджанец прямо в центре села убил одного из местных за что-то сказанное? После

этого жужжание в этом селе усилилось настолько, что уже все азербайджанцы стали выглядеть **ВИНОВНЫМИ** в том, что произошло. А что хорошего могло ждать нас в нашем городе, где ещё годом раньше, тоже прямо в центре города, на площади сожгли одного человека? Год назад я видел это место, где горел костёр. Я видел **КУЧУ** сгоревших покрышек на этом месте, где сжигали этого человека. Мой отец днём раньше увидел это место, где рядом с этой **КУЧЕЙ** лежал обгоревший коленный сустав сожжённого человека. Я ещё раз увидел это место, когда его уже вымели, но асфальт остался там выгоревшим глухими ямками. Через несколько дней на этом месте уже **СДЕЛАЛИ** латку из асфальта. Моему отцу довелось увидеть ещё и то, как к этой **КУЧЕ** пепла и золы подходили какие-то людишки, чтобы плюнуть на **НЕЁ**.

Через **ДВЕ** недели на это место стали приносить цветы. К этому времени уже как выяснилось, что с какой-то чудовищной злонамеренностью погибший был сначала оклеветан в попытке изнасиловать среди бела дня какую-то девочку, которая была оставлена в **ЛЕГКОВОЙ** машине, потом избит, затем его **ПРИВЯЗАЛИ** стальной проволокой к грузовику, к «КАМАЗу», которым его приволокли на площадь ещё живого и сожгли.

Что хорошего могло нас ждать на заводе, с которого большинство рабочих уже поувольнялось? О чём могло говорить и то, что работавшим на станках зимой под **ОТКРЫТЫМ** небом, после землетрясения, ставили **ДВАДЦАТЬ ДВА** рабочих дня в месяц, а тем, кто работал в помещениях канцелярии, кто даже **НЕ ПОЛНОСТЬЮ** просиживал все свои часы, ставили тридцать дней в месяц? Один из рабочих завода сказал директору, что если так и **ДАЛЬШЕ** пойдёт, то рабочих в цехах совсем уже не останется. А тот ему в ответ с наглой правотой заявил, что готов всех рабочих поувольнять с завода, но при этом ни с кем из служащих в канцелярии не собирается расставаться, потому что это «его кадры». А что нам оставалось **ДЕЛАТЬ**, если работы на заводе станет ещё меньше? Где нам искать работу, если **КРУГОМ** становилось только хуже? Наше положение после землетрясения выглядело настолько подорванным, что нам только **ЛЕГЧЕ** уже было взять и оторваться.

Сколько бы я не рылся в глубинах **ПАМЯТИ**, натиск сомнений, всё равно, оставался каким-то непреодолимым. Тогда мне пришлось нагружать **ДВЕ** чаши воображаемых весов тем, что было с обещанием чего-то лучшего, и тем, что обещало и грозило только худшим. И всё, что мной было перепроверено в длинных цепочках вопросов и ответов, что с **ПРЕДЕЛЬНЫМ НАПРЯЖЕНИЕМ** просматривалось мной со всех сторон, я по одному опускал то в одну чашу, то в другую, чтобы почувствовать какая же чаша **ПЕРЕТЯГИВАЛА** другую. Чаша Алтая **ПЕРЕТЯГИВАЛА** каждый раз. Но она **ПЕРЕТЯГИВАЛА** едва заметно, из-за чего даже сомнений меньше не становилось. Я всё высыпал и снова принимался всё перевешивать. И глубоко же были эти чаши, которые мне приходилось **НАПОЛНЯТЬ**! Мне приходилось даже менять местами эти чаши, чтобы не допустить ошибки. Сомнения, всё равно, оставались. С каждым разом всё это уже всё больше превращалось в какую-то невыносимую пытку. Я успокаивал себя тем, что недолго мне так осталось мучиться, что у меня **ХВАТИТ** сил продержаться так ещё немного. Под натиском сомнений я долго не мог уснуть. Где-то под утро я проваливался в сон, когда уже был истощён **НАПРЯЖЕНИЕМ** борьбы с изводящими меня сомнениями.

*Если не знаешь пути, ищи там, где остались его следы.
Руми*

Если всё пройденное мной было отмечено знаками уже виденного, значит, путевые знаки могли продолжать обнаруживаться и **ДАЛЬШЕ**. Значит, пройти и **УЦЕЛЕТЬ** можно будет там, где уже проложен путь. Я пытался почувствовать ту сторону, в какой могли продолжаться **ДАЛЬШЕ** эти путевые знаки. На Алтае они могли продолжаться, а в Армении – нет. Дом, обнаруженный мной так далеко от Армении, и то, что насколько хорошо знакомым мне ока-

зался тот дом, который собрался покупать, только помогали **ПЕРЕТЯГИВАТЬ** чашу Алтая. И ещё кое-что помогало **ПЕРЕТЯГИВАТЬ**.

Мне **НИЧЕГО** не оставалось, как только держаться направления к покупке дома, от которой можно будет отказаться, если что-то не то обнаружится мне, что-то не понравится мне, что-то насторожит меня.

Всех денег у меня с собой, конечно же, не было. Мне нужно было сначала отправиться в Армению, чтобы вернуться назад вместе с отцом, с деньгами, с нашими вещами. **ПЕРВОГО** ноября были оформлены документы на покупку дома. Я отдал **ДВЕ** тысячи и обещал вернуться с остальными к концу месяца. На пятое ноября у меня был уже куплен билет на самолёт. Если я даже не мог себе представить того, что где и когда будет обнаружен тот дом, который искал, то какое у меня могло быть представление о том, что с каким **НАПРЯЖЕНИЕМ** всё будет продолжаться **ДАЛЬШЕ**?

5. Когда я снова увидел одиноко стоявшую на полосе земли между шоссе и железными дорогами палатку, то ужаснулся мысли, что нам и **ДАЛЬШЕ** пришлось оставаться в ней. И в этом для меня было лишнее подтверждение верности **СДЕЛАННОГО** мной выбора.

Отец собрался взять с собой только то, что могло поместиться в наших чемоданах и сумках, словно всем остальным можно было обзавестись на новом месте. Это его намерение выглядело из той же области, в которую меня уводили от покупки дома. Я стал настаивать на том, чтобы заказать контейнер, чтобы мы могли забрать с собой побольше вещей.

Когда моей сестре стало известно о том, что мы собрались уезжать, и она решила отправиться вместе с нами.

Когда мы прилетели в Новосибирск, все автобусные рейсы в нужном нам направлении отменили из-за сильных снежных буранов. Эти бураны ещё несколько дней могли продолжаться. Я уже почувствовал усталость, и томительное ожидание только продолжало бы отнимать у меня оставшиеся силы. Было бы лучше не терять времени. А времени у нас оставалось ровно столько, чтобы **УСПЕТЬ** добраться до дома.

Один таксист предложил отвезти нас в Барнаул за тысячу рублей. Отец назвал такую цену какой-то «живодёрской». Лучше было остаться в Новосибирске и ждать улучшения погодных условий, чем отдавать за **ДВЕ** с чем-то сотни километров такие деньги. Но тут появились **ДВА** армянина, которым нужно было поскорее добраться до какого-то села, расположенного рядом с Барнаулом. И мы решили поехать вместе с ними. Таксист за каждого человека получал по **ДВЕСТИ** рублей. Мы отдали ему шестьсот рублей.

Из Барнаула в Заринск мы добрались уже тогда, когда все автобусные рейсы закончились. Только утром мы могли продолжить наш путь на автобусе. Нам пришлось остаться на железнодорожном вокзале, чтобы переночевать там на скамьях. И это помещение железнодорожного вокзала оказалось для меня уже хорошо знакомым. Я получил лишнее подтверждение тому, что мгновения уже виденного продолжались в ту сторону, в какую мной был **СДЕЛАН** выбор.

Когда на следующий день мы по глубокому снегу добрались до купленного дома, замка на его двери не оказалось. Там, где **ДОЛЖЕН** был висеть замок, дверь оказалась прибитой на острую железяку. Когда мы вошли в дом, увидели, что на печке нет чугунной плиты и нет топочной дверцы. Видно было, что кто-то по-«живодёрски» с печкой. В сильный мороз выглядеть это могло только так. Ясно было, что с такой печкой согреться мы не сможем. Нужно было постараться восстановить печку. Где искать глину? Где искать песок? **ВОКРУГ** дома всё было **НАКРЫТО** толщей снега.

Пришлось идти к однокласснику, и он постарался забрать нас с вещами в дом к своей бабке. Потом мне пришлось спускаться в погреб его бабки, чтобы там наскрести в **ДВА** ведра глины. После этого мне пришлось нести эти **ДВА** ведра с глиной пару километров до купленного дома. Затем с ведрами отправился в обратном направлении, чтобы где-то на полпути от дома бабки до нашего, под снегом найти **КУЧУ** песка, которая там **ДОЛЖНА** была оста-

ваться. И я нашёл песок там, где мне посоветовали искать, и **ДВА** ведра с песком отнёс домой. Больше **НИЧЕГО** не получалось **СДЕЛАТЬ** в этот день.

Вечером к бабке зашла тётка одноклассника и сказала мне, чтобы я вечером, когда будет уже темно, зашёл к ним домой, чтобы вместе пойти в одно место, где можно достать плитку и топочную дверцу для печки. Этим местом оказалась одна небольшая избушка, в которой никто не жил. Я с тёткой одноклассника под покровом темноты забрались в эту избушку, где можно было с печки снять **НЕОБХОДИМЫЕ** нам части. И это для меня оказалось хорошо знакомым. На следующий день я занялся восстановлением печки. Происходившее вызывало ощущение какой-то беспощадности, которое только усиливало зимний холод. Такой зимы, которая пронизывала душу леденящим холодом, в моей жизни ещё не было. Прежде я и представить себе не мог, что снег, лежащий огромными сугробами, может так царапать по нервам неисчислимым множеством мелких ледяных иголок.

Выходить на холод из дома мне не хотелось. Мне приходилось заставлять себя это **ДЕЛАТЬ**. Мне нужно было отдать деньги за дом. Я подозревал, что то, что произошло с печкой, не могло обойтись без участия бывшего хозяина. Я не мог считать себя **ВИНОВАТЫМ** в том, что к нему мне пришлось отправляться после того, как была восстановлена печка. Отдать я смог только пять тысяч, потому что в сберкассе, где хранились остальные деньги, вместо того, чтобы отдать их, стали заверять, что счёт будет переведён к новому месту жительства, что так будет намного лучше для нас самих. И мне **НИЧЕГО** не оставалось, как пообещать отдать остальные деньги сразу после того, как их переведут.

Мне и отцу приходилось раз за разом ходить в сберкасса, чтобы узнать перевели деньги или нет. А управляющий местным **ОТДЕЛЕНИЕМ** раз за разом уверял нас в том, что никакого перевода денег не было. Через несколько лет выяснилось, что управляющий лгал нам, и деньги уже в декабре были переведены.

Мы приехали **ДВАДЦАТЬ** седьмого ноября. Зарегистрировались мы по новому месту жительства третьего декабря. А «8 декабря 1991 года некогда крепкое союзное государство прекратило своё существование». Если бы мы приехали чуть позже, на неделю другую, то проблем у нас, например с шражданством, возникло намного больше.

На нашем участке стояла какая-то постройка, в которой, по всей видимости, когда-то держали кур и овец. Мы начали ломать на дрова её внутренние перегородки. Нам нужно было позаботиться о том, чтобы привезти дрова. Мне пришлось ходить и узнавать о том, что как их можно будет привезти. Сначала их нужно было выписать. Муж тётки одноклассника так часто говорил о том, что он «выписывал» машину, тот грузовик, на котором он работал инструктором по вождению, когда ему нужно было что-то привезти, что я решил, что и грузовик нужно «выписать», чтобы привезти дрова. И мне вскоре стало ясно, что грузовик можно «выписать» только по «живодёрской» цене. И я уже не знал как мне быть.

На лютом холоде я ходил то в одну сторону, то в другую. Когда мне на заснеженной дороге у сдвинутых на обочину огромных сугробов снега повстречался дядя одноклассника, он сказал о том, что мне нужно поехать в то село, где мы работали, чтобы получить деньги, которые я не получил. Ему самому туда нужно было поехать, чтобы договориться о продолжении начатых работ. Он стал звать меня опять поработать там. К этому времени мне уже стало ясно, что зимой трудно найти работу, и я согласился. Он позвал меня зайти вечером к нему домой.

Эгоистичный француз Ларошфуко говорит, что нам доставляет удовольствие несчастье наших друзей и тем более, конечно, наших врагов; а так как каждый есть враг выдающегося человека, то с слух о болезни Стентона был распространён с адским и успешным искусством.

«Мельмот Скиталец» / Мэтьюэрин Ч. Р.

Когда я зашёл к нему домой, то обратил внимание на то, что насколько для его жены домашние её заботы были важнее моего присутствия. Она оставляла меня с пренебрежением и безразличием. Затем она стала с каким-то живым интересом спрашивать у меня то об одном, то о другом. Я рассказал о том, что с какими трудностями мы столкнулись, когда приехали, о том, что как мне пришлось восстанавливать печку. Затем она как с какой-то тайной радостью взяла и села напротив меня и где-то в трёх шагах от меня. И села она боком ко мне. Она и лица своего не поворачивала ко мне, продолжая спрашивать меня о том, что стало вызывать у неё интерес.

Почему она взяла и так уселась? Потому что, все «пути ведут через Рим»? Она решила, что мне уже некуда деваться и все пути для меня будут идти уже через их дом, и села мне прямо на дорогу? Она села так, словно стала предметом моих каких-то домогательств. С какой-то сатанинской щекоткой она сначала спрашивала меня то об одном, то о другом. Мои ответы раз за разом словно вызывали в ней какую-то волну, которая проходила снизу вверх, к голове. И жена этого дяди раз за разом передёргивала плечами, чтобы сбросить что-то с себя и **ОТДЕЛАТЬСЯ** от меня.

Следующий день ушёл на поездку в Шалап, в село, где мы почти полгода проработали. Половину из той суммы, которую я там получил, пришлось отдать за контейнер с нашими жалкими пожитками. Дядя, узнав о том, что мне нужно привезти дрова, пообещал мне привезти их на своём грузовике. Он сказал, что к нему **ДОЛЖЕН** будет приехать грузовик с углём, и пообещал отсыпать мне у дома чуть больше тонны угля.

На другой день я опять отправился к нему. Дрова нужно было **УСПЕТЬ** вывезти до конца года. Их нужно было привезти с «нижнего склада». Дядя не поехал со мной, а послал своего сына со мной за дровами. Мы остановились на «нижнем складе» в самом конце длинной вереницы грузовиков, ожидавших погрузки. Что-то мне не верилось в то, что в этот день до нас дойдёт очередь. А сын этого дяди вёл себя так, словно без дров мы оттуда не уедем. Через час мы поехали без дров в обратном направлении, потому что стало ясно, что мы там **НИЧЕГО** не дождёмся. На полпути мотор заглох: бензин закончился. Как можно было собираться ехать за дровами, когда бензин плескался на самом дне бака? Руливший грузовиком не мог догадаться поехать на бензозаправку? Он не знал, что на таком сильном холоде в такой длинной очереди ему придётся через каждые пять-десять минут, заводить мотор, чтобы не замерзнуть в кабине? Что-то **НЕПОНЯТНОЕ** было для меня во всём этом. Нам пришлось стоять на дороге в ожидании того, что кто-то из проежавших сочтёт нужным остановиться и отлить нам **ДВА**-три литра бензина. А так как в этот день машин было мало, то и стоять нам пришлось часа **ДВА**.

После этого дядя сообщил мне, что он был почти уверен в том, что мы вернёмся ни с чем. Он сам решил поехать вместе со мной на «нижний склад» в этот же день.

Когда я выписывал дрова в здании администрации, то услышал как одна женщина стала возмущаться тем, что без бутылки водки на «нижний склад» лучше не ехать. На это ей ответили, что **НИЧЕГО** подобного нет и не может быть. Когда я спросил дядю о том, что нужно или нет брать с собой «бутылку», с которой мы вернулись назад, он ответил, что **ОБЯЗАТЕЛЬНО** её нужно взять. Я в Армении переезжал самым отъездом, несмотря на **СОПРОТИВЛЕНИЕ** отца, постарался купить пять бутылок водки и **ДВЕ** бутылки коньяка на тот случай, если будут возникать какие-то трудности.

Уже темнело, когда мы приехали на «нижний склад». Машин было так же много. Дядя не стал пристраиваться к концу очереди, а свернул поближе к тому месту, где высился большой кран, с помощью которого в кузова машин загружались брёвнами. Дядя, прихватив с собой бутылку водки, вышел из кабины и направился к одному словно знакомому ему грузчику-строповику. Затем он вместе с тем поднялся в небольшое помещение, которое находилось у эста-

кады. И тут я обратил внимание на то, что люди, которые работали под ночным небом на сильном морозе и под светом прожекторов, очень хорошо и в точности мне давно уже знакомы.

Дядя не только налил водки тому, о котором мне потом стало известно, что он каждый день с утра «набирался» и «не просыхал», но при этом и сам себе налил стакан из этой бутылки. Когда эти **ДВОЕ** вышли наружу, строповщик дал знак крановщице грузить нашу машину, и через пятнадцать минут дрова легли в кузов нашего грузовика. Когда дрова привезли и выгрузили у нашего дома, я вынес и отдал дяде ещё одну бутылку водки.

В некоторых обстоятельствах, когда весь мир против нас, мы начинаем становиться на его сторону, против самих себя, чтобы избежать мучительного ощущения быть своим единственным сторонником.

«Мельмот Скиталец» / Мэтьюэрин Ч. Р.

Я испытывал постоянное **НАПРЯЖЕНИЕ** не оставлять за собой каких-то **ДЫР**, чтобы не дать пролезть через **НИХ** когда-нибудь чему-то предательскому, и **УСПЕТЬ** получше укрепить наше положение. Такое **НАПРЯЖЕНИЕ** истощало мои силы. Всё, что происходило с нами, **ВПОЛНЕ** могло выглядеть какой-то западнёй и обманом, если бы не замечаемые мной мгновения уже виденного.

6. А для отца и для сестры всё могло выглядеть так, словно я **ПОТЯНУЛ** их за собой куда-то не туда. Для них всё могло выглядеть какой-то западнёй и обманом.

От росшей усталости я становился всё более и более раздражительным. Мне приходилось ещё тратить силы на борьбу с этой усталостью. Бессилие злило меня. Злость помогала черпать недостающие силы. А отец и сестра оставляли себя утверждаться в той правоте, в которой больше бездействия. Я словно **ПОТЯНУЛ** их к худшему, и им не хотелось **ДАЛЬШЕ** за мной следовать. Когда мне стало невыносимо тяжело, я почувствовал своё одиночество.

Я не очень-то и надеялся на обещанный уголь. Но через несколько дней грузовик с длинным кузовом остановился на дороге рядом с нашим домом, и мне пришлось помогать сваливать на край дороги оставленную для нас **КУЧУ** угля. Почти **ДВЕ** тонны угля оказалось на дороге рядом с нашим домом. Я зашёл домой, взял бутылку армянского коньяка, чтобы отнести дяде одноклассника за уголь.

– Что ты **ДЕЛАЕШЬ**?! – стал возмущаться отец. – Этот коньяк стоит больше, чем этот уголь!

– Пусть будет больше! Наверное, ты сможешь уголь привезти?! И на уголь есть у тебя деньги?! Ты по холоду станешь ходить туда-сюда, чтобы узнать, где можно его купить?! Или уголь нам не нужен?! У меня нет сил думать ещё и том, что как купить и привезти уголь?! Сколько раз мне пришлось ходить туда-сюда, чтобы привезти дрова? Ты их привёз?! Мне **ДВА** пришлось за ними ездить?! Разве не лучше, что мне не нужно уже думать об угле?! Другой уголь для меня обошёлся бы ещё дороже, чем этот коньяк!! Где здесь больше?! – сорвался я в ответ на него и ушёл.

Уголь оставался лежать с края у дороги. Его нельзя было так оставлять. Его нужно было перетаскать за ограду, иначе проезжающий трактор, который прочищал бы дорогу, мог сгрести весь уголь куда-то в сторону, в сугробы снега. И кому пришлось бы добывать этот уголь добывать из сугробов снега? Опять мне? Ни моему отцу, ни моей сестре словно не было никакого **ДЕЛА** до того, что уголь оставался лежать у края дороги. Их не беспокоило и то, что у нас не было даже вёдер, чтобы перетаскивать этот уголь.

Когда я отдал дяде бутылку коньяка, не стал просить у него дать мне на один вечер **ДВА** ведра. Уже совсем стемнело, когда я вышел из дома дяди и отправился к бабке одноклассника за вёдрами. И мне пришлось пройти ещё столько же, сколько шёл к дяде. Когда взял

у бабки **ДВА** старых ведра, пошёл в обратную сторону. Когда я вернулся домой, стало ясно, что за время моего **ОТСУТСТВИЯ** из меня там **СДЕЛАЛИ** предмет обсуждения. И было ясно, что с каким **ЕДИНОДУШИЕМ** отец с сестрой принялись меня обсуждать. О том, что уголь так нельзя оставлять, что его нужно перетаскать за ограду, они не заговорили.

Я несколько минут постоял у печки, чтобы немного согреться, и снова вышел на мороз, чтобы перетаскать уголь. Где-то через полчаса отец вышел из дома, чтобы начать помогать мне таскать уголь. Я со злостью сказал ему, чтобы он возвращался в дом и продолжал меня обсуждать **ДАЛЬШЕ**, что справлюсь как-нибудь без него. Больше **ДВУХ** часов мне пришлось перетаскивать этот уголь. Потом я снова отправился к бабке, чтобы вернуть ведра. Мне **ЛЕГЧЕ** было пройти больше **ДВУХ** километров в одну сторону, затем в обратную, чем оставлять **НЕОБХОДИМОСТЬ** возвращать ведра, которая давила бы меня и мучила, до утра, на следующий день.

Мы заняли ту часть дома, в которой мной не было замечено **НИЧЕГО** из уже виденного. Только полдома нам нужно было отапливать. До наступления тёплых дней угля, который у нас был, нам **ВПОЛНЕ** могло **ХВАТИТЬ**.

Нам предстояло ещё узнать о том, что какими «живодёрскими» ценами с нового года всех **КРУГОМ** обложат, и том, что каким циничным жульничеством и какими чудовищными потоками лжи всё это будет сопровождаться. И **ДАЛЬШЕ** каждый год будет начинаться с очередного подъёма цен. Это превратится в какую-то национальную традицию. И всё будет преподноситься так, словно это не кто-то так цены стал поднимать, а сами цены так дружно, как по какой-то команде, начинали подниматься, из-за какой-то «инфляции». Какие-то психотеррористы, которые поднимали цены, всех стали запугивать тем, что ещё немного и может появиться как ещё более страшный зверь, «гиперинфляция», который всё, что угодно, уже сможет сожрать. Почему они не переводили слово «инфляция»? Чтобы не называть происходившее надувательством?

Тех денег, которые у нас оставались, могло **ХВАТИТЬ** только на довольно-таки скудное пропитание. Они стали таять быстрее, чем весенний снег, хотя до наступления весеннего тепла оставалось ещё много времени.

Оставшийся **ДОЛГ** за дом тяжелейшим камнем повис у меня внутри. Этот **ДОЛГ** остался какой-то **ОТКРЫТОЙ ДЫРОЙ**. В сберкассе раз за разом продолжали уверять нас, что счёт пока не перевели. И эти заверения были частью всеобщей чудовищной лжи, против которой как **НИЧЕГО** нельзя было **СДЕЛАТЬ**. Для меня **ПРЕДЕЛЬНО** ясно было то, что мы **УСПЕЛИ** выбраться из Армении, что **УСПЕЛИ** пройти там, где за нами всё стало осыпаться. Если бы мы хоть немного задержались, то наши потери могли оказаться намного большими.

То, что дядя одноклассника постарался для нас **СДЕЛАТЬ**, стало **СВЯЗЫВАТЬ** меня. Он обещал, что скоро мы начнём работать. Мне приходилось в конце каждой недели заходить к нему домой, чтобы узнать о том, что когда же начнём работать. И он каждый раз переносил начало работы на начало следующей недели. Чем **ДАЛЬШЕ** это продолжалось, тем всё заметнее становилось, что он уже стал запасаться всеми теми словами, которые помогут ему отложить начало работы ещё на одну неделю. Он подбадривал меня, говорил, чтобы я не падал духом, что и он находится в точно таком же положении, что тоже сидит без работы.

Разве он находился в точно таком же положении, как и мы? Разве он не прожил уже лет **ДВАДЦАТЬ** в этих краях? У него не было свиней, для которых привёз на грузовике в конце прошлого лета **ПОЛНЫЙ** кузов зёрен пшеницы? И кур, которые несли яйца, у него тоже не было? Не было ни самого свинарника и даже курятника? Не было картошки, которая была выкопана с трёх-четырёх огородов? Не было других запасов на зиму ни в погребе, ни в подполье?

Уже через пару недель в наступившем году его жена вдруг, почему-то, поинтересовалась:

– А что вы едите?

Что-то не то было в этом вопросе. Я сначала подумал, что это что-то из местных особенностей, но через несколько лет станет ясно, что за простотой таких вопросов может **СКРЫВАТЬСЯ** «простота глубокой испорченности».

– Мы едим то, что покупаем.

– И картошку покупаете?

– И картошку покупаем. Ещё до нового года купили пять килограмм. Когда на прошлой неделе зашёл к однокласснику, и его бабка не стала отпускать меня без того, чтобы я взял с собой хоть полмешка картошки. Чтобы я не ушёл от неё без картошки, она сама спустилась в подполье и стала набирать её в мешок.

– Вот с ней и договаривайся! А у нас картошки нет: нам свиней нужно кормить! – заявила мне эта неприятная женщина.

Разве я в их доме заговаривал о картошке хоть раз? Почему она сама завела речь о картошке? Из-за того, что она приходила просить «одного мужика», чтобы помогать ей выкапывать картошку на одном из их огородов? Может, она решила, что я **ВПОЛНЕ** могу рассчитывать на то, чтобы получить у неё хоть ведро картошки? Её слова вызвали у меня чувство гадливости.

Когда я сказал дяде, что не могу и **ДАЛЬШЕ** так продолжать ждать, он заговорил о том, что у меня нет никаких оснований для беспокойства, что если что-то не получится с этой работой, то мы **ОБЯЗАТЕЛЬНО** будем работать на другом месте. Он сказал, что мы сможем устроиться даже кочегарами, что **НИЧЕГО** не будет стоить выгнать кого-то другого с этой работы, чтобы освободились места для нас самих. Он заговорил о работе кочегарами тогда, когда зима скоро **ДОЛЖНА** была закончиться.

Дяде пришлось сходить вместе с моим отцом в канцелярию леспромхоза, чтобы помочь ему устроиться на работу. В **ПЕРВЫЙ** же рабочий день моему отцу пришлось вернуться назад. Для начальства «нижнего склада» леспромхоз оказался настолько важным и исключительным по своей важности и сложности производством, что для моего отца как не могло быть никакой возможности там работать. Моему отцу пришлось зайти к дяде моего одноклассника, чтобы ещё раз отправиться с ним в канцелярию леспромхоза и выяснить, что по какой причине человек, которого приняли на работу, не может приступить к работе. Для моего отца **ВТОРОЙ** день стал его **ПЕРВЫМ** рабочим днём.

Раз дядя одноклассника помог отцу устроиться на работу, то мне пришлось набраться терпения и продолжать заходить к нему. Но в леспромхозе к этому времени уже перестали выплачивать ежемесячную зарплату. Её заменили какими-то частичными выплатами, которые затем прекратили выдавать. Наше положение лучше не становилось. Становилось только хуже.

Несмотря на то, что мы в основном покупали только хлеб, все деньги у нас закончились в середине марта. Дядя дал пятьсот рублей в **ДОЛГ**. При ценах, которые выросли больше, чем в **ДВАДЦАТЬ** раз, почти в тридцать раз, этих денег нам могло **ХВАТИТЬ** лишь на неделю-другую. Получалось так, что у нас уже **ОТКРЫЛСЯ ВТОРОЙ ДОЛГ**. Мало того, что на мне невыносимым грузом висел оставшийся **ДОЛГ** за дом, тут ещё какой-то **ДЫРОЙ ОТКРЫЛСЯ** ещё один **ДОЛГ**. Такой помощью этот дядя только помогал закреплять то положение, в котором мы оказались, и **ДЕЛАТЬ** его хуже.

Я решил перестать надеяться на этого дядю и отправился искать работу. Когда зашёл в службу занятости, то там узнал адрес ремонтно-строительного предприятия, которое находилось на окраине села. Там меня приняли на работу в бригаду плотников.

И сразу же после этого я превратился в какое-то **ПУСТОЕ** место и для дяди, и для его жены, и для их сыночка. Я словно перед ними в чём-то оказался **ВИНОВАТ**. И в чём же была моя **ВИНА**? Им хотелось, чтобы все пути для меня шли через их семейку? В том, я сорвался с их крючка? Разве **НЕ ХВАТИЛО** с меня трёх месяцев ожидания? Может, им лучше было

порадоваться тому, что я устроился на работу и быстрее смогу им вернуть этот **ДОЛГ** в пятьсот рублей?

*И беда одна не ходит;
Сторожат друг друга беды;
Чуть одна из них нагрянет, —
Вслед за ней спешат другие
И, как птицы, выются, выются
Чёрной стаей над добычей,
Так что белый свет померкнет
От отчаяния и скорби.
Лонгфелло, «Песнь о Гайавате», глава XIX*

В апреле начал быстро таять снег, и побежали ручьи. В конце месяца от весеннего тепла земля уже подсохла. В это время, в шесть часов вечера, к нам заявился один азербайджанец. Он был лет на шесть-семь старше меня. С поблёскивавшими глазами, с блуждающей на губах улыбкой он словно пребывал в состоянии какой-то наивной рассеянности. Время от времени он начинал сиять от какой-то тайной радости. Чему он радовался? Тому, что что-то оставалось **СКРЫТЫМ** от его собственного понимания? Или тому, что оставалось **СКРЫТЫМ** от нашего?

– Вы продаёте дом?

– Нет. Этот дом мы сами купили, – ответил я ему.

– А, может, всё-таки продадите? – с какой-то упрасивающей улыбкой спросил он.

– Мы не можем его продать.

– А почему не можете?

– Если мы этот дом продадим, то где сами будем жить?

– Другой купите.

– Чтобы покупать другой дом, нужно чтобы **ХВАТАЛО** на это денег. Если мы продадим этот дом, то денег у нас **ХВАТИТ** лишь на то, чтобы купить такой дом, который будет хуже этого. Зачем нам дом, который будет только хуже этого?

– Да... **ПРАВИЛЬНО**, – сказал он, как озаряясь верностью моего ответа, затем продолжил. – А мне сказали, что этот дом продаётся.

– Этот дом продавался ещё с весны прошлого года, и почему-то никто мне о нём **НИЧЕГО** не сказал. Узнал я о нём только через полгода, когда цены подскочили больше, чем в **ДВА** раза. Мы ещё за этот дом **ПОЛНОСТЬЮ** не рассчитались. Нужно отдать ещё четыре тысячи, которые остались лежать на счёту в сберкассе, когда мы переехали сюда. И нам говорят, что деньги до сих пор не перевели на счёт местного **ОТДЕЛЕНИЯ** сберкасс.

– А что у вас денег нет отдать **ДОЛГ**?

– Нет.

– А где ты работаешь?

– На той окраине села. В ремонтно-строительном предприятии, – сказал я и махнул в ту сторону, в какую мне приходилось отправляться на работу.

– Хочешь, я помогу на работу устроиться?

– Куда?

– На маслозавод. Я там работаю.

– На маслозавод я уже **ДВА** раза ходил и понял, что, даже если и будет свободное место, то мне скажут, что мест нет, и могут взять кого-нибудь другого.

– Почему?

– Потому что сейчас политика стала проводиться другая, и стали **ДЕЛИТЬ** на «своих» и «чужих».

– Я поговорю и тебя возьмут.

– Нет. Не нужно. Я уже недели три как работаю. Мне не хочется с места на место переходить, и опять на новом месте привыкать.

О себе этот азербайджанец сказал, что он с женой и ребёнком годом раньше оказался в этих краях, что им приходится жить на квартире где-то в Старом Тогуле, который находился в трёх километрах от этого села, районного центра.

Дня через три, когда заметно похолодало, когда мы уже легли спать, где-то за час до полуночи кто-то постучался в дверь. За дверью оказался этот азербайджанец. Он сказал, что ему в этот день пришлось задержаться на работе, чтобы закончить штукатурить где-то какие-то стены, что домой а к нему далеко добираться, что и сил у него не осталось, чтобы пешком добираться до другого села. И он подумал, что ему у нас будет можно переночевать, а утром ему до маслозавода не так далеко будет идти.

Я уже на себе почувствовал все трудности, **СВЯЗАННЫЕ** с переездом в такую даль, и не смог отказать ему в его просьбе. Мы по-прежнему занимали ту часть дома, в которой пришлось перезимовать, в которой находились все наши вещи. У нас только на полу было свободное место. И на это место мы положили матрас. Этот азербайджанец словно был готов к тому, что ему придётся переночевать на полу. Мы ему дали и одеяло, чтобы ему было чем **УКРЫТЬСЯ**. Утром он поспешил уйти на работу.

В третий раз он зашёл к нам где-то в час дня. На этот раз ему понадобилась трёхлитровая банка, чтобы налить в неё на маслозаводе белой краски и унести её к себе домой. Я сказать ему, что у нас нет таких банок, что при переезде мы таких банок с собой не привозили. И мне пришлось объяснять ему, что нам сначала нужно было что-то купить в такой банке, что мы **НИЧЕГО** такого не покупали, потому что у нас нет денег на такие покупки. Тут он стал извиняться за то, что ему пришлось попроситься к нам переночевать. И он назвал какую-то другую причину, которая помешала ему вернуться к себе. Он сказал, что его после того, как он закончил штукатурить, угостили выпивкой, и ему не хотелось появляться перед своей женой в таком виде. Что-то не то было в том, как он себя вёл.

Когда я через пару дней возвращался с работы и подходил к дому, снова увидел его. Направление, в котором он шёл, словно **ЗАХВАТИЛО** его. Он шёл к нашему дому. Ему как **ОБЯЗАТЕЛЬНО** нужно было побывать у нас. В это время и он мог идти с работы. Зачем ему было нужно после работы направляться к нам, а не к себе домой, в обратную сторону? Ему как **ОБЯЗАТЕЛЬНО** было нужно под разными предлогами заходить к нам через каждые **ДВА** три дня. В середине мая, я снова встретил его у нашей ограды. На этот раз он раньше меня дошёл до нашего дома, **УСПЕЛ** там побывать и вышел на дорогу каким-то незаслуженно обиженным за что-то. Что-то **НЕПОНЯТНОЕ** было в том, что он мне сказал. Он ушёл. Я пошёл домой. Дома выяснилось, что он на этот раз уже отважился **ОТКРЫТО** наглеть и **ПОКАЗЫВАТЬ** себя носителем такой угрозы, которая может кому угодно испортить жизнь.

Они ползком добираются до своих келий; через несколько дней звонит колокол, и братья восклицают: «Он почил с миром», спеша расставить свои сети для другой жертвы.

– И такова монастырская жизнь?

– Да, она такова. Её могут переносить только люди способные ежедневно возобновлять в себе с помощью воображения надежду на бегство, не оставляя её даже на смертном одре; и ещё те, кто подобно мне, уменьшают своё несчастное положение, разделяя его с другими и, подобно пауку, чувствуют облегчение от яда, вдвухающего их тело и грозящего разорвать его, вливая каплю его в каждое насекомое, борющееся, страдающее и погибающее в их сетях – вот так, как вы.

Мэтьюрин Ч. Р., «Мельмот Скиталец»

Я заметил, что этот азербайджанец не так уж и был одинок в стремлении **ОБЯЗАТЕЛЬНО** побывать у нас. Время от времени к нам заходили даже какие-то женщины с какими-то вопросами. И они испытывали всё такую же тайную радость. Раз к нам постучалась какая-то старуха и попросила какую-нибудь кружку и кусок хлеба. В такой малости как не получалось кому-то отказывать. Она налила себе самогона в эту кружку, выпила, заела куском хлеба и ушла.

Какой-то подвыпивший пожилой человек зашёл к нам за ограду, уселся на траве и предавался воспоминаниям о былом. Моей сестре это сразу не понравилось, и она прогнала его прочь. И тот, как испугавшись чего-то, поспешил уйти. Я его увидел **ПЕРВЫМ**, и не собирався прогонять. Потом стал понимать, что мне самому следовало это **СДЕЛАТЬ**.

Через несколько дней я заметил ещё одного. Этот был помоложе, но он тоже был подвыпившим. Он решил не останавливаться где-то сразу за оградой, а зайти **ПОДАЛЬШЕ**. Он прошёл мимо дома и добрался до самой границы с соседним участком, где и улёгся рядом с обвалившимся погребом среди пыльных высоких стеблей жгучей конской крапивы.

«Что ты здесь **ДЕЛАЕШЬ**? Другого места себе не нашёл?... Зачем ты здесь в пыли разлёгся? А если ты в яму свалишься, кто тебя оттуда будет вытаскивать? А если на тебя сверху земля обвалиться, кто тебя будет выкапывать? Ты, что, здесь сдохнуть собрался? Найди себе другое место... Убирайся отсюда и больше здесь не появляйся!» – говорил я тому, кто ни слова не смог сказать в ответ, хотя что-то пытался выдавить из себя так, словно перед ним кто-то в чём-то был **ВИНОВАТ**. Он поднялся **ПРЕИСПОЛНЕННЫМ** чувством своей правоты в чём-то таком, что не смог выразить словами. Он был не настолько пьян, чтобы не понимать что **ДЕЛАЕТ**. Он твёрдо стоял на ногах. Он ушёл, так **НИЧЕГО** и не сказав.

В конце января в дверь нашего дома постучалась какая-то семидесятилетняя старуха. С какой-то тайной радостью она попросила дать ей какое-то ведро или кошачью плошку, чтобы её внучок, которого назвала «джентельменом», пописал туда. Я ей ответил, что у нас нет ни ведра, ни кошки, ни кошачьей плошки, что ей лучше поискать другое место, где её внучок мог бы пописать. И она со своим внучком ушла.

Во всех этих случаях что-то **НЕПОНЯТНОЕ** было для меня. И сначала все эти случаи оставались **ОТДЕЛЬНО** друг от друга. Но с течением времени становилось всё заметнее, что по сути каждый раз **ПОВТОРЯЛОСЬ** одно и то же. Под тем или иным предлогом совершенно незнакомым людям **ОБЯЗАТЕЛЬНО** хотелось побывать у нас. И они все знали: куда и зачем шли. Им **ОБЯЗАТЕЛЬНО** нужно было **СДЕЛАТЬ** что-то такое, что самим не нравилось.

Как-то раз я шёл с одним человеком до его дома. По пути к своему дому он решил к кому-то пути зайти. Он оставил меня на дороге и повернул к одному дому, зашёл за ограду и постучался в дверь. По всей видимости, дома никого не было. Никто ему дверь **НЕ ОТКРЫЛ**. Он вышел, и мы пошли **ДАЛЬШЕ**. Я даже не знал, что кто мог жить в этом доме. Об этом узнал через день, когда встретил того, кого к нам неизвестно что могло привести.

И этот **ОХВАЧЕННЫЙ** таким возмущением, которое готово было его разорвать, набросился на меня с вопросами: «Вы зачем это ко мне заходили?! Мне сразу об этом сказали!! Зачем вы по дворам ходите?!» Ему явно не нравилось, что кто-то зашёл за ограду у его дома. Значит, он же сам **ДЕЛАЛ** то, что ему не нравилось, когда заходил к нам.

С течением времени мне многое становилось понятным. Где-то через год мне стали известны подробности того, как изводили одну семью. Эта семья перебралась из Киргизстана. У них не было денег, чтобы купить себе даже избушку-гнилушку. Им пришлось устраиваться на квартиру. Среди ночи их начинал будить чей-то сильный стук в дверь. Так стал приходить хозяин этого дома. У них как не получалось его не впустить: он же хозяин. Каждый раз он приходил пьяным, чтобы остаться переночевать, чтобы насиловать своим присутствием всю

семью до самого утра. Этот хозяин оправдывался тем, что он в таком виде не может появиться перед своей женой. А перед другой семьёй, перед тремя маленькими детьми он мог позволить себе появиться в пьяном виде и среди ночи?

Пьяный хозяин спал прямо на полу, а разбуженные и напуганные дети не могли заснуть до утра. И позволял себе приходить не только он. Дома «беженцам» продавались по таким ценам, которыми их собирались чуть ли не основательно подорвать. И это превратилось в великую тему для жужжания, которое помогало вызвать появление тех, кто отважиться **ПОКАЗАТЬ** себе перед теми, кого осталось только добивать.

И тот азербайджанец совершенно не случайно пришёл к нам. Он попросился переночевать у нас, потому что ему стало известно о том, как это другие **ДЕЛАЛИ**, появился не случайно. Он обрадовался возможности **ПОКАЗАТЬ** себя. Он знал: куда шёл. И шёл он с тайной радостью. И ему захотелось **ПОКАЗАТЬ** себя перед кем-то из тех, кого осталось только добивать. «Понаехавших» **ОКРУЖИЛИ** жужжанием. Если кого-то **ОКРУЖАЮТ**, то это уже проявление враждебных намерений.

За неделю до того, как уже **ДОЛЖЕН** был закончиться месяц май, нам сообщили, что счёт уже перевели. Об этом мы узнали вечером, когда сберкасса, превратившаяся в «сбербанк» уже не работала. Утром мне и отцу нужно было отправляться на работу. Чем меньше времени оставалось до обеденного перерыва, тем всё сильнее меня начинало злить то, что мне самому нужно прилагать лишние усилия, чтобы избавиться от **ДОЛГА** за дом. Километра три мне приходилось быстрым шагом преодолевать до дома, когда отправлялся на обед, затем столько же приходилось проходить в обратную сторону.

ДВАДЦАТЬ четвёртого мая мне нельзя было терять ни минуты, когда с той окраины села, где работал, быстрым шагом направился к тому краю села, где находился «нижний склад» леспромхоза. Оттуда мне вместе с отцом, на чьё имя был оформлен счёт, нужно было зайти сначала к бывшему хозяину дома, который работал в «теплосетях», а оттуда уже отправиться в сбербанк. На этот раз мне за время обеденного перерыва мне приходилось пройти расстояние, которое было раза **ДВА** раза больше, чем обычно. У меня совсем не оставалось времени пообедать.

– Пошли! Пойдём деньги за дом отдадим!

– **ОБЯЗАТЕЛЬНО** сейчас? – ответил мне отец вопросом.

– А когда?! Завтра?! Хочешь, чтобы этот **ДОЛГ** ещё один день меня продолжал мучать?! Разве с меня **НЕ ХВАТИТ** того, что он столько времени меня каким-то тяжёлым камнем давил?! Разве не нужно от него поскорее избавиться?!

Быстрым шагом мы дошли до «теплосетей». Я всю дорогу опасался того, что бывшего хозяина, как нарочно, там по какой-то причине может не оказаться. Но он был там. И мы втроём отправились в сбербанк, где с одного счёта деньги перевели на другой. Несмотря на то, что бывший хозяин смирился с тем, что попал под «инфляцию», мне всё равно было тяжело, что так всё так получилось.

Быстрым шагом мы дошли до «теплосетей». Я всю дорогу опасался того, что бывшего хозяина, как нарочно, там по какой-то причине может не оказаться. Но он был там. И мы втроём отправились в сбербанк, где с одного счёта деньги перевели на другой. Несмотря на то, что бывший хозяин смирился с тем, что попал под «инфляцию», мне всё равно было тяжело, что так всё так получилось.

Когда эти деньги перевели на его счёт, у меня с души какой-то тяжёлый камень свалился, и грудь свободно задышала. И **ВТОРОЙ ДОЛГ**, те пятьсот рублей, мы тоже вернули. Так что, никаких **ДОЛГОВ** у нас уже не было. Появилась надежда на то, что наше положение станет улучшаться. Даже дни стояли такие яркие и солнечные, которые обещать могли только лучшее. Казалось, что самое худшее для нас, осталось позади.

Когда эти деньги перевели на его счёт, у меня с души какой-то тяжёлый камень свалился, и грудь свободно задышала. И **ВТОРОЙ ДОЛГ**, те пятьсот рублей, мы тоже вернули. Так что, никаких **ДОЛГОВ** у нас уже не было. Появилась надежда на то, что наше положение станет улучшаться. Даже дни стояли такие яркие и солнечные, которые обещать могли только лучшее. Казалось, что самое худшее для нас, осталось позади.

Но ночью мне приснился какой-то зловещий сон. Во сне я находился рядом с кроватью и заметил притаившегося под ней огромного чёрного скорпиона (скорпион – символ оккультной инициации). Его туловище, хвост и клешни настолько были раздуты, что поверхность его **ОКРУГЛИВШИХСЯ** частей тела стала совершенно гладкой. Он был настолько огромен, что **ВПОЛНЕ** вписывался в след ноги взрослого человека. Он был больше, чем ладонь руки взрослого человека.

Потом я почувствовал, что он не один, что где-то в подполье притаились ещё **ДВА** таких скорпиона. И мне стало ясно, что добраться до них и обезвредить их у меня не получится. Тут я заподозрил, что ещё **ДВА** скорпиона где-то спрятались. Я **НИЧЕГО** с ними не мог **СДЕЛАТЬ**. Эти скорпионы **ОБЯЗАТЕЛЬНО ДОЛЖНЫ** были меня ужалить. Эта опасность была неизбежной. Мою грудь мою сдавило невыносимое отчаяние, и я проснулся.

Свежесть утра и яркость света от поднимавшегося над землёй солнца немного успокоили меня.

*Встала из мрака молодая с перстами пурпурными Эос.
ОДИССЕЯ, песнь XIX, стих 428*

7. После **ДВУХ** лет службы в армии я уже понял, что когда на каждом шагу начинают к чему-то придирааться, выражать недовольство то чем-то одним, то чем-то другим и даже чуть ли не всем, то это говорит о том, что тебя ни с чем собираются оставить. Когда начались придирки на работе, мне стало ясно, что так **ДАЛЬШЕ** не пойдёт, и решил вовремя уволиться с этой работы.

Уволился я где-то в середине июня, и на обратном пути домой зашёл к однокласснику. Его одноглазый отец с осени стал возить на продажу из Армении мелким оптом женские зимние сапоги. Возил он их всю зиму. Он решил, что ему лучше подрядиться на какую-нибудь работу по строительству, и предложил мне работать с ним и его сыновьями. Я согласился.

Пока у меня оставалось свободное время, я решил убрать из **ДВУХ** частей дома **ДВЕ** печи, под которыми дугами изогнулись полы. Печка, которая давала нам зимой тепло, вся была в трещинах. И колосники в ней лежали слишком низко над зольником. Когда в зольник просыпались зола и пепел, **ЗАКРЫВАЛСЯ** приток воздуха через поддувальную дверцу, и угли в топке гасли. Чтобы **НИЧЕГО** подобного **НЕ ПОВТОРЯЛОСЬ** в течение следующей зимы, лучше было сложить другую печьку. Нужно было **ОБЯЗАТЕЛЬНО СДЕЛАТЬ** так, чтобы печька стояла на фундаменте. Я решил, что **УСПЕЮ** её **СДЕЛАТЬ** до наступления зимних холодов.

Когда я разобрал одну печьку, уже стало ясно, что **ЦЕЛЫХ** кирпичей от **ДВУХ** печек **НЕ ХВАТИТ** даже на то, чтобы сложить одну. Эти печи были сложены, в основном, из каких-то половинок. **ЦЕЛЫЕ** кирпичи и половинки кирпичей я вытащил и сложил **ДВУМЯ КУЧАМИ** снаружи у дома. В доме на полу осталась одна большая **КУЧА** из кирпичной крошки и глины с песком. С собой мы привезли только эмалированные вёдра. Лопаты приехали с другими вещами. С помощью одной лишь совковой лопатой я принялся убирать из дома **КУЧУ** из глины с песком и обломков кирпичей. Если бы мне нужно было **НАПОЛНИТЬ** какую-то бочку водой, и я стал носить её не вёдрами, а в кружке, то как мне пришлось перетаскивать эту **КУЧУ** очень было на это похоже.

Чтобы выровнять полы, нужно было разобрать и заново настелить. Крайние брёвна в каждой части дома под полами были уже подгнившими. Их нужно было заменить. Сначала мне пришлось вытаскивать наружу все половые доски из той части дома, где многое для меня оказалось давно и хорошо знакомым. В той постройке, в которой мы начали ломать на дрова перегородки, я обратил внимание на одно подходящее бревно, и принялся **ПОЛНОСТЬЮ** разбирать этот сарай.

Отец нашёл на берегу реки, выброшенную кем-то тележку. Она была без колёс. Я нашёл **ДВА** колеса от детского велосипеда, которые подошли к этой тележке.

Когда начался июль, к нам домой зашёл одноглазый, чтобы сказать, что со следующей недели мне уже нужно будет ходить на работу. Ещё до начала этого месяца он переговорил с директором маслозавода, куда мог пойти в поисках подходящей работы, о том, чтобы мою сестру приняли к ним туда на работу. И её приняли на работу, потому что одноглазый и директор были давно знакомы. Мы решили отдать **ВТОРУЮ** бутылку коньяка одноглазому за такое его содействие в устройстве на работу.

Место работы находилось за рекой, на самой окраине села, там где строились из красного кирпича одноэтажные дома. В одном из таких домов нужно было залить фундамент для того, чтобы затем на нём выложить из кирпича внутреннюю перегородку, настелить «черновой» пол, установить в проёмах окна и двери и оштукатурить стены. **ПЕРВЫЙ** рабочий день ушёл на перетаскивание кирпичей внутрь этого дома. На **ВТОРОЙ** день там никого, кроме меня, не оказалось. Мне пришлось идти из-за реки обратно и идти **ДАЛЬШЕ**, до дома бабки одноклассника, чтобы узнать причину того, что произошло.

Одноглазый сказал мне, что эта работа «ему не по душе» была, что начиная со следующего дня мы начнём работать на другом месте.

В **ДВУХЭТАЖНОМ** здании, которое было построено недалеко от центра села, нужно было отштукатурить стены. На **ПЕРВОМ** этаже этого здания **ДОЛЖНЫ** были переместить местное **ОТДЕЛЕНИЕ** сбербанка, а **ВТОРОЙ** этаж собирались отдать для судебных органов. На следующий день выяснилось, что с нами будет работать и дядя одноклассника. Этот дядя, по всей видимости, и предложил одноглазому поработать там.

Там, где я проработал **ДВА** месяца, на работу сначала приходил наш пожилой бригадир, а уж потом, каждый раз опоздывая на несколько минут, появлялся директор, его сын. Они приходили на работу **ОТДЕЛЬНО** друг от друга при том, что жили в одном доме, по вечерам сидели за одним столом. За этим столом они не только ужинали, но могли принимать решения и согласовывать свои дальнейшие шаги. Они выходили даже через одну калитку. Все с утра обращали внимание на то, как они **ОТДЕЛЬНО** друг от друга приходили на работу.

Сыновья одноглазого приходили на работу **ОТДЕЛЬНО** от него самого и **ОТДЕЛЬНО** друг от друга. Они тоже жили в одном доме, ели за одним столом, выходили из одних и тех же дверей на улицу. Сначала появлялся одноглазый, затем **ПОКАЗЫВАЛСЯ** его младший сын, который шёл, отставая от отца где-то на полсотню шагов. По всей видимости, он считал себя весомее своего отца. Самым последним **ПОКАЗЫВАЛСЯ** старший сын одноглазого, мой одноклассник. Он позволял идти себе с отставанием от брата на **ЦЕЛЮЮ** сотню шагов. Что он так мог **ПОКАЗЫВАТЬ**? Свою самую большую весомость, которая настолько его задерживала? И всё это **ПОВТОРЯЛОСЬ** в начале каждого рабочего дня.

– Что ты сидишь?! – с раздражением обращался ко мне одноглазый, когда уже подходил к месту работы.

– Вас жду.

– А кому нужно то, что ты раньше остальных приходишь и **НИЧЕГО НЕ ДЕЛАЕШЬ**?!

– Если на работу нужно приходиться в семь часов, то я и пришёл в семь часов.

– Вот и спрашиваю: кому нужно то, что ты пришёл и **НИЧЕГО НЕ СДЕЛАЛ**?

– А что я **ДОЛЖЕН** был **СДЕЛАТЬ**?

– Бетономешалку бы включил! Лопатки бы вынес! Носилки бы принёс!

– На это минут пять может уйти. Я здесь почти полчаса уже сижу.

– Вот я и говорю, что какая кому польза от того, что ты пришёл и до сих пор **НИЧЕГО НЕ СДЕЛАЛ**?!

– А какая может быть польза в том, что я вынесу лопатки, носилки, включу бетономешалку, и мне опять придётся вас ждать? Что я ещё один смогу **СДЕЛАТЬ**? А если никто не придёт, тогда мне опять всё заносить обратно и выключать бетономешалку? Какая и кому в этом будет польза? Разве не лучше будет, если все в одно время будут подходить и начинать работу все будут вместе?

– Тогда не приходи так рано!

– А, может, я и не приходил рано. Может, я только что подошёл и сел отдохнуть.

К этому времени уже подошёл его младший сын, который тут же садился на самом подходящем для себя месте. Через пару минут подходил его старший сын, которому тоже **ОБЯЗАТЕЛЬНО** нужно сначала сесть и посидеть, затем закурить со всеми остальными.

На **ПЕРВОЙ** же рабочей неделе я решил отправиться с тележкой за реку, к той окраине села, где собирались сначала работать, но проработали всего лишь один день, чтобы привезти немного кирпичей оттуда. Работа заканчивалась у нас в семь часов вечера, так что за реку я мог отправиться где-то в половине восьмого. **ДВАДЦАТЬ** четыре кирпича поместилось в кузове тележки. И я заметил, что колёса слишком слабые под таким грузом. Груз раскачивался на них из стороны в сторону.

Через сотню шагов от той **КУЧИ**, из я которой набрал кирпичей, одно колесо попало в небольшую ямку, и груз съехал набок. Колёса смялись, и из их ободьев повылезали спицы. То, что произошло, словно разом оборвало во мне саму надежду на то, что смогу так за лето

насобирать кирпичей на печку. Я уже **УСПЕЛ** подумать о том, что мне ни с чем придётся возвращаться назад.

Сначала кирпичи нужно было выложить из тележки. После этого я попытался вернуть обод каждого колеса в прежнее положение. И это мне удалось **СДЕЛАТЬ**. Ко мне снова вернулась надежда, которая словно едва не погибла.

Когда я снова за собой стал **ТЯНУТЬ** тележку с нагруженными в неё кирпичами, опять одно колесо попало в ямку, и тяжесть груза опять смяла под собой колёса. Моя надежда опять стала погибать. Мне опять пришлось выгружать кирпичи, выравнивать колёса, и снова нагружать тележку кирпичами. Я подумал о том, что, может, мне уменьшить груз на четыре кирпича, но не стал этого **ДЕЛАТЬ**, чтобы **НЕ СДЕЛАТЬ** меньшей саму надежду.

С ПРЕДЕЛЬНЫМ НАПРЯЖЕНИЕМ мне пришлось следить за тем, чтобы перед колёсами не попадались ни ямки, ни камешки, когда снова **ПОТЯНУЛ** тележку за собой. Она всё время угрожающе покачивалась на колёсах, которые стали неровно вращаться. Ещё пару раз мне пришлось выгружать кирпичи, чтобы вернуть обод каждого колеса в прежнее положение. Больше **ДВУХ** часов у меня ушло на то, чтобы привезти эти кирпичи к нашему дому. На следующий вечер я нагрузил тележку только **ДВАДЦАТЬЮ** кирпичами. На этот раз они **ДВА** раза съезжали набок, сминая под собой колёса. Слишком много сил и времени у меня отнимало то, как мне пришлось их привозить, и я больше туда не стал ходить.

Когда я отправлялся на обед или уже возвращался с работы, старался привезти с собой тележку песка или цемента, который **СКРЫВАЛ** под тонким верхним слоем песка, чтобы залить фундамент под будущую печку. Постоянная **НЕХВАТКА** денег могла обещать мне только скудный и непродолжительный обед. Но у меня **ХВАТАЛО** времени на то, чтобы выйти с тележкой на дорогу и по её обочинам насобирать камней для заливки фундамента. Очень много сил уходило у меня на то, чтобы во мне не погибала надежда. Я надеялся на то, что к зиме всё же **УСПЕЮ** выложить печку.

На «нижнем складе» в кочегарке, расположенной рядом с распиловочным цехом, разобрали одну печь, а кирпичи сложили в одном месте. Отец заметил, что эти кирпичи понемногу растаскиваются. Когда осталось только семнадцать огнеупорных кирпичей, он их припрятал, чтобы забрать их вместе со мной. В воскресенье вечером я вместе с ним отправился привезти эти семнадцать кирпичей. И мы их привезли.

Когда на **ВТОРОМ** этаже снести одну перегородку, сложенную из красного кирпича, я из обломков этой перегородки, постарался отколоть пару десятков **ЦЕЛЫХ** кирпичей и привезти их с работы домой. Медленно, но мне, по-немногу, удавалось продвигаться к поставленной **ЦЕЛИ**.

А у моей сестры дома как будто не было никаких забот. Она большую часть времени оставалась где-то снаружи. На маслозаводе она подружилась с одной азербайджанкой, к которой не только домой стала заходить, но и пару раз оставалась у неё ночевать. Часами она задерживалась у Светки-соседки, которая тоже работала на маслозаводе.

Дядя одноклассника пальцем **ПОКАЗАЛ** мне на мой засаленный воротник и с какой-то насмешкой дядя спросил меня: «Что это?» Он так спросил меня о сестре, которая словно не видела той одежды, в которой я ходил на работу. Он сразу после этого вопроса заговорил о том, что она часами где-то ходит, заходит то в один дом, то в другой. Стало ясно, что пошли какие-то разговоры о сестре, что семейка одноглазого стала распространять какое-то жужжание о моей сестре, чтобы **СДЕЛАТЬ** из неё подобие её матери. И сестра стала **ОТКРЫВАТЬ** дорогу в наш дом тем, кому хотелось **ОБЯЗАТЕЛЬНО** побывать у нас.

Как-то раз, вернувшись с работы, я обнаружил у нас дома мужа Светки-соседки: раз моя сестра бывала в соседнем доме, почему и ему не взять и не зайти к нам? Он пришёл в пьяном виде. Чтобы продлить насилие своего присутствия как можно больше, он стал давать какие-то обещания, еле их выговаривая, бубнил что-то и что-то под нос себе бормотал. Я понял, что он

собрался нам печку из железа для бани сварить. А из чего он собрался её варить? Из железа? Оно у нас было? У нас деньги были на это железо и на оплату его работы?

Моя усталость только помогала усиливать то раздражение, которое вызывало у меня присутствие этого «сварщика». Вместо того, чтобы дать себе отдохнуть, мне пришлось уйти в другую часть дома и тратить силы ещё и на томительное ожидание ухода этого «гостя». Меня раздражало и то, что для меня неизвестным оставалось, что насколько долго этот «гость» собирался так задерживаться. Через полчаса предмет моего раздражения ушёл. К этому времени я уже готов был разорваться от злости. Сорвавшись с кровати, я вышел к отцу и сестре и заявил им: «Если ещё раз эта пьяная обезьяна здесь появиться, я её сразу вышвырну! А вы сами решайте: кто будет **ВИНОВАТ** в том, что потом может произойти! Кто останется **ВИНОВАТ** после того, как я вас об этом предупредил!»

Где-то в четырёхстах метрах от нашего дома, если не больше, за стадионом у одного дома мной была замечена **ЦЕЛАЯ КУЧА** кирпичей. Я не переставал думать о том, чтобы утащить из этой **КУЧИ** где-то сотню кирпичей. У меня не получалось оторваться от задуманного даже при всём понимании, что не получится незаметно украсть кирпичи даже глубокой ночью из-за угрозы натолкнуться на запоздалого прохожего или угрозы вызвать собачий лай звуком одних лишь своих шагов.

За один раз я никак не смог утащить столько кирпичей. Мне нужно было несколько раз подходить к этой **КУЧЕ**, чтобы забрать столько кирпичей, сколько в силах был унести в закинутом за спину мешке. Если мне больше одного раза придётся идти по одной и той же дороге, то собачий лай будет становиться только сильнее и может вызвать появление того, кто меня увидит. Мне оставалось надеяться только на то, что ночью пойдёт дождь, и шум капель дождя поможет мне заглушить мои шаги в темноте. И ночью под дождём вероятность того, что я нарвусь на какого-нибудь запоздалого прохожего, была меньше. И я стал просыпаться среди ночи, чтобы услышать шум дождя.

Когда я услышал шум капель дождя по крыше, включил свет, чтобы посмотреть на часы. После полуночи прошёл только один час. Я заставил себя подняться, одеться и выйти из дома. Дождь шёл монотонно, и это обещало, что его может надолго **ХВАТИТЬ**. До наступления утра я собрался утащить сотню кирпичей.

Ни одна собака не залаяла, когда я подошёл к **КУЧЕ**. **ДВАДЦАТЬ** кирпичей я сложил в мешок. Мешок с кирпичами нужно было поднять и забросить себе за спину, чтобы **ДАЛЬШЕ** можно было его понести. Но этого я не смог **СДЕЛАТЬ**. Десять кирпичей пришлось вытащить из мешка. Десять оставшихся в мешке кирпичей я уже сумел забросить себе за спину.

Мне стало ясно, что самого времени мне может **НЕ ХВАТИТЬ**. Я решил, что будет лучше спрятать кирпичи где-то на полпути к дому. До рассвета только пять раз я **УСПЕЛ** подойти к **КУЧЕ** и набрать себе кирпичей. На рассвете и дождь прекратился. Когда я в последний раз уходил с кирпичами от той **КУЧИ**, стало слышно, как предательски звучали мои шаги. Собаки залаяли на звук моих шагов. К той **КУЧЕ** уже нельзя было подходить.

Когда я вернулся домой уставшим и вымокшим, через три часа мне нужно было собираться и идти на работу. Пятьдесят припрятанных кирпичей нельзя было оставлять. Их нужно было перенести в течение следующей ночи. Я вместе с отцом принесли эти кирпичи, когда наступила ночь. Вместе мы быстро справились.

Получилось так, что мне **ДВЕ** ночи пришлось не спать, чтобы добыть только пятьдесят кирпичей. За эти **ДВЕ** ночи я не мог ни выспаться, ни отдохнуть. Я почувствовал очень сильную усталость.

После **НАПРЯЖЕНИЯ** и страхов за эти **ДВЕ** ночи, после очередного рабочего дня я почувствовал себя совершенно истощённым, разбитым и выпотрошенным. Мне **НЕОБХО-**

ДИМО было дать себе как следует отдохнуть. Мне **НЕОБХОДИМО** было **ОБЯЗАТЕЛЬНО** выспаться.

После скудного ужина, я всё никак не мог заснуть. Заснуть не получалось из-за того, что сестры дома не было, что дверь оставалась **ОТКРЫТОЙ**, и из-за того, что дверь не получалось **ЗАКРЫТЬ**, потому что стук в неё **ОБЯЗАТЕЛЬНО** мог меня разбудить, мог **ОБЯЗАТЕЛЬНО** нарушить мой сон. Сестра уже несколько раз возвращалась домой через **ДВА**-три часа после полуночи, когда проводились дискотеки. И в этот вечер как раз и **ДОЛЖНА** была проводиться очередная дискотека. Получалось так, что сестра могла появиться только через несколько часов после полуночи.

Снаружи дверь **ЗАКРЫВАЛАСЬ** на всякий замок, а изнутри – на крючок. Если дверь **ЗАКРЫВАЛАСЬ** с одной стороны, то с другой **ОТКРЫТЬ** её не получалось. Я не смог с пренебрежением и безразличием отнестись к тому, что **ЗАКРЫВАТЬ** дверь или оставлять её **ОТКРЫТОЙ**. Меня стало злить то, что и здесь мне приходилось принимать решение. Усталость, которая мешала мне подняться, тоже злила меня. Какое-то время мне пришлось помучиться в промежуточном состоянии между сном и явью, потом я всё же сумел собраться с силами, чтобы заставить себя подняться. До полуночи оставалось где-то полтора часа.

– Дверь на ночь нужно **ЗАКРЫВАТЬ** или нет?! – со злостью я обратился к отцу, которому как не было никакого **ДЕЛА** до того, что лишало меня покоя.

– Нужно.

– Она же придёт и станет стучаться в **ЗАКРЫТУЮ** дверь! Ожидание этого стука мешает мне заснуть! Я не могу заснуть и из-за оставленной **ОТКРЫТОЙ** двери! Если какая-то сволочь решит сюда заявиться, дверь для неё нужно оставлять **ОТКРЫТОЙ**?!... Я **ЗАКРЫВАЮ** дверь!!! И если мне придётся её **ОТКРЫВАТЬ**, то я разобью ту дурную голову, из-за которой мне придётся просыпаться и вставать с места. Так что, тебе придётся раньше меня **УСПЕТЬ ОТКРЫТЬ** эту дверь! **НИЧЕГО НЕ ДОЛЖНО** нарушить мой сон! Можешь оставить дверь **ОТКРЫТОЙ**, но тогда возьми стул, сядь на него рядом с дверью, сиди и жди ту, которая **НЕ ДОЛЖНА** разбудить меня своим приходом! Для тебя, почему-то, я постоянно оказываюсь в чём-то **ВИНОВАТЫМ**! А ей ты **НИЧЕГО** не говоришь!

После той **НЕОБХОДИМОСТИ** выбора, который мне пришлось **СДЕЛАТЬ** поздней осенью, я понадеялся, что в **ДАЛЬНЕЙШЕМ** буду уже избавлен от того, чтобы **ПОВТОРЯЛОСЬ** что-то подобное, что буду избавлен от мучительного обязательства мыслить и выбирать. Но то, что происходило **ДАЛЬШЕ**, даже не обещало мне такого избавления.

Я всё равно проснулся, когда сестра вернулась домой. Больше четырёх часов прошло после полуночи, когда она вернулась. Об этом мне утром сказал отец. Я услышал, как отец ей что-то вполголоса стал говорить, и понадеялся, что ещё немного и наступит тишина. Но тишина не наступила.

Оказалось, что сестра сильно проголодалась. Она принялась в темноте грызть «хворост», изжаренные в масле дома у Светки-соседки полоски теста, вывернутые разными узлами. Стук в дверь не мог продолжаться столько, сколько она ела. Если кто-то среди ночи был разбужен мышиной вознёй или тем, как что-то начинает грызть какая-то крыса, тот может представить себе крысиные звуки существа размером с взрослого человека.

Мне с трудом пришлось сдерживать прорывавшийся гнев. Меня останавливало понимание того, что, дав ему волю, я уже точно не смогу заснуть. У меня не получилось **ПОЛНОСТЬЮ** оградиться от всего того, что пришлось испытывать тем «беженцам», которым пришлось устраиваться на квартиру, к которым раз за разом среди ночи позволяли себе стучаться напивавшиеся хозяева, чтобы вселиться до самого утра каким-то беспокойством, чтобы кому-то пришлось терпеть насилие их присутствия.

За ночь я не выспался. Это обнаружилось утром. Я закричал на отца со злостью, которая у меня прорывалась: «Что это были за крысиные звуки?! Ты, что, не понял, что **НИЧЕГО НЕ ДОЛЖНО** было нарушить мой сон, мой покой?! Мне самому нужно было встать?!»

Сначала какой-то **ОТКРЫТОЙ ДЫРОЙ** оставался **ДОЛГ** за дом, которую не получалось **ЗАКРЫТЬ** в течение нескольких месяцев, потом из-за сестры **ОТКРЫЛАСЬ** другая **ДЫРА**, которую тоже не получалось **ЗАКРЫТЬ**.

Если царство разделиться само в себе, не сможет устоять царство то; И если дом разделиться сам в себе, не может устоять дом тот.

Библия, Евангелие от Марка 3:24

У саранчи нет царя, но выступает она стройно.

Библия, Притчи Соломона 30:27

И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы.

Библия, Откровение 9:3

Когда через день, когда до полуночи оставался один час, я опять начал злиться, что сестры дома не было, только тогда узнал от отца о том, что она и не придёт, что она решила уйти жить к той азербайджанке, у которой уже пару раз оставалась ночевать. Таким своеволием она не могла не вызвать и усиливать то жужжание, которое будет направлено против нас и которое вызывает появление каких-то тварей. И вскоре к нам заявились какой-то саранчой четверо армян из Карабаха, которыми двигала та же сила, которая приводила к нам того азербайджанца. Эти карабахские армяне сами любезничали с азербайджанцами при встрече с ними, считали их своими земляками, и пришли к нам, чтобы **ПОКАЗАТЬ** себя так, как это хотел **СДЕЛАТЬ** тот азербайджанец. Они стали выражать недовольство тем, что моя сестра **СВЯЗАЛАСЬ** с азербайджанкой. Я заподозрил, что они подпитывались тем же жужжанием, что и все те, кто «старался совать свои языки в чужие **РАНЫ**», что это жужжание стали усиливать семейка одноглазого и семейка дяди одноклассника. Моей сестры как **НЕ ХВАТАЛО** рядом для того, чтобы ею заткнуть эту **ДЫРУ**, и меня это злило. Мне было ясно, что эти **ДЫРЯВЫЕ** души подпитывались тем же жужжанием, что и все те, «кто старался совать свои языки в чужие **РАНЫ**». Во всём этом не обошлось без активного участия семейки одноглазого и дяди одноклассника.

«Мы же тоже люди», – сказала моему отцу при встрече та азербайджанка. Эти слова были с **ОБВИНЕНИЕМ** в его адрес. Она в чём-то **ОБВИНЯЛА** семейку одноглазого, дядю одноклассника и тех четырёх карабахцев? Нас **ДЕЛАЛИ ВИНОВАТЫМИ**.

Через несколько дней, вечером, дверь в наш дом вдруг распахнулась, и муж Светки-соседки в пьяном виде, что-то бормоча себе под нос, стараясь оглушать самого себя своим собственным жужжанием, крупными шагами подошёл к стулу, который стоял посреди той части дома, в которой мы перезимовали. Он **СХВАТИЛ** за его спинку, и, раскачиваясь, стал вертеть им из стороны в сторону, словно ему нужным стало получше рассмотреть то, что оказалось у него на пути. Кто **ОТКРЫЛ** ему дорогу в наш дом? Разве не сестра, которая заходила в их дом, помогала **ОТКРЫВАТЬ** ему дорогу в наш дом?

Это было уже в третий раз, как он стал позволять себе приходить к нам. Во **ВТОРОЙ** раз он заходил якобы за спичками. Он не ушёл, когда получил коробок со спичками. Его ещё что-то стало задерживать. Коробок спичек был всего лишь подходящим поводом, чтобы зайти к нам. А зайти ему хотелось для того, чтобы **ПОКАЗАТЬ** себя перед теми, кого осталось только добивать. Он стал рассказывать о себе, о том, что как его все боятся. Потом он стал

ПОКАЗЫВАТЬ себя готовым пойти против нас, чтобы **ЗАЩИТИТЬ** сестру, которая, как выяснилось, **УСПЕЛА** у них дома пожаловаться на то, что мы её на дискотеку не стали пускать.

«Ты чего здесь так раскачался? Ветром сдувает?!» – спросил я его, двинувшись в его сторону. А он в ответ сразу угрожающе подался грудью на меня. А я с силой оттолкнул его к входной двери, которая осталась **ОТКРЫТОЙ**. Он провалился в дверной проём и упал на спину у **ВТОРОЙ** двери, через которую заходили сначала на веранду. Я пинками и ударами кулаком по спине выбил его наружу, где нанёс ему столько пощёчин, чтобы ему их надолго **ХВАТИЛО**. Из носа у него побежала кровь. Ни через месяц, ни через несколько месяцев, ни через год, ни через **ДВА** года его после этого к нам уже **НИЧЕГО** больше не приводило.

Когда на работе прошло больше месяца, никаких заработанных денег я не дождался. А **СДЕЛАНО** было больше половины из того, что нужно было отштукатурить. **КРУГОМ** стало каким-то **ПРАВИЛОМ** не выплачивать заработанные деньги, **ЗАТЯГИВАТЬ** с тем, чтобы их отдавать. Работы оставалось на месяц, и я рассчитывал на то, что смогу продержаться ещё столько же. Что-то мне не верилось, что все были в одинаковом положении, что никто **ОТДЕЛЬНО** и втайне от остальных не получал денег. Я заподозрил, что одноглазый и дядя одноклассника втайне получили деньги. То, что происходило **ВОКРУГ**, давало им право так поступать.

Если сладко во рту зло его, и он таит его под языком своим.

Библия, Книга Иова 20:12

Как раз к тому времени, когда мы **ДОЛЖНЫ** были получить деньги, одноглазый приобрёл своему старшему сыну пуховик. И примерка этого пуховика **ДЕЛАЛАСЬ** у всех на виду. Им как **ОБЯЗАТЕЛЬНО** нужно было это **СДЕЛАТЬ**.

И лимонад в бутылках одноглазый с сыновьями стали покупать в это же время. И однокласснику **ОБЯЗАТЕЛЬНО** нужно было сесть рядом со мной, а не где-нибудь, чтобы выпить эту бутылку с лимонадом. И пил он этот лимонад с **ПОЛНЫМ** пренебрежением и безразличием ко мне. Что он хотел этим **ПОКАЗАТЬ**? Неуязвимость той наглой правоты, в которой старался утверждаться, той правоты, с которой, как по какому-то молчаливому уговору, меня оставили без денег? Для этого **ВПОЛНЕ** может **ХВАТИТЬ** и бутылки лимонада вместе с тем, как её можно выпить?

Я стал понимать, что почему такие люди стараются **ОБЯЗАТЕЛЬНО** приходить на помощь, стараются **ОБЯЗАТЕЛЬНО СДЕЛАТЬ** «добро». Землю сначала нужно **РАНИТЬ** плугом, чтобы потом в ней что-то посадить. Этим людям нужны чужие **РАНЫ**. Они собираются что-то посеять для себя, когда идут на помощь. Для них люди, что земля. Где бросили зёрнышко, там собираются забрать колосок, где бросили семечку – подсолнух, где семечку от тыквы – **ЦЕЛУЮ** тыкву. Они помогали, чтобы оказаться в своём праве **ОПРЕДЕЛЯТЬ**, как и чем им следует отдавать. Не случайно же, дядя одноклассника позаботился о том, чтобы рядом с нашим домом высыпали один кузов мелкого песка. Я ему ещё как **ДОЛЖЕН** оставался за его «доброту».

Песка мне **ХВАТАЛО** и на то, чтобы долить фундамент под печку, и на то, чтобы сложить саму печку, и на то, чтобы заново отштукатурить стены. Местами я стал отдиравать со стен старую штукатурку. Куски отодранной глины, которая была с рубленой соломой, замачивал в воде. Местами снова набивал на стены dranku. Потом перемешивал раскисшую глину и наносил её ровным слоем на стену. Когда этот слой высыхал, нанести тонкий слой штукатурки из мелкого песка, смешанного с глиной.

Печку я начал выкладывать, когда наступил октябрь, когда по вечерам уже становилось сильно прохладно. По вечерам, после работы, где-то с восьми до одиннадцати вечера, мне удавалось выложить кирпичами три-четыре ряда. **ДВЕ** недели у меня ушло на то, чтобы выложить печку со всеми **НЕОБХОДИМЫМИ** дверцами, закреплёнными так, чтобы они держались намертво. Отец помогал мне. И мне **НЕПОНЯТНО** было, что как можно выложить печку за вечер, о чём неоднократно приходилось слышать.

Наверное, та печка, которую пришлось разобрать, и была выложена «за вечер». В той печке, которую пришлось разбирать, не было ни одной дверцы, для того, чтобы чистить дымоходы от сажи, которая могла там накапливаться. В той печке нужно извлекать из кладки кирпичи, чтобы вычищать сажу. Затем нужно было замешать глину с мелким песком, чтобы снова заложить на растворе по одному кирпичу те **ДЫРЫ**, через которые выгребалась сажа.

К этому времени я от отца узнал, что сестра на маслозаводе уже не работала, что от неё там как постарались избавиться, что она лежала в больнице с «желтухой», которой заразилась от маленького сыночка той азербайджанки, у которой поселилась. Сама эта азербайджанка куда-то уехала. Сестра оказалась не где-нибудь, а в доме у бабки одноклассника, где всё преподносилось так, словно я с отцом выгнали её из нашего дома. Одноглазый посчитал нужным **ПОТЯНУТЬ** её жить в дом своей тёщи.

Выяснилось, что сестра уже жила у них, когда мне не заплатили деньги больше, чем за месяц работы. Одноглазый с сыновьями **СКРЫВАЛИ** от меня то, что сестра находится у них дома. Они **СКРЫВАЛИ** это, как **СКРЫВАЛИ** от меня те деньги, которые получили. Сестра оказалась на той стороне, которая действовала против нас. Те, кто старательно распространяли жужжание про неё и её мать, решили оказать содействие в том, чтобы её мать тоже туда приехала и забрала её. Когда я обо всём этом услышал, какая-то чудовищная отравка разлилась во мне, сжигая меня изнутри. Только такой яд мог быть влит в ухо отцу Гамлета, чтобы убить его.

Кумары, Разумом-рождённые Сыны Брами-Рудры или Шивы, мистически представленного страшным разрушителем человеческих страстей и физических чувств, всегда препятствующих развитию высших духовных познаний и росту внутреннего вечного человека, эти Кумары и являются потомством Шивы Махайога, великого покровителя всех Йогов и Мистиков Индии.

(...) Чтобы жить как растение, семя должно умереть. Чтобы жить, как сознательное существо в Вечности, страсти и чувства должны умереть, прежде, чем умрёт его тело. «Что жить значит умереть и умереть значит жить», было слишком мало понято на Западе.

Шива-Разрушитель есть Творец и Спаситель Духовного Человека, как прекрасный Садовник Природы. Он вырывает сорные растения, человеческие и космические, и убивает страсти физического человека, чтобы вызвать к жизни чувствознание духовного человека.

Е. П. Блаватская, «ТАЙНАЯ ДОКТРИНА», том I, стр. 591

Разве она даром у них жила и питалась? Она помогала им оставлять меня без денег и служила оправданием той правоты, с которой это **ДЕЛАЛОСЬ**.

Я сказал отцу, чтобы он **ОБЯЗАТЕЛЬНО** мне сказал, если узнает в леспромхозе о работе, на которую можно будет устроиться.

Когда были отштукатурены внутренние стены **ДВУХЭТАЖНОГО** здания, начали работать на другой окраине села, где были построены одноэтажные блочные дома. Когда отец сказал мне о том, что в леспромхозе, на «нижнем складе», на зиму нужен ещё один кочегар, я сразу решил уйти от тех, с кем вместе пришлось работать.

В самом конце октября мне пришлось пойти к дяде одноклассника, чтобы у него дома получить семнадцать тысяч четыреста рублей. Цены к тому времени выросли в сотню раз

по сравнению с прошлогодними. Так что, это была не такая уж и большая сумма денег. С нами проработал всего **ДВЕ** недели сыночек бухгалтера, и ему заплатили **ДВЕНАДЦАТЬ** тысяч. Возможно, с меня высчитали за всё то «добро», которое мне **СДЕЛАЛИ**, начиная ещё с прошлого года.

Даже оставшихся денег этому дяде как не хотелось отдавать. Он стал навязчиво предлагать купить у него полтуши годовалой свиньи, которую он уже заколол. Я не стал противиться его желанию: эти деньги выглядели так, словно так или иначе они могли пропасть. Полтуши годовалой свиньи помогла ему **ВЫТЯНУТЬ** у меня пять тысяч.

ДВА дня нам пришлось штукатурить в одноэтажном доме, который был построен для управляющего местным **ОТДЕЛЕНИЕМ** сбербанка. Я **ДОЛЖЕН** был получить за эти **ДВА** дня три тысячи. Почему-то, эти деньги нужно было получить у одноглазого. Я не пошёл к нему в тот дом, где сестра уже помогла оставлять меня без денег, которых было намного больше. И одноглазого это ничуть не побеспокоило. О ни разу даже не заговорил об этих деньгах, которые остались у него. Их словно никогда и не было.

Когда я устраивался на работу кочегара, какая-то гадина в **ОТДЕЛЕ** кадров стала разговаривала со мной так, словно меня уже **ЗАРАНЕЕ** можно было **ОБВИНЯТЬ** в союзе с чем-то преступным. После такого обращения мне нужно было пройти медкомиссию. И женщину-невропатолога, по всей видимости, какое-то внутреннее убеждение стало побуждать разговаривать со мной с какой-то язвительностью и вызывало у неё желание как-то загрызть меня. Потом я обнаружил такое же внутреннее убеждение у хирурга Клемичева.

Внешне он очень сильно был похож на «положительного» врача из фильма «Летят журавли» (1957). Ему **НИЧЕГО** не стоило **ПОКАЗЫВАТЬ** себя таким же «положительным». Он мог годами себя таким **ПОКАЗЫВАТЬ**. А мне довелось увидеть его таким человеком, каким он был на самом **ДЕЛЕ**. И тот «положительный» врач из фильма «Летят журавли», на самом **ДЕЛЕ**, был тоже таким.

Я снова почувствовал себя каким-то **ОБВИНЯЕМЫМ** словно перед каким-то прокурором или следователем, чем перед врачом. Сидевший передо мной человек в белом халате, который нинасколько **НЕ ДЕЛАЛ** его «положительным», втайне мог радовался тому, что «все дороги ведут в Рим». Я словно оказался не на приёме у врача, а у кого-то из тех, кто служил в гестапо, в тайной полиции.

– А что с той женщиной?

– С какой?

– С той, что лежала у нас в больнице. Она уехала?

– Она собирается уезжать, – ответил я, понимая, что речь пошла о моей сестре, что он увидел знакомую ему фамилию на листке бумаги, которую держал перед собой за края пальцами обеих рук.

И тут ему захотелось что-то **ПОКАЗАТЬ** мне. Он всего лишь разжал пальцы, и этого оказалось достаточно, чтобы уронить этот листок на стол. И сразу после этого он обе руки спрятал под стол.

– Я не буду Вам подписывать.

– Почему?

– Печати о прохождении флюорографии нет. Без неё не подпишу, – заявил он, не называя настоящую причину того, что почему он так позволял себе поступать.

– Она же не работает. Там нужно устранить какую-то неисправность.

– Ну и что?

– Вы же другим подписываете.

– А Вам не подпишу!... Понаехало тут ваших... – тут он назвал мою **ВИНУ**.

– Значит, я не смогу на работу устроиться? И как же я буду жить, если не смогу работать?

– Не знаю и знать не хочу. Мне нет до этого никакого **ДЕЛА**. Печати не будет – подписывать не буду!

Я не стал напрасно с ним спорить и отправился за печатью. У меня не было никакого желания, ни на минуту, задерживаться в этом кабинете. Я проходил флюорографию в апреле, когда устраивался на работу туда, где проработал **ДВА** месяца. С тех пор ещё не прошло пол-года, и эта печать, которую можно было поставить под тем же числом, ещё имела силу. «Положительному» врачу из фильма «Летят журавли» пришлось поставить свою подпись на моём листке бумаги.

В кочегарке я начал работать в конце октября, а деньги в **ПЕРВЫЙ** раз получил только в феврале следующего года. И деньги мне **ПОЛНОСТЬЮ** не были выплачены. Всё выглядело так, что и одноглазый, и дядя одноклассника, и та гадина из **ОТДЕЛА** кадров, и врачи, и многие другие – все старались **ОБЯЗАТЕЛЬНО ДЕЛАТЬ** так, как все **ВОКРУГ** стали позволять себе **ДЕЛАТЬ**.

Нижние, прикорневые, части стволов осины, берёзы, пихты как-то ненужно расширялись, и их обрезали. Эти обрезки, где-то по полметра в длину, где-то с весны начинали возить и собирать в одну огромную **КУЧУ**, чтобы за зиму сжечь её в кочегарке. Когда я в **ПЕРВЫЙ** раз увидел ту огромную **КУЧУ**, которую нужно было сжечь за зиму, мне сказали, что её на всю зиму **НЕ ХВАТИТ**, что она **ДОЛЖНА** быть раза в **ДВА** больше этой, чтобы **ХВАТИЛО**.

Всё, что пролежало в этой **КУЧЕ** с весны, уже подсохло и было не таким тяжёлым, как всё то, что стали подвозить с эстакады. Чтобы этой **КУЧИ ХВАТИЛО** на всю зиму, в печах нужно было сжигать сухие части стволов вместе с теми, которые стали подвозить с эстакады, которые были ещё сильно влажными. На тележке была укреплена клетка, в которую на эстакаде бросали и комеля, нижние прикорневые части стволов, и стволы берёзы или осины, которые оказывались слишком тонкими. Эту тележку подвозили на тракторе.

Эти тонкие стволы не стоило отрезать по полметра в длину. И они сначала были метровыми или полутораметровыми. Затем эти стволы стали становиться и толще и длиннее. Они, значит, становились и тяжелее. После того, как они стали **ДВУХМЕТРОВЫМИ**, стали попадаться и трёхметровые, и четырёхметровые, и такие, что в печку уже не влезали.

Через сутки меня в кочегарке менял отец, а его – один приехавший из Казахстана. А его один местный тракторист. На самой эстакаде кто-то обрадовался возможности как-то нагадить «понаехавшим». Эти слишком тяжёлые стволы пришлось оставлять в стороне. Их потом тот бульдозер, который каждое утро из **КУЧИ** сгребал и подталкивал поближе к воротам кочегарки сухие комеля и короткие брёвнышки, убирал их в сторону, а затем на свалку.

Те дрова, которые я как **УСПЕЛ** привезти в самом конце 1991 года, пролежали у ограды нашего дома и **ВТОРУЮ** зиму. Ни сил, ни времени на то, чтобы распилить брёвна и затем их расколоть, у нас в 1992 году не оставалось. Эти дрова я и отец вручную распилили только летом 1993 года.

Весной 1993 года к нам вдруг заявился одноглазый и стал выражать своё недовольство тем, что сестра продолжает оставаться у них дома. Он так возмущался, словно это мы её там оставили и с тех пор стали позволять себе злоупотреблять его терпением. Её мамаша так и не приехала в Сибирь, землю смертей и ссылок, чтобы забрать свою дочку. «А как она у вас оказалась?!» – я со злостью спросил его, прерывая ход его возмущения и негодования, и мой вопрос остался без ответа. Мой отец вышел с одноглазым, чтобы пойти и вернуть назад мою сестру и её вещи.

Сестра вернулась какой-то сильно притихшей. Я даже не почувствовал **НЕОБХОДИМОСТЬ** ей что-то говорить и в течение месяца, и через **ДВА** месяца, и через три месяца, и через четыре месяца. Когда мы оказались в тяжелейшем положении, она стала помогать **СДЕЛАТЬ** его ещё тяжелее. Когда она что-то оставляла и забывала убрать, я обращал её вни-

мание на это с помощью пощёчины. Если она пыталась что-то мне ещё говорить, пощёчина **ПОВТОРЯЛАСЬ** с большей силой.

Только **ПЕРВОЕ** время сестра сидела дома, потом она опять стала заходить к Светке-соседке и стала задерживаться у неё дома, но не так долго, как она это прежде себе позволяла. К концу лета она вышла замуж и оставила нас.

Чтобы **ЗАКРЫТЬСЯ** в нашем «ковчеге», у нас ушло почти **ДВА** года. Неужели у Ноя на это могло уйти меньше времени? Неужели ни одна **ДЫРЯВАЯ** душа не стала мешать ему **СДЕЛАТЬ** это?

8. Мне снились страшные сны. То ли из-за того, что дом был **РАЗДЕЛЁН** на **ДВЕ** части внутренней перегородкой, то ли из-за того, что мы перезимовали в одной его части, то ли из-за того, что то одного **НЕ ХВАТАЛО**, то другого, мне часто снилось, что купленный дом не принадлежал нам **ПОЛНОСТЬЮ**. То мне снилось, что я купил только полдома. То мне снилось, что **ВТОРАЯ** его часть была уже **ОТДЕЛЬНЫМ** домом и где-то на другой улице или даже в другом селе. Мне приходилось разрываться между **ДВУМЯ** домами, и я понимал, что у меня не получится удержать за собой **ДВА** дома.

Во **ВТОРОЙ** части дома, или во **ВТОРОМ** доме, часто не было ни пола, ни потолка. И дверей в проёмах могло не быть, и окон могло **НЕ ХВАТАТЬ**. Я часто чувствовал своё **ПОЛНОЕ** бессилие **СДЕЛАТЬ** полы, потолки, двери и окна в таком доме, и просыпался **ОХВАЧЕННЫМ** безысходностью и отчаянием.

Мне часто снилось, что часть крыши или вся крыша дома обвалилась, и у меня нет никакой возможности её починить. Часто снилось и то, что я с отцом опять оказывался в Армениии, в полуразобранной палатке. И тогда оставалась только надежда на то, что сможем уехать. Но совсем скоро становилось ясно, что уехать на Алтай, где у нас есть дом, у нас не получится. Мы часто оставались и без палатки, и без дома, и с пониманием, что уже **НИЧЕГО** не можем **СДЕЛАТЬ**. Я часто просыпался от ощущения какой-то лютой бесприютности **ОКРУЖАВШЕГО** нас мира, от ощущения нашей **ПОЛНОЙ** беспомощности противостоять его враждебности. И **НИЧЕГО** нас уже не могло спасти. Нам оставалось только пропадать. Спасения не было нигде. Мои чувства обострялись до крайности, когда я засыпал. Все тревоги и опасения набирали такую жуткую беспощадную силу, что мою грудь начинали пронизывать чудовищное отчаяние и чудовищная безысходность.

Мне снилось и то, что я выходил за границы обжитого людьми пространства по какой-то дороге, проходившей мимо островков зеленевшего леса. Эта дорога выводила меня к отвесной стене, которая высилась надо мной обрывом. Я начинал подниматься по этой отвесной стене, удивляясь своему бесстрашию. Я поднимался не по твёрдой скальной породе, а по глине, которая удерживала меня и в любую секунду могла осыпаться, не выдержав тяжести моего тела. Я поднимался вверх по отвесной стене из глины, в которую мне удавалось глубоко запускать руки. Ямки, которые оставляли мои руки, становились **ОПОРАМИ** для ступней моих ног. Когда я поднимался на высоту десятиэтажного дома и вставал в **ПОЛНЫЙ** рост на самом краю обрыва, оставаясь спиной к нему, мне становилось очень страшно из-за того, что спуститься вниз у меня уже не получится.

Мне часто снилось, что мне опять приходится **УЧИТЬСЯ** в школе. И каждый раз, независимо от того, что **УЧИЛСЯ** ли я в **ПЕРВОМ** классе, или во **ВТОРОМ**, в пятом или десятом, **ХВАТАЛО** одного лишь замечания какой-нибудь **УЧИТЕЛЬНИЦЫ** в мой адрес, **ХВАТАЛО** одной капли словно какого-то их яда, чтобы во мне вызвать в ответ волну гневных **ОБВИНЕНИЙ**. На этой волне я бросался вон из школы, в которую больше не собирался возвращаться.

Когда я просыпался, сразу осознавал, что всё было не так уж и плохо. Происходившее говорило мне о том, что не случайно такой глубокий страх мешал мне **СДЕЛАТЬ** выбор в 1991 году, от **НЕОБХОДИМОСТИ** которого мне как некуда было деваться.

Славься, дух, ты могуч в страхе.

«Книга мёртвых», из главы о прохождении силой пути в Дуат

Когда я оглядывался назад, на всё то, что нам пришлось выдержать, тоже становилось страшно. Я поражался тому, что как всё то, что на нас свалилось, не раздавило нас.

Что нас могло ждать **ДАЛЬШЕ**? Великие невзгоды? Неисчислимые бедствия? По всей видимости, **НИЧЕГО** хорошего. То, что не раздавило нас, никуда не делось, и всё такой же громадой продолжало возвышаться над нами с **ПОЛНОЙ** готовностью нас, всё равно, раздавить и прикончить. Мы оказались в положении царя Сизифа, которого в любой момент могла раздавить готовая упасть на него высившаяся над ним скала. Будущее, от которого нам как некуда было деваться, превратилось в страшную угрозу.

Постоянное **НАПРЯЖЕНИЕ** истощало меня. И происходившее **ВОКРУГ** только помогало подрывать мои силы. И все мои усилия выжить и **УЦЕЛЕТЬ** начинали выглядеть напрасными, бесполезными и даже вредными. И всё **ВОКРУГ** обещало, что сил **СОПРОТИВЛЯТЬСЯ** у меня, всё равно, рано или поздно, не останется. Против страшной **ТЯГИ** в какую-то **ПУСТОТУ** я рано или поздно, всё равно, **НИЧЕГО** не смогу **СДЕЛАТЬ**. **СОПРОТИВЛЯЯСЬ** этой **ТЯГЕ**, я только больше и больше растрачивал свои силы и только больше помогал самому себе только уже совершенно обессиленным сползать в какую-то **ПУСТОТУ**. И сам неумолимый ход времени только помогал **ЗАТЯГИВАТЬ** меня в гибельное будущее и помогал мне чувствовать своё **ПОЛНОЕ** бессилие его остановить. Сам ход времени меня страшил.

Что ж нового в том, что злая судьба одолевает мужество? Победить её можно только стойкостью – ничего не сумеет она сделать стойкому, так же как и ветер – горе! Так оседаем же коней стойкости – и в путь!

Сомадева, «Океан сказаний», волна семьдесят четвёртая

Что мне оставалось **ДЕЛАТЬ**, чтобы хоть немного **ОТТЯНУТЬ** неминуемый конец? Страшась будущего, я упорно смотрел назад, в прошлое. Стараясь **ОТТЯНУТЬ** неминуемый конец, я сдвигался в прошлое, просматривая и просматривая раз за разом отрезки пройденного, чтобы **УСПЕТЬ** обнаружить что-то такое, за что можно было **УХВАТИТЬСЯ**, на чём можно будет утвердиться, что может стать спасительным для нас. Прошрое самой своей неизменностью всего, что было запечатлено в **ПАМЯТИ**, выглядело и продолжало оставаться для меня более верной областью, чем настоящее и будущее. Мне так долго приходилось задерживаться в глубинах **ПАМЯТИ**, что меня порой это начинало пугать. **ПАМЯТЬ** о давно минувшем, об отжившем, о том, чего уже не было, и о том, чему уже неоткуда было взяться, становилась для меня чем-то всё более существенным. **ПАМЯТЬ** превращалась для меня в какую-то **ОПОРУ**. Но куда она могла вести? «В карете прошлого никуда не уедешь», – мне хорошо было известно это утверждение. **ОНА** же помогала мне вновь и вновь переживать всё то, что пришлось выдерживать и раньше, и на совсем недавно пройденном отрезке пути. **ОНА** же возвращала меня на этот последний отрезок пути и помогала мне снова одеваться в него. Другие отрезки пути тоже становились для меня всё более ядовитыми. **ПАМЯТЬ** превращала моё прошлое в тот плащ, в который оделся Геракл, который он не в силах был сорвать с себя, когда разжёл огонь всесождения. И этот плащ пропитан был кровью **ДЫРЯВЫХ** душ, которая ядом проникала в меня через мои **ОТКРЫТЫЕ РАНЫ**.

На всех отрезках моего прошлого я замечал мгновения уже виденного. Они словно какими-то бусами были нанизаны на одной нити. На одной путеводной нити? И куда же завела меня эта нить? В такой ущерб и в такую убыль? Но она же провела меня с поразительной точностью сквозь такую толщу времени к дому, который что-то побуждало меня **ОБЯЗАТЕЛЬНО** увидеть.

Когда я обнаружил этот дом? Когда оказался перед **НЕОБХОДИМОСТЬЮ** выбора. Этот дом у развилки, у которой **НЕОБХОДИМО** было **СДЕЛАТЬ** выбор, **ВПОЛНЕ** мог выглядеть на путеводной нити какой-то крупной жемчужиной.

Неужели я мог в течение стольких лет в чём-то обманываться?... У этого дома, где я оказался на развилке перед **НЕОБХОДИМОСТЬЮ** выбора, для меня стало важным выяснить, что в какую же сторону могли продолжаться **ДАЛЬШЕ** эти путеводные знаки, что в какую же сторону могла продолжиться путеводная нить. Что это за нить? Не нитью ли Ариадны она была, благодаря которой Тесей смог выбраться из Лабиринта? Разве он с этой нитью не был **ЗАЩИЩЁН**?

Когда мой взгляд останавливался на книге с мифами Древней Греции, она начинала вызывать такую горечь, словно из-за неё я что-то потерял. Что я мог потерять? Время, которого у меня оставалось совсем немного. Я стал бояться, что оказался в плену чьих-то **ПУСТЫХ** фантазий, чьего-то богатого воображения, в плену чьих-то выдумок, что нет и не может быть, на самом **ДЕЛЕ**, никакой нити Ариадны?

Но я точно знал, что мгновения уже виденного были. Они же были. Мне приходилось снова и снова пробегать в **ПАМЯТИ** отрезки прошлого по жемчужинам уже виденного, перебирая их как чётки. Я начинал просматривать и просматривать всё то, что было до обнаружения очередной жемчужины, пытался представить себе то, что где-то мог себе позволить поступить иначе, так, как поступали многие. Мне нужно было утвердиться в понимании того, что с чем же я себя оставлял. Когда мне приходилось представлять себя поступившим где-то и в чём-то иначе, то сам себе становился отвратителем, и тут же понимал, что нить тогда уже могла оборваться. Все жемчужины рассыпались, и всё пропадало, всё гибло, и всё становилось бессмысленным. Продолжение пути выглядело гибельным, но страх перед непоправимо худшим, перед жутким беспутьем заставлял меня держаться за эту нить. Я понимал, что без этой нити лишался в жизни и **ОПОРЫ**, и **ЗАЩИТЫ**.

Пред человеком жизнь и смерть, и чего он пожелает, то и дастся ему.

Библия, Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова 15:17

Получалось так, что мне уже день за днём приходилось выбирать между гибелью тут же или чуть позже, чтобы **НЕ СДЕЛАТЬ** так, чтобы всё пройденное оказалось напрасным, чтобы не дать **ЗАТЯНУТЬ** себя в бездну мрака, беспутья, бесчестья. Этот отрезок времени между гибелью тут же или чуть позже выглядел совсем коротким. Моя жизнь оставалась только на этом очень коротком отрезке. И такая жизнь обещала мне только продлить мои мучения. У меня уже не было надежды на то, что долго смогу так продержаться.

Наша жизнь и так выглядела безнадежно испорченной. Я представил себя уже наполовину умершим и оставшимся жить для того, чтобы было кому наблюдать со стороны за собственными мучениями, чтобы самому стать свидетелем печального конца. Я собрался жить так, словно уже умер. Жить оставлял я себя и для того, чтобы отец не остался один, чтобы быть ему хоть какой-то **ОПОРОЙ** и **ЗАЩИТОЙ**. Мне нужно было ещё выяснить, что почему же что-то так настойчиво побуждало увидеть тот дом. И это стремление найти объяснение тому настойчивому побуждению оставляло какой-то смысл в моей жизни. То понимание, которое **ОТКРЫЛОСЬ** в отношении чего-то одного, может **ОТКРЫТЬ** понимание чего-то другого.

*«Нет, Антиной, неприлично мне с вами надменными вместе
Против желанья сидеть за столом, веселясь беззаботно;
Будьте довольны и тем, что имуществу лучшее наше
Вы, женихи, разорили, покуда я был малолетен,
Ныне ж, когда, возмужав и советчиков слушая умных,
Всё я узнал и когда уж во мне пробудилась бодрость,
Я попытаюсь на шею вам Парк неизбежных накликасть,
Так ли, иначе ли, съездив ли в Пилос иль здесь отыскавши
Средство. Я еду – и путь мой напрасен не будет, хотя я
Еду попутчиком; ибо (так было устроено вами)
Здесь мне иметь своего корабля и гребцов невозможно».*
ОДИССЕЯ, песнь II, стих 310—320

Когда натиск сомнений и «грохот волн похоронных, не умолкавших в душе» начинали сносить меня к границам поражавшего меня отчаяния, я вспоминал о самой крупной жемчужине, о том, что как её старался обнаружить, и затем в **ПАМЯТИ** пробегал по другим жемчужинам – путевым знакам, которые были обнаружены мной до и после неё. Так мне приходилось убеждаться в том, что своей **ОПОРЫ** в жизни ещё не лишился. Так мне приходилось убеждаться в сохранности путеводной нити.

Ещё об одной довольно-таки крупной жемчужине мне часто приходилось вспоминать. У моего отца время от времени возникало желание выходить за **ПРЕДЕЛЫ** обжитого людьми пространства, чтобы походить по полям за городом. Мы жили тогда на окраине города на **ПЕРВОМ** этаже пятиэтажного дома. На такие прогулки он брал меня с собой с раннего моего детства. В то время за городом поля засеивались пшеницей. Поле начиналось сразу за рядом гаражей под **ЛЕГКОВЫЕ** автомобили. Мы от гаражей шли мимо посевов пшеницы по тропинке, которая вела к военной части. Сначала она подходила до канала, который был вырыт в земле. По нему текла грязная мутная вода с пятнами мазута. Когда мы переходили на другую его сторону, там начинался небольшой подъём. Когда преодолевали подъём и шли **ДАЛЬШЕ**, можно было увидеть саму военную часть с самолётами и вертолётами.

С августа 1972 года мне пошёл уже четвёртый год. Мы в очередной раз отправились походить за городом. Недалеко от военной части я принялся ловить кузнечиков среди невысоких полевых цветов. Потом мы стали поворачивать в сторону города. Мы **СДЕЛАЛИ КРУГ**, когда стали подходить к городу со стороны завода «Строммашина», где работал мой отец. Через канал мы перешли по большой толстой трубе, и недалеко от неё, в ложбине, увидели огромную лужу мазута. Пшеница уже была скошена. Земля осталась покрытой щетиной от срезанных стеблей пшеницы. Местами виднелись подпалы. Кто-то ради забавы поджигал эту сухую щетину. Мы увидели, что эта сухая щетина вплотную подходила к огромной луже мазута.

На следующий день, вечером, я **ВПЕРВЫЕ** увидел, как поехали тушить пожар несколько пожарных машин. Они понеслись в ту сторону, откуда поднимались огромные клубы чёрного дыма. Мне и отцу сразу стало ясно, что загорелась та большая лужа мазута, которую мы видели. Ночью мне приснилось место, которое было хорошо известно мне. Когда я проснулся, то был уверен в том, что мне **ОТКРЫЛСЯ** вид на тот подъём, к которому мы подходили со стороны гаражей. Когда же я с отцом снова отправились прогуляться по полю за городом, для меня какой-то неожиданностью оказалось то, что это место в действительности выглядело совершенно по-другому. **НЕ ХВАТАЛО** каких-то домов. Сначала я подумал, что когда увидим военную часть, тогда обнаружится увиденное во сне. Но и тогда я увидел что-то совершенно другое.

Потом я решил, что эти дома мог увидеть с другого места. Ряд гаражей **ТЯНУЛСЯ** до самой заводской стены. Гаражи примыкали к стене там, где она образовывала угол. Несколько раз мы подходили к этому месту, чтобы перебраться через крышу примыкавшего к стене гаража на другую сторону и отправиться **ДАЛЬШЕ** прогуляться по полям. Отец поднимал меня на крышу гаража, поднимался сам, затем спускался и снимал меня с крыши с другой стороны. Я и подумал, что какие-то дома мог увидеть с высоты того гаража.

Когда я стал отправляться на такие прогулки вместе с одноклассниками, чьи отцы как раз и служили в той военной части, то решил проверить своё предположение. Когда я залез на крышу этого гаража, мне и на этот раз **ОТКРЫЛСЯ** совершенно другой вид. Больше не было другого подходящего места, с которого я мог увидеть то, что увидел во сне. И для меня эта попытка оставалась **ОТДЕЛЬНО** от тех, которые предпринимались мной с тем, чтобы **ОБЯЗАТЕЛЬНО** увидеть тот одноэтажный дом.

Мне сначала пришлось прослужить полгода в Опочке, небольшом городке, расположенном в Псковской области. Потом меня отправили служить за тысячи километров в Душанбинскую бригаду, в Туркменистан, в город Керки, расположенный на берегу реки Амударья. Затем через пару месяцев меня отправили в командировку на четыре месяца в Ташкентскую бригаду, в город Янгиюль. Было это уже в 1988 году.

Трёхлетнюю девочку одного лейтенанта отказывались брать в детский сад по той причине, что мест там уже не было. Но заведующая детским садом согласилась принять эту девочку в ответ на обещание что-то им там нарисовать. И меня отправили в тот детский сад, чтобы для детишек на какой-нибудь стене что-нибудь нарисовать. И сильно знакомым для меня оказалось то, что как я с женой этого лейтенанта и с его маленькой девочкой ранним утром отправились в этот детский сад. В тот день я заметил несколько путевых знаков. Мне не хотелось лишний раз попадаться на глаза тем, кто был одет в военную форму прапорщиков и офицеров, но вечером, всё же решил вернуться назад по той же дороге, по которой шёл из военной части.

Утром я отправился напрямик к детскому саду. Мне пришлось идти мимо хлопкового поля. Коробочки хлопка уж начали **РАСКРЫВАТЬСЯ**. Назад я тоже решил возвращаться напрямик. Мне нужно было пройти мимо нескольких трёхэтажных домов, чтобы спуститься затем на ровный участок земли. На этом участке земли вечером какие-то подростки играли в футбол. Когда я прошёл мимо игравших в футбол, заметил, что всё происходившее вместе с ощущением тёплого вечера и душистым запахом травы, оказалось очень хорошо и в точности для меня знакомым.

Когда я с отцом отправлялись прогуляться за городом, то сначала мы по диагонали пересекали школьное футбольное поле, расположенное, через дорогу от пятиэтажного дома, в котором мы жили. На этом поле дети, жившие в соседних пятиэтажках, часто собирались поиграть в футбол. И через это футбольное поле ходили солдаты, служившие в той военной части.

ДАЛЬШЕ мне нужно было подниматься в ту сторону, где протекал канал «Джун». Его русло было выложено из бетонных сегментов. Бетонное русло удерживалось толщей земли, которая была насыпана с **ДВУХ** сторон. Я поднялся по крутому склону насыпанной когда-то земли к каналу, который преграждал мне путь. Даже не стоило пытаться его перепрыгнуть. Он был слишком широк для этого. Если бы я попытался его перепрыгнуть, то скорее всего даже не смог руками **УХВАТИТЬСЯ** за другой его край. По гладкой бетонной поверхности **НИЧЕГО** не стоило соскользнуть вниз, где сильному течению оставалось только **ПОДХВАТИТЬ** меня и унести. Оказавшись в канале с такими гладкими и высокими стенками, я бы не смог выбраться из него.

Сначала я посмотрел налево, затем направо в поиске какого-нибудь мостика, и тут что-то заставило меня обернуться. Когда обернулся назад, увидел с абсолютной точностью всё то, что тщетно надеялся обнаружить за окраиной нашего города у завода, в Армении. Я увидеть те

трёхэтажные дома, мимо которых шёл из детского сада, и склон, по которому затем спустился. Через шестнадцать лет я увидел эти дома в Узбекистане.

«...Он тот (путь), который находит подтверждение внутри тебя, те истины, которые ты всегда знал».

Слова, которые сказала Леди Озера из Авалона в книге Дугласа Монро «Практическая магия друидов»

И запах, и вкус того сливочного масла, которое выдавали в солдатской столовой, был настолько поразительно мне знаком, что сначала я был твёрдо уверен в том, что точно такое ел в Армении где-то в начале семидесятых. Когда я после службы в армии вернулся в Армению, то принялся расспрашивать об этом масле, душистый запах и замечательный вкус которого для меня точно был знаком с раннего детства. Но нигде, ни от кого я так **НИЧЕГО** о нём не смог узнать. Но я же сам всё никак не мог вспомнить того, что где именно и когда именно его ел. Мне оставалось только **СДЕЛАТЬ** вывод, что такого масла в детстве я не ел, и что такое масло мне только предстояло отведать.

Когда месяц март подошёл к своему **ЗАВЕРШЕНИЮ** в 1993 году, у меня появилась возможность вспоминать ещё об одной жемчужине. Где-то в 1978 году, когда веяло такой же прохладой и когда так же запахло наступившей весной, мы поздно вечером вернулись из «старого дома». Было уже темно как ночью. И этой же ночью мне приснилась какая-то безлюдная улица с одноэтажными домами, которые были похожи на те, мимо которых мы шли. И небо в том сне было ночным. Вдалеке на высоте большей, чем уличные фонарные столбы, горели несколько ярких огней. Когда я проснулся, то решил, что во сне увидел ту улицу Алавердяна, по которой возвращались домой, что за кинотеатром «Ширак», на такой высоте могли гореть электрические лампочки в окнах пятиэтажных домов.

Когда мы в следующий раз возвращались по этой улице, за кинотеатром не было видно тех ярких огней, которые были во сне. И всё выглядело намного темнее, чем я ожидал увидеть. И ширь ночного неба была не такой, как в том сне. Если с этой улицы не получалось увидеть то место, которое мне приснилось, то никакая другая улица для этого уже не подходила. Я даже не стал пытаться где-то ещё увидеть то, что **ОТКРЫЛОСЬ** мне в этом сне.

В марте 1993 года на дороге в сторону леспромхоза коллея, которую оставляли колёса грузовиков, становилась всё глубже в толще снега и льда. Днём в этой коллее уже протекала и скапливалась талая вода, а ночью она **ПОКРЫВАЛАСЬ** тонкой коркой льда. В это время я, наконец-то, обнаружил то место, которое мне нужно было увидеть.

Небо начало уже темнеть, когда я решил, что за час **КУЧА** дров, заброшенных в печи, **НЕ УСПЕЮТ ПОЛНОСТЬЮ**, что сам за это время **УСПЕЮ** сходить домой, поесть и вернуться назад. Мне нужно было ещё отнести домой пару таких заготовок, которые распиливали на штакетник. Из этих заготовок можно было **СДЕЛАТЬ** ножки для кровати. Назад, к леспромхозу, я возвращался по улице Береговой, на которой **ДВАДЦАТОГО** сентября 1991 года обнаружил тот дом, который тщетно искал в нашем городе. Затем с этой улицы спустился по небольшому переулку на Набережную. Там дорога расходилась в три стороны. На этой развилке мне пришлось идти через развороченное колёсами грузовиков крошево из льда, которое уже было **СХВАЧЕНА** морозцем. Талая вода, которая местами скопчивалась в коллее, уже **УСПЕЛА ПОКРЫТЬСЯ** корочкой льда. Уже стало темно, как ночью.

С этой развилки одна дорога поворачивала налево, на Набережную. Мне нужно было взять чуть правее и пойти по той улице, на которой с **ДВУХ** сторон построили дома для тех, кто работал в леспромхозе. И тут я обнаружил то, что увидел во сне пятнадцать лет назад. Вдалеке горели высоко над землёй яркие огни прожекторов. Они были укреплены на вышках и подъёмных кранах леспромхоза. Я в очередной раз получил лишнее подтверждение тому, что

всё, что происходило со мной вплоть до самых этих пор, **ДОЛЖНО** было случиться. Выходило так, что ещё пятнадцать лет назад, было уже **ПРЕДОПРЕДЕЛЕНО**, что мне придётся оказаться в Сибири и работать кочегаром в этом леспромхозе.

ДВА года службы в армии были худшим отрезком в моей жизни до того, как мне пришлось переезжать в эти края. И мне часто приходилось просматривать этот отрезок пройденного мной пути со всеми его жемчужинами. На этом отрезке была уже проверена верность силы моего внутреннего **СОПРОТИВЛЕНИЯ**. У меня уже был **ЗАВЕРШЁННЫЙ** опыт относительно того, что как мне и **ДАЛЬШЕ** следует держаться. Шёл уже **ВТОРОЙ** год службы в армии, когда я почувствовал в себе **УПЛОТНИВШЕЕСЯ** желание написать такую книгу, которая поможет другим не обманываться и не понести таких потерь, какие мне пришлось нести. Когда мне стало хуже, чем в армии, я стал писать. И начал я писать у того опасного края, когда у меня осталось совсем немного времени до падения с него.

С самого начала это выглядело какой-то напрасной затеей. С самого начала я боялся, что **НЕ УСПЕЮ ЗАВЕРШИТЬ** свою книгу. С самого начала я страшился пасть слишком рано. Но **НЕОБХОДИМОСТЬ** написать о том, что могло исчезнуть вместе со мной, заставляла меня продолжать свою работу. Я не собирался оставить себя **СОУЧАСТНИКОМ** всего того, что сживало нас со света. Я старался писать так, чтобы **ОТРАЖАТЬ** зло, которому **СОПРОТИВЛЯЛСЯ**, чтобы не дать ему **ПОЛНОЙ** и окончательной победы над собой. Этот труд только усиливал и обострял во мне борьбу между надеждой и отчаянием.

Свет низошёл на меня: не к народу должен говорить Заратустра, а к спутникам! Заратустра не должен быть пастухом и собакою стада!

Сманить многих из стада – для этого пришёл я. Негодовать будет на меня народ и стадо: разбойником хочет называться Заратустра у пастухов.

У пастухов, говорю я, но они называют себя добрыми и праведными. У пастухов, говорю я, но они называют себя правверными.

Посмотри на добрых и праведных! Кого ненавидят они больше всего? Того, кто разбивает их скрижали ценностей, разрушителя и преступника – но это и есть созидающий.

НИЦШЕ, «Так говорил Заратустра»

Самые **ПЕРВЫЕ** строки были написаны в четверг 26 марта 1992 года. Заботы и **ТЯГОТЫ** повседневности отнимали столько сил, что время от времени приходилось прерывать труд, за который я взялся и не мог уже бросить. Этот труд словно помогал мне самого себя доводить до **ПОЛНОГО** истощения. Из-за постоянного безденежья, временами я не мог покупать ни ручки, ни бумаги. То, что происходило **ВОКРУГ**, и даже то, что как нас **УЧИЛИ** в школе, только мешали мне осуществить задуманное. Раз за разом мне приходилось обращать на это внимание.

Несколько раз я приниматься писать с самого начала из-за того, что мне всё труднее становилось продолжать **ДАЛЬШЕ** и приходилось, в конце концов, останавливаться. Раз за разом у меня всё не получалось добиться нужной мне убедительности и как доказательности написанного. Мне нужно было добиться какой-то **ПОЛНОТЫ**.

Шло время, а я раз за разом оказывался всё на том же месте, с которого всё нужно было начинать сначала. И для меня, которому оставалось жить совсем немного, в том совсем уже коротком отрезке времени между гибелью тут же или чуть позднее, времени уходило недопустимо много. Сам неумолимый ход времени просто чудовищно увеличивал мои потери и **ДЕЛАЛ** меня ещё более бессильным что-то **УСПЕТЬ** изменить.

У меня всё не получалось **ЗАВЕРШИТЬ** труд, за который взялся. Моя работа **ТЯНУЛАСЬ**. Недопустимо долго и безрезультатно она **ТЯНУЛАСЬ**. Все мои усилия всё больше

и больше выглядели какими-то бесполезными. Они выглядели такими же бесполезными, какими могли выглядеть мои усилия остановить ход времени.

Меня мучила постоянная неудача. Меня **ОХВАТЫВАЛ** ужас, когда в очередной раз оказывалось так, что времени потрачено было больше, чем у меня оставалось, когда мои потери только продолжали расти. И моё неотступное упорство начинало вызывать во мне только всё больший ужас, потому что оно только помогало продлевать и продлевать бесплодность такого труда, за который я взялся и не мог бросить. Моё упорство выглядело гибельным.

Когда меня, **ОХВАЧЕННОГО** отчаянием и сомнениями, ужас начинал сносить в **ПУСТОТУ**, мне уже **НИЧЕГО** не оставалось, как вспоминать о последних обнаруженных жемчужинах, по которым я начинал пробегать в глубинах **ПАМЯТИ**, где **ХВАТАЛСЯ** за отрезки пройденного мной пути, которые были усеяны этими жемчужинами. Я **ХВАТАЛСЯ** за нить, которая через многое меня провела, которая помогала мне идти **ДАЛЬШЕ**. Меня всё это привело к пониманию, что мне основой моего труда нужно **СДЕЛАТЬ** то, что мне пришлось самому пережить. Только это могло быть известно мне во всей своей **ПОЛНОТЕ**, без каких-либо **ПРОПУСКОВ**.

Но и после этого я всё продолжал мучаться постоянной неудачей, борясь с бессильными страданиями угнетённого ума. Мне **НЕ ХВАТАЛО** каких-то слов, без которых у меня не получалось постоянно удерживать на виду всё то, о чём собирался написать. Без этих слов всё начинало тонуть в многословии и исчезать. И эти слова я стал отыскивать, просматривая и перебирая прошлое и уже написанное мной.

10 ноября 1992 года я обратил внимание на то, что у меня **ПОВТОРЯЛОСЬ** слово «**ПУСТОТА**». Затем я обратил внимание на тождественность его смыслового значения с такими словами, как «**НОЛЬ**», «**НИЧТО**», «**КРУГ**», и пришёл к пониманию того, что только с такими словами смогу добиться **НЕОБХОДИМОЙ УПЛОТНЁННОСТИ** того, о чём собирался написать. К 1995 году я обнаружил все нужные мне слова. Для этого мне пришлось долго и много рыться в прошлом, вскапывая его всё глубже и глубже, пристально просматривая пласты пережитого. Я так перепахал поле своего прошлого, что оно не могло **НЕ ОТКРЫТЬ** свои могилы. А я только продолжал превращать себя в сплошную **РАНУ**. И как из **РАНЕНОЙ** плугом земли, во мне магическим образом стала расти, постоянно множась, армия тех воинов, которые готовы были истребить, **УНИЧТОЖИТЬ** меня самого.

Когда через три года такого упорного труда, снова оказывалось так, что всё нужно было начинать сначала, я уже стал мертветь от ужаса. **УПЛОТНЯЯ** и **ДЕЛАЯ** всё короче написанное мной с помощью нужных мне слов, я стал обнаруживать какие-то **ПРОПУСКИ**. Мой труд пропадал в этих **ДЫРАХ**. Меня, **ОХВАЧЕННОГО** отчаянием и сомнениями, только сильнее стало сносить туда, всё **ДОЛЖНО** было навсегда исчезнуть. Одной **ОПОРЫ** в самом себе мне становилось мало. Мне **НЕОБХОДИМО** было обнаружить что-то ещё, что могло бы подтверждать верность этой **ОПОРЫ**. С кем-то ещё могло происходить что-то подобное, иначе всё могло выглядеть какой-то моей личной ненормальностью.

*«Откуда скорбь твоя? Зачем её волна
Взбегает по скале, чернеющей отвесно?»
Бодлер, «Цветы зла» / SEMPER EADEM/*

Этот труд превратился для меня как в какое-то наказание. Может, мне нужно было так истощать какое-то наказание? Я уже прекрасно понимал, что в каком состоянии оказался царь Сизиф, который был обречён вкатывать тяжёлый камень на вершину горы, что какой ужас **ОХВАТЫВАЛ** его, когда камень раз за разом предательским образом срывался и скатывался вниз и своим падением чуть ли не увлекал его самого в какую-то жуткую пропасть. Сизифа никто не мог **ОБВИНИТЬ** в **ОТСУТСТВИИ** ума. Мне, в отличие от него, нужно было

не только **УСПЕТЬ** вкатить этот камень на вершину горы, но мне нужно было ещё и **УСПЕТЬ** бросить его с этой вершины в ту армию, которая выросла из земли, которую Ясон **РАНИЛ** плугом, когда вспахивал её.

Раза три мне довелось посмотреть фильм «Бесконечная история», в котором под натиском Великой **ПУСТОТЫ** стала исчезать **ЦЕЛАЯ** страна. И в этом фильме все усилия главного героя спасти эту страну оказались тщетными. Всё **УНИЧТОЖИЛА** Великая **ПУСТОТА**, только одна маленькая песчинка осталась от всего, что было. Исчезло всё. Осталась Принцесса и только одна песчинка на её руке от всей её погибшей в **ПУСТОТЕ** страны. Что это была за песчинка? Это тот совсем отрезок постоянного выбора между гибелью тут же и чуть позже, который сохранился во мне?

А что это за плод, который запрещено было срывать Адаму и Еве? Не об этом ли отрезке постоянного выбора между гибелью тут же и чуть позже, с которого если сорваться, то всё сразу станет **ПУСТЫМ** и бессмысленным, сразу исчезнет во мраке бесчестия и беспутя, шла речь?

*Собственным сами себя святотатством они погубили:
Съели, безумцы, коров Гелиоса Гиперионида.
ОДИССЕЯ, песнь I, стих 7—8 (перевод В. В. Вересаева)*

За какие волосы у себя на голове **СХВАТИЛСЯ** верной рукой барон Мюнхгаузен, чтобы у него появилась возможность вытащить себя вместе с лошадью из болота, в котором они оказались? Разве не могли быть эти волосы на голове барона отрезками пройденного и пережитого им, о которых он помнил? А в этих волосах не было у него жемчужин уже виденного?

Пройденное в моей **ПАМЯТИ** **ВПОЛНЕ** могло выглядеть **ОТДЕЛЬНЫМИ** отрезками. Моя жизнь в раннем детстве была совсем не такой, какой была, когда я десять лет **УЧИЛСЯ** в школе, когда **ДВА** года служил в армии. Моя жизнь после землетрясения была совсем не такой, какой она стала после того, как мы покинули Армению и переехали жить на Алтае. Один отрезок мог начинаться в одном, а заканчиваться уже в другом отрезке. И по продолжительности эти отрезки прошлого были разными. И то, как мы жили на **ПЕРВОМ** этаже пятиэтажного дома, и то, как жили затем в маленькой комнатке общежития, и то, как стали жить в палатке, и то, что где приходилось нам работать, и летние каникулы – всё это были отрезки прошлой жизни, всё это было прошлыми жизнями.

А у Самсона не было таких же волос, как у барона Мюнхгаузена? Он **СДЕЛАЛ** себя **ДОЛЖНИКОМ** плоти Далили и лишился их. И он лишился **ОПОРЫ** и их **ЗАЩИТЫ**, чем помог себя ослепить. Ему оставалось только пропадать во мраке беспутя.

9. В леспромхозе деньги стали платить через каждые полгода и только один раз. Когда наступила весна 1993 года, отец **СВЯЗАЛСЯ** с одним долговязым тощим грузином, который перебивался случайными заработками, и решил уволиться из леспромхоза. Он даже не получил расчёта при увольнении. В конце лета эти деньги отдали мне, чтобы ему туда не пришлось идти за ними.

Осенью я сам собрался увольняться, но отец посоветовал мне держаться там, потому что неизвестно было, что будет **ДАЛЬШЕ**. К зиме у него и у этого грузина никакой работы уже не было.

Одноглазый отец моего одноклассника, который в течение многих лет с наступлением тепла приезжал в эти края, чтобы взяться за работу, которая была **СВЯЗАННОЙ** со строительством. У него был опыт и **СВЯЗИ**.

Стояли уже жестокие морозы, когда он предложил моему отцу и грузину поработать в той бригаде, которая набиралась. Нужно было достроить какой-то **ДВУХЭТАЖНЫЙ** дом, чтобы в нём разместился какой-то банк. Строительство этого дома **ТЯНУЛОСЬ** так, что уже в тече-

ние продолжительного времени, он так и оставался на уровне **ПЕРВОГО** этажа. Продолжить это строительство взялся одноглазый.

Он **СДЕЛАЛ** предложение моему отцу **ОТДЕЛЬНО** от грузина получать у него восемьдесят тысяч в месяц, а тому **ОТДЕЛЬНО** от моего отца пообещал платить сто **ДВАДЦАТЬ** тысяч в месяц. Одноглазый приносил с собой варённую, в «мундире», картошку. Во время обеденного перерыва, но предлагал её отведать и остальным. Этим он лишний раз **ПОКАЗЫВАЛ**, что и он находится далеко не в лучшем положении. Грузин не отказывался поесть его варённой картошки и потом получил в **ДВА** раза меньше денег. А мой отец предпочитал уходить домой на обед, и получил через месяц восемьдесят тысяч. Получалось, что одноглазый высчитывал за своё угощение по той цене, которую сам устанавливал. И получалось так, что грузин ел эту картошку как в каком-то дорогом ресторане. И те, кому было обещано получать по шестьдесят тысяч в месяц, получали меньше, если не отказывались от настойчивого предложения отведать этой картошки. К весне грузин решил уйти из бригады. Когда в конце весны те, кто ещё оставался в бригаде, стали спрашивать одноглазого о том, что когда же они получают деньги за прошедший месяц, тот отвечал: «А когда мы работали в этом месяце?!»

Из Еревана приезжал один армянин, который подобно одноглазому, осенью и зимой привозил мелким оптом женские сапоги на продажу. Когда наступила весна, он стал **ТЯНУТЬ** моего отца поработать в «дорожном», где нужно было на всех крышах наклеить слоями толь на разогретом битуме с добавлением гудрона. Моему отцу самому уже хотелось уйти от одноглазого, который так стал **ТЯНУТЬ** с выплатой заработанных денег, что позволило ему за один месяц никому так **НИЧЕГО** и не заплатить. И меня этот армянин **ТЯНУЛ** поработать в «дорожном».

Я в самом начале мая 1994 года всё же решил уволиться из леспромхоза. Когда не получил расчёт, подал исковое заявление в суд. не Потом в течение **ДВУХ** недель с этим армянином занимался подготовительными работами. За это время я убедился в его бестолковости и в такой же его внутренней устремлённости, какая была у одноглазого, и ушёл до того, как к нам **ДОЛЖЕН** был **ПРИСОЕДИНИТЬСЯ** и мой отец.

В «дорожном» тоже постарались **ОТДЕЛАТЬСЯ** от этого армянина, который называл себя «Валод». На самом **ДЕЛЕ**, его имя могло быть другим, а не «Володя». Потом он решил взяться за ремонт внутренних помещений в бывшей канцелярии леспромхоза, который словно **РАЗДЕЛИЛСЯ** на «лесхоз» и «лесничество», и **ПОТЯНУЛ** за собой моего отца поработать там.

«Валод» принялся оставлять моего отца в чём-то **ВИНОВАТЫМ**. Он с таким постоянством выражать своё недовольство то одним, то другим, словно собирался уже ни с чем оставить моего отца. Он выглядел ничем не лучше одноглазого. Мой отец проработал всего лишь неделю и решил уйти с такой работы. «Вы как собаки подохнете!» – бросил ему в спину с бессилой злостью этот «Валод». Когда отец повернулся к нему, тот выставил перед собой шётку на длинной ручке, которой собирался белить, как собираясь ею ударить. Отец не стал лезть с этой тварью в драку и ушёл.

Когда я узнал от отца про слова, которые та тварь бросила ему в спину, мне сразу стало ясно, что эти слова не принадлежали самой этой твари, что она всего лишь **ПОВТОРИЛА** их. Эти слова могли принадлежать одноглазому, а эта тварь всего лишь их **ПОВТОРИЛА**. Со слов этого «Валода» было уже известно, что он заходил домой к одноглазому, сидел там за столом, выпивал там чашечку другую кофе. За этим столом о чём-то же говорили и не могли обойти молчанием и всё то, что превращалось в великую тему для жужжания.

Когда даётся ход одному, то ход чего-то другого, тем самым пресекается.

Если ты увидишь в какой-то области притеснение бедному и нарушение суда и правды, то не удивляйся этому: потому что над высоким наблюдает высший, а над ним ещё высший.

Библия, Екклесиаст 5:7

Раз эти твари старались давать ход тому, что таких как я и мой отец оставляло раз за разом ни с чем, то и я решил дать тому, что поможет **СДЕЛАТЬ** короткими чьи-то языки. Сам я не собирался искать встречи с этим «земляком», а предоставил возможность дню встречи с ним наступить самому.

Время шло, а день суда всё не наступал и не наступал. Там тоже **ТЯНУЛИ**. У меня даже через суд не получалось забрать заработанные деньги. Когда в начале августа я обнаружил в почтовом ящике уведомление о том, чтобы мы нужно заплатить годовые налоги за дом и за участок земли, меня это сильно разозлило. С нас требовались деньги, чтобы заплатить налоги, с таким же безразличием, с каким нас, как и многих других, уже довольно продолжительное время старались раз за разом оставлять в **ПОЛНОМ** безденежьи. Одноглазый и «Валод» тоже давали ход тому же самому. Я взял написал в тот же вечер заявление об отказе платить какие бы то ни было налоги до тех пор, пока мне не будет выплачен расчёт при увольнении с леспромхоза. В этом заявлении я **СДЕЛАЛ** предложение взять с меня налоги через суд и таким образом ускорить рассмотрение моего искового заявления. К этому времени мне стало ясно, что каким жужжанием **ОКРУЖИЛИ** Лермонтова, чтобы вызвать появление такой твари, которой останется только добить его. Меня же самого и моего отца тоже как собирались добивать те, кто проводил такую политику в стране. Я в ответ взял и **ПОВТОРИЛ** в этом заявлении его Лермонтова, когда написал: «Я имею несчастье жить в немойтой России...»

На следующее утро я с написанным заявлением отправился в сельсовет и по дороге туда встретился с этим «Валодом». Он стоял на тротуаре из выложенных квадратных бетонных плит рядом с возвышавшимися стенами **ПЕРВОГО** этажа будущего **ДВУХЭТАЖНОГО** дома. Этот дом строить на месте снесённой одноэтажной гостиницы. **ПЕРВЫЙ** этаж был уже почти готов. На этом строительстве работала бригада армян. С той стороны плиты, на которых стоял «Валод», сохранились хуже, чем у автовокзала, от которого начинался их ряд. Часть из них местами уже **ОТСУТСТВОВАЛА**, часть лежала обломками. «Валод» заметил меня и подождал к себе.

– Здравствуй.

– Здравствуй... – ответил я, обратив внимание на то, как волнение изменило мой голос.

– Не работаешь? – с какой-то озабоченностью и участием спросил он. Он спрашивал так, словно **НИЧЕГО** не произошло.

– Нет... – поднявшаяся к горлу волна от закипавшего во мне гнева помешала мне продолжить **ДАЛЬШЕ**. Эта тварь, одна из тех стервятников, которые кормятся чужими бедами, по всей видимости, по-прежнему считала меня своей добычей. Мне было известно, что ему в «дорожном» за те **ДВЕ** недели подготовительных работ отдали **ДВЕСТИ** тысяч. Я не собирался брать с него какие-то денег. Мне не нужны были и его ответы на мои вопросы. Мне нужно было задать ему те вопросы, которыми мог назвать его **ВИНУ**, перед тем как набить ему хорошенько морду.

– А с теми деньгами, которые в «дорожном» получил, что случилось?

– С какими деньгами?! – он выразил своё недоумение.

– А что это за разговоры, которые ты ведёшь за спиной моего отца? – задал я **ВТОРОЙ** вопрос для того, чтобы назвать **ВТОРУЮ** причину.

– Это твой отец!... Это как раз твой отец и ведёт эти разговоры! – с такой поспешной живостью заговорил «Валод», стараясь побыстрее ответить на мой **ВТОРОЙ** вопрос, чтобы избавиться себя от **НЕОБХОДИМОСТИ ДАЛЬШЕ** говорить что-то про деньги. И при этом он стал тыкать прямо перед моим лицом выставленным указательным пальцем правой руки для большей убедительности его слов.

Тут я ладонью правой руки отбил влево от своего лица его руку, затем, вернув её в исходное положение, но уже сжав её в кулак, нанёс удар по лицу. «Валод» сразу бросился ко мне и **ОБХВАТИЛ** меня за шею левой рукой. Мне пришлось выронить листок с написанным заявлением, который держал в левой руке, чтобы **ЗАЩИТИТЬСЯ** ею от возможного его удара правой рукой. Моя правая рука осталась свободной. И я этой рукой, согнутой в локте, стал наносить удары по его левой стороне лица. Удары он получал до тех пор, пока ему не стало ясно, что в таком положении он и **ДАЛЬШЕ НИЧЕГО** не сможет мне **СДЕЛАТЬ**. Он отпустил мою шею и бросился в сторону, чтобы **СХВАТИТЬ** какие-то камни. Я **УСПЕЛ** схватить обломок от бетонной плиты и увернуться от брошенного в меня камня, и бросить этот обломок этой твари на ноги. Эта тварь бросилась от меня за выстроенные стены. Затем она стала как через бойницы там, где **ДОЛЖНЫ** были потом установлены окна и двери, бросать в меня камни и обломки кирпичей. **СКРЫВШИСЬ** за стенами, он перебегал с места на место, чтобы я не смог в него попасть. За стены я не собирался заходить. Мне не хотелось, чтобы там на меня напали. Я решил, что мне лучше будет подобрать выроненный листок с написанным заявлением и отправиться в сельсовет. Через **ДВЕ** сотни шагов я добрался до сельсовета.

– Подрался? – спросил меня глава администрации у себя в кабинете.

– Да... Пришлось тут... заняться одной сволочью... – ответил я, ещё продолжая шумно и сбивчиво дышать.

Он изменился в лице, когда стал читать моё заявление. Оно ему явно не понравилось.

– Ответ на моё заявление будет?

– Будет... – он помрачнел и выдавил только одно слово.

Я направился в обратную сторону, когда вышел из сельсовета. Когда заметил шедшего в мою сторону «Валода» по другой стороне дороги, то на этой наклонился и подобрал штук шесть камней. Когда мне до него оставалось **СДЕЛАТЬ** шагов тридцать, я перебежал дорогу и двинулся прямо ему навстречу. Этот «стервятник» шёл и носовым платочком раз за разом обтирал пострадавшую часть своего лица, что помешало ему вовремя меня заметить. Когда он меня заметил, я находился от него в пяти-шести шагах. Он отнял платочек от лица и задал такой вопрос, которым словно подводил себя к пониманию происходящего:

– Опять пришёл?

– Пришёл! – ответил я и на ходу сильным толчком обеих рук в область его плеч опрокинул его на спину. В шагах восьми от входа в гастроном он лежал на спине каким-то перевёрнутым жуком и стал пытаться сначала перевернуться, чтобы затем встать на ноги. Я пинком перевернул его снова на спину, когда он поднялся на четвереньки, чтобы встать, затем с силой метнул ему в область груди один из тех камней, которые подобрал, чтобы он понял, что какой болью грозит занесённая над ним рука.

ВТОРОЙ камень я не спешил бросать, чтобы тот ждал удара и дольше мучился ожидая его. Пока я держал над ним занесённую с камнем руку, он, скрестил над головой руки, согнутые в локтях, чтобы **ЗАКРЫТЬСЯ** ими. Он **ЗАЩИЩАЛ** свою голову, «подлых замыслов обитель», и извивался на спине, собираясь увернуться от возможного удара. Когда он в течение минуты не дождался удара камнем, решил снова попытаться встать на ноги. Я опять пинком развернул его на спину, и тут же с силой метнул в него **ВТОРОЙ** камень. Затем метнул в него **ДВА** камня, один за другим. Потом занёс над ним пятый камень. Он опять стал извиваться на спине, **ЗАКРЫВАЯ** голову руками.

Тут я заметил, что в нашу сторону бегут **ДВОЕ** армян, один из них был таким же «бригадиром» над остальными, каким был одноглазый. Эти **ДВОЕ** были не на моей стороне. Мне нужно было **УСПЕТЬ** бросить **ДВА** оставшихся камня в ту тварь, которая лежала на спине, и сразу отбежать в сторону. «Бригадир» что-то крикнул мне, и тут же эта тварь попыталась подняться и **СХВАТИТЬ** меня. Даже эта тварь сразу поняла, что бегущие к нам были на её

стороне. Но я сразу бросился в сторону и перебежал на ту сторону дороги, обещая такую расправу каждому из тех, кто «силой или обманом губить» будет нас.

Когда дома я посмотрел в зеркало, то поразился тому, что насколько заметной и яркой была широкая полоска крови у меня на носу. А я и не подозревал, что мой нос был настолько заметно выпачкан кровью той твари. С таким носом я зашёл в кабинет главы сельсовета.

Прошла неделя, и за мной приехал из милиции один старший лейтенант на мотоцикле с коляской, чтобы отвезти меня туда. Я подумал, что меня решили забрать за то, что закидал камнями ту тварь, но выяснилось, оказалось, что я оказался в союзе с чем-то преступным из-за слов, написанных мной в заявлении.

Начальник милиции стал возмущаться тем, что я посмел написать такое заявление. И для большинства тех, кто находился в том кабинете, куда меня привели, я словно мог только оставаться под подозрением в совершении каких-то преступлений, например, в Нагорном Карабахе, после постарался уехать куда-нибудь **ПОДАЛЬШЕ**, чтобы **СКРЫТЬСЯ** в этих краях. Они же не знали моего прошлого, и в самом этом уже зарождалась какая-то моя **ВИНА**. Мне один из сидевших за столом так прямо и заявил: «Мы же не знаем, что ты **ДЕЛАЛ** и чем занимался до приезда к нам».

«Пешком пойдёшь!!! ...в свою умытую Армению!!» – заявил мне начальник милиции, когда я предложил им приложить такие усилия, чтобы мне вернули заработанные деньги, чтобы мог уехать оттуда. «Вы под этими всеми сказанными своими словами можете подписаться?» – задал я вопрос в ответ на всё сказанное мне. Начальника милиции не смог найти слов в ответ на мой вопрос. Мой вопрос вызвал у него такое затруднение, что возникла пауза. А я, когда эта пауза позникла, сказал ему и всем остальным:

– А я под своими подписался!

– Ну ты и наглец!! Ну ты и наглец!! ...Завтра пойдёшь к главе администрации и **ИЗВИНИШЬСЯ** перед ним!

– Я завтра **ОБЯЗАТЕЛЬНО** к нему пойду, но **ИЗВИНЯТЬСЯ** не буду, потому что мне не за что **ИЗВИНЯТЬСЯ**!

На следующее утро мне отправился в сельсовет. Глава сельсовета находился снаружи и был озабочен проводившимся наружным ремонтом, которым занимался один из его подчинённых.

– Здравствуйте. Я сошешил одну ошибку.

– Какую, – сказал мне глава сельсовета с готовностью выслушать, по всей видимости, мои **ИЗВИНЕНИЯ** и принять их.

– Такую, что **ПОВТОРИЛ** слова Лермонтова. Вы с ним, видимо, не можете согласиться. Он растерялся и поспешил мне **ОБЯЗАТЕЛЬНО** что-то сказать:

– Россия!... Она же такая светлая! ...такая чистая.... Как её можно назвать «немытой»?

– Где это Вы сейчас видите «светлое» и «чистое»?! В ценах, которыми народ обобрали? Или в потоках лжи, с помощью которых его загнали в беды и несчастья, чтобы на этом какие-то твари стали наживаться?! Или в том, как население вашей России стало вымирать?! Мне, почему-то, жить тошно от всего происходящего, от всего вашего «светлого» и «чистого».

– Это вам-то плохо живётся?!

– Конечно!

– Да вы торгуете на рынке!

– Кто торгует?!

– Вы.

– Я ни одного дня ни на каком рынке не торговал!

– Не ты – так твой отец торгует!

– Мой отец не торгует. Что Вы сочиняете?

– Не отец, так, значит, кто-то другой с такой же фамилией! Или вы думаете, что нам **НИЧЕГО** не известно? Думаете, что мы **НИЧЕГО** не знаем?!

– Знаете что, Вы лучше приходите к нам домой и посмотрите на то, что как мы живём.

Этот разговор ни к чему существенному не мог привести, а я и не собирался, чтобы он стал **ТЯНУТЬСЯ** и продолжаться **ДАЛЬШЕ**. Когда я стал уходить, то на обратному пути стал подходить к пониманию того, что почему могли прозвучать такие **ОБВИНЕНИЯ** в торговле. Года **ДВА** назад сестра по причине нашего безденежья решила взять и продать кое-что из своих новых вещей, которые ещё не были в употреблении, и отнесла эти вещи в один из **ОТКРЫВШИХСЯ** частных магазинчиков, где она лишилась пятнадцати процентов от установленной ею цены в случае продажи. Я подумал о том, что власть держиться на возможности **ОБВИНЯТЬ**, оставлять кого-то в чём-то **ВИНОВАТЫМИ**, что она держиться на страхе перед какими-то **ОБВИНЕНИЯМИ**. На **ОБВИНЕНИЯ** в её адрес, в **ПЕРВУЮ** очередь она постарается подавить ответными **ОБВИНЕНИЯМИ**, которыми будет готова даже **УНИЧТОЖИТЬ**. В ответ на моё заявление, меня же самого постарались оставить в чём-то **ВИНОВАТЫМ**. После подачи того заявления, которое я написал, **ЦЕЛАЯ** неделя ушла на поиск ответных **ОБВИНЕНИЙ**, чтобы подавить моё возмущение тем, что стало происходить.

Когда прошла ещё одна неделя, мне повстречался ставший давно мне знакомым управляющий местным **ОТДЕЛЕНИЕМ** сбербанка. Он поинтересовался тем, что где я работаю и чем занимаюсь. Я ответил ему, что нигде не работаю, что мне в самую последнюю очередь следует рассчитывать на то, чтобы устроиться где-то на работу. Сказал ему и о том, что когда слишком много людей остаётся без работы, то, тем более, начинают различать «своих» и «чужих», что до меня никакая очередь, в которой всегда буду последним, никогда и не дойти. Он обещал помочь мне устроиться на работу. Ему пришлось обратиться в одно малое частное предприятие, в котором могли **СДЕЛАТЬ** металлическую ограду для сбербанка, и поговорил там обо мне с тем, кто возглавлял это предприятие.

Со **ВТОРОГО** сентября 1994 года я стал ходить на работу. И в **ПЕРВЫЙ** день, и в другие дни на **ПЕРВОЙ** рабочей неделе, и на **ВТОРОЙ** рабочей неделе мной были обнаружены жемчужины уже виденного. Эти жемчужины часто обнаруживались мной на каких-то новых и непривычных для меня местах. Эти жемчужины продолжали служить мне лишним подтверждением того, что всё так и **ДОЛЖНО** было случиться, как происходило со мной до обнаружения очередной жемчужины.

На этом предприятии в основном занимались сваркой, брались проводить сантехнику, взялись соорудить мельницу. Сначала я пару дней проработал в одном доме, который **ВЫДЕЛИЛИ** для проживания одиноких престарелых людей. Там мне пришлось выкладывать тумбы из кирпича. Затем на работу приняли одного сварщика. Я вместе с ним занялся проведением сантехники. На следующей неделе нам уже предложили задерживаться на работе часа на **ДВА**, на три, поработать и в выходные. Нам для работы нужны были какие-то инструменты или расходные материалы, и мы обращались к нашим работодателям. Они в ответ стали выражать недовольство нашими обращениями к ним и стали подавлять нас **ОБВИНЕНИЯМИ** в том, что мы всё собирались получать от них, вместо того, чтобы что-то и из своих домов приносить на работу. Вот на этой **ВТОРОЙ** неделе я обнаружил одну крупную жемчужину.

После того, как мне **ВТОРОЙ** раз пришлось идти в сельсовет, я решил сходить в библиотеку, чтобы у меня были нужные мне строки Лермонтова из его книг. Мне предложили записаться в библиотеку, чтобы я продолжал ходить к ним за книгами.

На **ВТОРОЙ** рабочей неделе истек срок, на который мне выдали одну книгу. Мне нужно было сходить в библиотеку, чтобы вернуть одну книгу и взять другую. Обложка книги Хайнца Конзалика, в которой было очень много зелёного цвета, оказалась сильно знакомой мне. Я вспомнил о том, что стал искать эту книгу ещё тогда, когда мы жили в той квартире,

в которой мы жили на **ПЕРВОМ** этаже пятиэтажного дома. Почему-то я решил, что это мамаша взяла такую книгу из библиотеки, но в **ДВУХ** комнатах нашей квартиры так и не смог её найти.

Восемнадцать лет назад я безрезультатно искал эту книгу. На её обложке была нарисована большая голова молодого человека, которая была вершиной какой-то горы. **ВОКРУГ** горы вверх шла дорога. Я даже помнил маленькую нарисованную **ЛЕГКОВУЮ** машину, которая ехала вверх по дороге к этой голове. В очередной раз я обнаружил подтверждение тому, что в моей жизни всё так и **ДОЛЖНО** было случиться.

Через неделю было объявлено о проведении какого-то «собрании», и все, работавшие на этом предприятии, **ДОЛЖНЫ** были **ОБЯЗАТЕЛЬНО** присутствовать на нём. На этом «собрании» **ПЕРВЫМ** стал говорить тот, кто возглавлял это предприятие. Он говорил он так, словно одному ему было известно о том **ЕДИНСТВЕННО** возможном порядке вещей, который ему, по всей видимости, и хотелось установить. Он говорил возмущаться тем, что Среди работавших у него стало расти недовольных тем, что раз за разом приходилось оставаться на лишние **ДВА**-три часа, чтобы продолжать работать, что работать приходилось и в выходные. Он стал говорить о том, что, когда у него просят какой-то рулон толи, или пару досок, или машину, что-то привезти домой, отказа в этом никому нет, затем о том, что ему же это всё приходится покупать, всё это стоит денег. Раз к нему кто-то обращался со своими просьбами, то и он вправе просить задерживаться на работе лишних **ДВА**-три часа, вправе просить выходить на работу и в выходные. Затем он стал возмущаться тем, что среди работавших у него начало расти недовольство продолжительностью рабочего дня и **ОТСУТСТВИЕМ** выходных. Он, конечно же, не мог не сказать и о том, что работы нет нигде, что **КРУГОМ** люди месяцами не могут дождаться денег, которые заработали, что у него деньги выплачиваются каждый месяц. Так он давал понять, что те, кто у него работали деваться было некуда.

Одноглазый приносил варенную в «мундире» картошку, которой угощал тех, кто работал у него в бригаде. И эта картошка тоже стоила денег! И каких денег! И дядя одноклассника всегда был готов помочь, но эта его «помощь» слишком дорого потом обходилась. Все эти «помощники» готовы были отдать спичечку, чтобы потом забрать если не брёвнышко, то дощечку. Все эти «сеятели» «доброго, разумного, вечного» людей превращали в землю, на которой собирались получать богатые урожаи. Бросили семечку – сорвали подсолнух. Бросили семечку от тыквы – сорвали **ЦЕЛЮЮ** тыкву. Куда бросили полкартошки или один вырезанный глазок из картофеля – выкопали ведро с картошкой. Так можно жить за счёт тех, кого поймали в свои сети! Не случайно же так выросла смертность! Людей заживо хоронили.

Может эти «ловцы человеков» были не только «сеятелями», но и «рыбаками»? Чтобы поймать рыбку, нужно хотя бы червячка насадить на крючок. Эти «рыбаки» своим «червивым добром» повыведали очень много жизней.

Разве все, кто работал у этого «предпринимателя», обращались к нему с разными просьбами? Кто обращался, тот пусть потом всё и отработывал. Почему из-за нескольких человек все стали **ДОЛЖНЫ** оставаться, чтобы поработать лишние часы и дни?

У этого «рыболова-сеятеля», по его же собственным словам, было в общей сложности **ДВЕНАДЦАТЬ** лет тюремного стажа. Несколько раз при мне он заговаривал об этом и обращался то к одному, то к другому с вопросом: «Это же мне что-то дало?» И что же это ему дало? Для него так и остались неизвестными три основных **ПРАВИЛА**, которых нужно было придерживаться в тюрьме: никому не верь, никого не бойся, **НИЧЕГО** не проси? Он не мог найти слов для отказа? И почти все, кто у него работал, тоже когда-то сидели в тюрьмах. Это предприятие выглядело каким-то тюремным братством. И все остальные не знали о том, что лучше **НИЧЕГО** не просить? Почему отсидевшие свой срок в тюрьме у него что-то просили?

На этом «собрании» никто ему ни одного слова в ответ не сказал. Все отмалчивались как безголосые рабы. И мне не о чем было там говорить, потому что там звучал голос денег, голос выгоды и наживы. Голос справедливости там не мог прозвучать из-за того, что, его, всё равно, никто бы не стал слушать.

В конце «собрания» руководитель взял простой полиэтиленовый пакет и стал вынимать из него деньги, которые уже были **СВЯЗАНЫ** в разные по толщине пачки. На каждой пачке была прикреплена бумажка с написанной фамилией. Самый нужный ему сварщик получил **ЦЕЛУЮ СВЯЗКУ** пачек, почти миллион и **ДВЕСТИ** тысяч рублей. Остальные получили: кто по сто тысяч, кто по сто пятьдесят, кто **ДВЕСТИ** пятьдесят тысяч рублей. Мне и недавно принятому на работу сварщику пока нечего было получать. Только на следующий месяц я мог получить обещанные мне сто тысяч.

На следующей неделе я услышал, как один высказался, что его опять обманули и недоплатили сто пятьдесят тысяч, как другой высказался в ответ, что ему опять недоплатили сто тысяч. И на этой неделе меня почему-то оставили, а вместо меня отправили работать с тем сварщиком, с которым я вместе работал, недавно освободившегося из мест заключения.

В это утро все как по какому-то молчаливому уговору разошлись по своим рабочим местам. Я почувствовал себя оставленным в стороне. Ко мне подошёл straw boss («соломенный босс» или «десятник», а strow man – это чучело) руководителя и сказал, что для меня есть «калым». В той одноэтажной постройке, где размещались помещения этого малого частного предприятия, под туалет была отведена небольшая комнатка. Там уже была проведена вода. Под краном была установлена раковина. И унитаз там был установлен. Но трубу от унитаза до сливной ямы ещё не проложили. Но многим это нисколько не мешало ходить и мочиться в этот унитаз. Сам «рыболов-сеятель» часто туда заходил. Он часто отходил и мочился в разных местах у стены принадлежащего ему частного предприятия. Он как по-собачьи метил свою территорию и **КРУГОМ** оставлял свой запах. Со всех сторон стена как **ДОЛЖНА** была пахнуть его мочой. **ДЕЛАТЬ** это, по всей видимости, его **НАУЧИЛИ** в тюрьме.

Я отрезал три метра толстой полиэтиленовой трубы, один её конец нагрел и расширил для того, чтобы можно было её **ПРИСОЕДИНИТЬ** снизу к унитазу. Затем вырыл канаву до сливной ямы, а **ДАЛЬШЕ НИЧЕГО** не стал **ДЕЛАТЬ**. Во мне не было такого беспокойства, которое появилось в голубоглазом «десятнике» с **КРУГЛЫМ**, широким и несколько плоским лицом. Он с какой-то озабоченностью принялся меня побуждать спуститься в канаву и установить там трубу.

Тот, кто становится пресмыкающимся червём, может ли затем жаловаться, что его раздавили?

Кант

- Кто там ссал – тот пускай туда и лезет.
- Там только руки мыли!
- А почему там воняет мочой?
- Это не моча. Это мыло так пахнет.
- Когда начальник появиться, я сам с ним поговорю, и посмотрю, что он мне скажет.
- Надо же слив **СДЕЛАТЬ**.
- Конечно, надо. Надо было сначала **СДЕЛАТЬ** слив, а уж потом ходить туда и писать.

Я руками не полезу туда, где вся земля провоняла уже мочой.

Этот «соломенный босс» тоже сидел в тюрьме и тоже часто ходил пописать в унитаз, когда трубу до сливной ямы ещё не установили.

Когда появился «рыболов-сеятель», я обратился к нему с вопросом: «Вам известно такое понятие, как уважение к самому себе?» Он молча кивнул. И я продолжил **ДАЛЬШЕ**: «Так вот: из уважения к самому себе я не собираюсь спускаться в ту канаву. Кто там ссал – тот пусть туда и лезет. Можете меня даже сейчас уволить.» «Здесь я не один решаю, – ответил он мне и продолжил. – О нашем решении мы сообщим». Он словно не один возглавлял это предприятие: у него было ещё **ДВЕ** головы, как у дракона.

Меня не уволили. Тот, кого отправили работать вместе с тем сварщиком, с которым я работал, всё **СДЕЛАЛ**. И после этого стало заметно, что его стали как подговаривать **СДЕЛАТЬ** что-нибудь против меня. По всей видимости, в тюрьмах, где многие из работавших там, занимались тем же.

6 октября меня вместе с ним отвезли где-то за восемнадцать километров в соседнее село, в Колонково, чтобы мы **ВДВОЁМ** на бетонных перекрытиях одной из **ПУСТЫХ** уже ферм, вилами собрали в **КУЧИ** клочки остававшейся там стекловаты. Стекловата клочками была как разбросана по всей длине на той плоской бетонной крыше.

Когда мы поднялись на плоскую и длинную крышу этой **ПУСТОЙ** фермы и стали собирать в **КУЧИ** стекловату, обратил внимание на то, что всё это оказалось для меня давно и сильно знакомым. Этой стекловатой «рыболов-сеятель» собирался утеплить крышу мельницы, которую взялся соорудить.

В этот день прошло уже ровно **ДВА** месяца с того дня, как мне **ИСПОЛНИЛОСЬ ДВАДЦАТЬ** пять лет. В этот день с этой давно знакомой мне длинной, плоской, гладкой полосы из бетона, которая метра на три возвышалась над землёй, я обнаружил ещё одну жемчужину, когда посмотрел в ту сторону, где росли параллельной нам полосой росли кусты и деревья. И это место оказалось для меня очень хорошо знакомым, несмотря на то, что в **ПЕРВЫЙ** раз его увидел. Я сразу вспомнил, что какое место и когда **СДЕЛАЛО** это место настолько для меня знакомым.

Летом 1971 года там, где заканчивалось Ереванское шоссе, где начиналось **КРУГОВОЕ** движение, и **ДАЛЬШЕ** можно повернуть в сторону одного или другого железнодорожного моста, мать отвела меня к длинному каменному фонтану, над которым был **СДЕЛАН** длинный каменный мостик, чтобы я там искупался. В тот солнечный и жаркий день там купались и бегали по каменному мостику много маленьких детей. За фонтаном высилась длинная стена с вырезанным на ней рельефом. Эта стена была частью всего этого сооружения, и она шла параллельно мостику.

Когда я побывал в воде, её прохлада вызвала то ощущение холода, которое **ОХВАТИЛО** меня через **ДВАДЦАТЬ** три года. Это была не та прохлада, которая может повеять осенью, когда желтеют, отмирают трава и листья на деревьях. Что-то чужое мне вызвало во мне такое ощущение. Понимание того, что насколько я был чужим для всего того, что меня **ОКРУЖАЛО**, вызвало во мне ощущение холода.

Нет; им удобней, всedневно врываясь в дом наш толпою,

*Наших быков, и баранов, и коз откормленных резать,
Жрать до упаду и светлое наше вино беспощадно
Тратить.
ОДИССЕЯ, песнь II, стих 55—58*

Там, где полосой росли кусты и деревья, никого не было, но там находилось что-то враждебное мне. Что-то невидимое находилось с той стороны. Там что-то было. Непримируемая враждебность ко мне была настолько осязаемой, что не могла выдавать присутствия того скопища, которое находилось там среди деревьев и кустов. Эта лютая ненависть ко мне с той стороны обещать мне могла только злую участь и постоянство бед. То, что там находилось уже навсегда отвергало меня. С той стороны смотрели на меня как на своего врага, который уже **ВПОЛНЕ** мог заслужить свою гибель. За что? За то, что в каком совсем коротком отрезке я оставлял себя жить? Мне стало страшно. Такой страх только и мог помогать Пенелопе ткать гробовой покров. Но я вспомнил об обнаруженной мной только что жемчужине и **СДЕЛАЛ** её для себя **ОПОРОЙ**, затем мысленно пробежался по другим недавно обнаруженным жемчужинам, вспомнил о том, что у меня есть дом, в который могу вернуться, и о том, что у меня есть отец, который оставался мне **ОПОРОЙ**. На явное обещание оставить меня ни с чем, стереть меня в **НИЧТО**, мне оставалось **СДЕЛАТЬ** только это. В ответ на такую непримиримую враждебность я, тем более, не собирался срываться с совсем короткого отрезка постоянного выбора между гибелью тут же и гибелью чуть позже.

Через пару часов за нами и за стекловатой приехал грузовик, бортовой «Камаз». Водителю пришлось подождать, пока мы сбрасывали с крыши одну **КУЧУ** в кузов, потом он трогался с места и подъезжал до следующей, у которой снова останавливался и ждал, пока мы сбрасывали и эту **КУЧУ** в кузов. Потом мы поехали выгружать эту стекловату и листы шифера, которые были сложены в передней части кузова, у кабины.

Когда «Камаз» задним ходом подъехал к стене малого частного предприятия, я вместе с тем, с кем собирали стекловату и кому как вместо меня пришлось проводить трубу от туалета до сливной ямы, залезли в кузов, чтобы всё его поднять и сложить на крыше.

– Как же нам стекловату на крышу поднимать, чтобы она на нас не посыпалась?... – вслух проговорил тот, кто находился рядом со мной, вопрос, который как задавал самому себе.

– Может, здесь есть какая-нибудь ткань, какой-нибудь брезент, чтобы было во что сначала сложить стекловату, чтобы потом можно было её поднимать, – и меня **ПОТЯНУЛО** высказать свои соображения вслух.

– Какой брезент?! Какая ткань?! Откуда всё это может здесь взяться?! Кто нам даст этот брезент? Твоя бабушка, что ли? – тот, кто находился рядом со мной, с такими словами сорвался на меня. На бетонной крыше он вёл себя тихо и спокойно, а тут в присутствии всех остальных, которые находились и на крыше, и внизу, рядом с грузовиком, его словно подменили. Он начал храбриться, когда рядом находились и остальные. Я промолчал и подумал о том, что сам **ВИНОВАТ**, что и без меня там **ВПОЛНЕ ХВАТАЛО** тех, кто мог позаботиться о том, что как будет лучше выгружать стекловату.

– Давай, сначала шифер поднимем! – распорядился этот, кто отсидел назначенный ему срок в тюрьме.

Мы с **ДВУХ** сторон стали брать по одному листу шифер и нести, шагая по стекловате, его к задней части кузова, откуда подавали его тем, кто находился наверху, на односкатной крыше.

– Давай скорее! Шевелись быстрее! – стал поторапливать меня этот, когда отнесли три листа шифера. К четвёртому листу он вернулся с такой поспешностью, чтобы **УСПЕТЬ** взяться за него и поднять раньше меня. И он толкнул этим листом меня, когда я подошёл к нему с другой стороны. Этого никто из находившихся на крыше словно не заметил. Никто словно

не слышал тех слов, с какими этот храбрец на меня стал набрасываться. Внизу, рядом с машиной, рядом со стенами, никого не было.

– Наверное, тебе будет лучше укоротить свой язык и не стараться так резвиться, – сказал я ему.

– Да я тебе сейчас за твои слова морду набью! – заявил он мне и для подтверждения своей угрозы махнул кулаком перед самым моим лицом. И этого никто как не заметил.

– Тебе не стоит так **ПРОТЯГИВАТЬ** руки, а то можешь ноги **ПРОТЯНУТЬ**! – мне пришлось пообещать ему это.

Как только он двинулся ко мне, я **УСПЕЛ** махом **РАСКРЫТОЙ** ладони по его горлу опрокинуть его на спину, затем пригнулся к нему и кулаком пару раз врезал ему по его наглой роже, чтобы выбить ту дурь, которая в его голове стала занимать слишком много места. Я тут же поднялся и отошёл на пару шагов. А этот остался лежать на стекловате. А это увидели все: и те, кто находились на крыше, и те, которые сразу вышли наружу из-за ворот, словно они могли видеть сквозь стены. Когда тот сварщик, которому за прошлый месяц заплатили миллион и почти **ДВЕСТИ** тысяч рублей, вышел наружу, то сразу обратился ко мне с таким обещанием:

– Эй, ты! Я тебя сейчас подниму за ноги и об этот вот угол кузова разобью твою голову!

Мне пришлось ответить и ему, и развернуться в другую сторону, чтобы ответить и другому. Со всех сторон на меня набросились с угрозами.

– Да я сейчас возьму вот эти вилы и проткну тебя ими! И не побоюсь снова сесть в тюрьму! – тот, кто лежал на стекловате, набросился на меня с такими словами, когда получил такую **ЕДИНОДУШНУЮ** поддержку.

– Попробуй. Но если промахнёшься, тогда я тебя же этими вилами проткну в задницу!

Тут это **НИЧТОЖЕСТВО**, которое лежало подобно футболисту-симулянту с надеждой добиться штрафного удара, решило, что ему лучше будет убраться из кузова. Это **НИЧТОЖЕСТВО** довольно-таки бодро поднялось, перелезло через боковой борт, спустилось на землю и тут же снова улеглось рядом с задними колёсами грузовика. По всей видимости, это была одна из тех наработок, которые применялись в тюрьмах для того, чтобы кого-то подставить под **ОБВИНЕНИЯ**.

– Да я сейчас сам с тобой **РАЗДЕЛАЮСЬ**! – пообещал мне с крыши straw boss и направился к приставленной лестнице и стал спускаться по ней с крыши на землю. Затем он взобрался в кузов с той же его стороны, с какой **НИЧТОЖЕСТВО**, лежавшее на стекловате, перелезло, чтобы спуститься вниз. Самого этого **НИЧТОЖЕСТВА** рядом с колёсами уже не было. К нему быстро подошли **ДВОЕ**. **ОНИ** заботливо взяли его за руки и ноги и отнесли в одно из внутренних помещений, когда straw boss-straw man стал подходить к лестнице. Этим **ДВОЕ** сразу догадались, что отнести того, кто улёгся на земле рядом с колёсами.

Мне противно было смотреть на весь этот спектакль. Как только straw boss-straw man оказался в кузове, он двинулся на меня. И он с каждым шагом только больше и больше терял ту уверенность, с которой направился ко мне. Он остановился в **ДВУХ** шагах от меня, затем повернулся и направился к тому месту, откуда взобрался в кузов, перелез через борт, спустился на землю, затем направился к приставленной лестнице, поднялся по ней опять на крышу, чтобы продолжать меня **ОБВИНЯТЬ** оттуда. Всё, что он **ПРОДЕЛАЛ**, выглядело чем-то совершенно нелепым. Тут из-за тех ворот, через которые внесли «пострадавшего», вышел ещё один сварщик, сын «рыболова-сеятеля». Он выглядел четвёртой головой дракона, который **ПОКАЗЫВАЛ** себя трёхголовым. Сдерживаясь в **ОБВИНЕНИЯХ** против меня, эта голова сказала мне, чтобы я уходил и пришёл на следующее утро, чтобы разобраться в произошедшем. Мне было ясно, что никакого разбирательства не будет. И мне было ясно, что я там больше работать не буду.

На следующее утро эта голова стала рассказывать мне о какой-то чудовищности совершенного мной поступка. Она рассказывала мне о том, что тот бедный даже не мог подняться, когда его отнесли и уложили на скамейку, что он лежал там очень бледный и его ещё полчаса продолжало трясти. Мне отдали сто тысяч, и я ушёл.

Эти тюремное братство выглядело подлее, чем одноглазый. Он снова позвал на работу моего отца и грузина, когда его бригада **НЕ УСПЕВАЛА** закончить ремонт в школе к началу **УЧЕБНОГО** года. Они поработали там **ДВЕ** недели и получили по **ДВЕСТИ** пятьдесят тысяч. Ни я, ни мой отец в тот год больше нигде не работали.

*Знай, не перестанем твой дом разорять мы до тех пор, куда
Будет упорна она в помышленьях своих, ей богами
В сердце вложенных; конечно, самой ей в великую славу
То обратиться, не пойдём от тебя ни домой, ни в иное
Место, пока Пенелопа меж нами не выберет мужа.
ОДИССЕЯ, песнь II, стих 123—128*

К концу 1994 года, в самом начале продолжительной зимы с её стужей и жестокими морозами, ужас всё сильнее стал нападать на меня. Я с ещё большей тревогой стал всматриваться в наше будущее, чем в конце 1991 года. К этому времени не осталось **НИЧЕГО** из того, на что в то время ещё можно было надеяться. «Грохот волн похоронных, не умолкавших в душе», только усиливался. Я поражался нашему бессилию что-то изменить и продолжительности происходившего.

В отличие от 1991 года у нас в подполье **ПОЛНО** было картошки. Ещё до увольнения из лесхоза-леспромхоза я **УСПЕЛ** в последний раз привезти дрова. Опасаясь усиления морозов к началу следующего года, я ещё в октябре стал привозить уголь из тех **КУЧ**, которые насыпались рядом с кочегарками. Только полмешка угля я мог привезти за один раз, не больше. Сама **ПОВТОРЯЕМОСТЬ** таких поездок за углём **ДЕЛАЛА** только длиннее тот отрезок, на котором я мог оказаться замеченным и **ОБВИНЁННЫМ** в воровстве угля. Эта **ПОВТОРЯЕМОСТЬ** предательски **ДЕЛАЛА** меня всё заметнее. Этот отрезок, всё же, **ЗАВЕРШИЛСЯ** благополучно.

А одноглазый только тем, как он не **ОБДЕЛЯЛ** себя и **ОБДЕЛЯЛ** других, надёжно оградил и себя, и всё своё семейство от тех жизненных невзгод, которые грозили нас в конце концов извести и **УНИЧТОЖИТЬ**. Он пользовался тем, что «несчастье не может торговаться», и в конце этого года позволил себе купить не только один старый дом на той же самой улице, на которой мы купили дом, но и **ДВЕ ЛЕГКОВЫЕ** машины. Он стал жить со всем своим семейством по-соседству с нами. Его дом находился совсем недалеко от нашего. Но его дом стоял на другой стороне дороги.

И в конце этого года он даже нанял троих из тех, кому как некуда было деваться, кто находился в таком несчастном положении, в котором не могли торговаться, построить гараж для одной из машин и новую веранду на месте старой. Даже для того, чтобы наколоть дрова, он кого-то нанимал. **ДВА** его сына не собирались даже этим себя утруждать.

Когда стал заканчиваться **ПЕРВЫЙ** месяц наступившего 1995 года, кто-то вечером постучался в дверь нашего дома. За дверью оказался одноглазый. Что же его к нам привело?

Он зашёл к нам домой и заговорил о том, что как-то нехорошо получается, что мы, оказавшись на чужбине, стали жить на одной улице, совсем рядом друг с другом, ни разу друг к другу домой даже не зашли. Он стал вспоминать о том, что как много нас **СВЯЗЫВАЛО** и **СВЯЗЫВАЕТ**. Тёплая волна воспоминаний растопила образовавшийся между нами лёд отчуждения. Одноглазый стал звать меня и отца пойти вместе с ним к нему домой, чтобы даже не откладывать этого. И тёплая волна воспоминаний помогла уступить его настойчивости.

Через день он снова к нам пришёл и опять стал звать к себе домой. На этот раз он стал рассыпаться обещаниями **ОБЯЗАТЕЛЬНО** нам помочь. Но на это раз для меня и для моего отца уже заметнее стало что-то такое, что ещё **НЕ УСПЕЛО** остыть. В доме у одноглазого разгоралась какая-то ссора, и каждый раз с большей силой. Совсем не то, о чём он говорил, заставляло его приходить к нам. Он приходил к нам, чтобы позвать нас к себе домой, чтобы наше присутствие стало мешать разгореться какому-то ожесточённому противостоянию.

Зачем он купил этот дом? Потому что, в доме у своей тёщи он не мог больше оставаться? Он считал себя вправе поступать в доме, который без него его семейка не смогла бы купить, поступать так, как поступили с ним в доме его тёщи. То, что началось в доме бабки одноклассника, которая была тещей одноглазому, стало только продолжаться в этом доме.

Через несколько дней он в третий раз постучался к нам домой. На этот раз он пришёл избитым и с **РАНАМИ** на голове. Он остался переночевать у нас.

Одноглазый продолжал к нам заходить. Ему постоянно что-то было нужно. То ему нужны были какие-то инструметны, то гаечки-шурупчики. Он даже стал приходить к нам, когда у него дома не было хлеба. Он к нам приходил, чтобы взять буханку хлеба. Никто из его сыновей не посчитал нужным в течение дня сходить в магазин, чтобы купить хлеба домой. По всей видимости, их чин не позволял им это **СДЕЛАТЬ**. Потом одноглазый приходил, чтобы вернуть ту буханку хлеба, которую брал у нас в **ДОЛГ**.

Через какое-то время, он снова приходил к нам, чтобы взять у нас буханку хлеба в **ДОЛГ**. Он где-то взял кроликов и предложил оставить их с нашими до тех пор, пока им не будут **СДЕЛАНЫ** клетки. Он обещал позаботиться о том, чтобы нам было чем кормить этих кроликов. И он принёс только одно ведро с дроблённым овсом. Он, по всей видимости, решил что одного ведра надолго **ХВАТИТ**, потому что больше **НИЧЕГО** не принёс. Наверное, и одного ведра угля может **ХВАТИТЬ** на всю зиму.

Получалось, что мы продолжали **ДАЛЬШЕ** кормить его кроликов нашим кормом. Каждый раз, когда он приходил, ему как **ОБЯЗАТЕЛЬНО** нужно было самому сходить посмотреть на своих кроликов. Он словно присвоил то место, куда поместил своих кроликов.

Однажды он заявился к нам и попросил несколько головок чеснока, потому что к нему домой пришли какие-то гости, которым захотелось «хаш», варево из говяжьих голяжек, отведать **ОБЯЗАТЕЛЬНО** с чесноком. Когда я зашёл к ним домой где-то через неделю после этого, и тогда его жена спросила меня о том, что почему же мы к ним на «хаш» не пришли. Мне стало ясно, что одноглазый пришёл к нам домой, чтобы с обманом у нас взять те несколько головок чеснока. У себя дома он сказал, что пойдёт звать нас в гости. А у нас дома сказал, что к нему гости пришли и хотят с чесноком «хаш» съесть. Когда он вернулся в свой дом, то заявил, что какое-то **ДЕЛО** помешало нам прийти к ним в гости. Я ответил его жене, что у нас было одно **ДЕЛО**, и мы не могли прийти. Одноглазый трижды солгал только для того, чтобы взять у нас дома чеснок.

В начале апреля одноглазый позвал меня поработать там, где на окраине были уже построены одноэтажные дома, которые ещё нужно было достраивать. Работа продолжалась только **ДВА** дня. Одноглазый сказал мне, чтобы я оставался дома, что он скажет мне, когда мне снова нужно будет выходить на работу. Ему словно было нужно получить разрешение продолжать работу только через какое-то время. В этом было что-то **НЕПОНЯТНОЕ**. Всегда есть что-то **НЕПОНЯТНОЕ** там, где кто-то зарабатывает большие деньги.

За эти **ДВА** дня я узнал, что никто из бригады одноглазого ещё за январь никаких денег так и не получил. Несмотря на то, что мы покупали только хлеб, все деньги к этому времени у нас закончились. Я попросил несколько тысяч в **ДОЛГ** у одноглазого. Он мне ответил, что и у него нет денег. Тогда я попросил восемьдесят тысяч, именно столько одноглазый не заплатил моему отцу в прошлом году, у его сына. И мой одноклассник мне не отказал. К этому

времени у меня столько злости накопилось на одноглазого, что мне совсем чуть-чуть **НЕ ХВАТАЛО**, чтобы оступить с ним так, как он этого уже давно заслужил.

Одна буханка хлеба стоила тысячу **ДВЕСТИ** рублей, и эти деньги мы могли **РАСТЯНУТЬ** только на месяц с небольшим. Грузин надеялся заработать хоть какие-то деньги вместе с моим отцом на **ПАМЯТНИКЕ**, который нужно было отремонтировать, обновить. У нас оставалась только надежда на эту работу.

Прошло полмесяца, когда одноглазый снова позвал меня на работу. На этот раз работали три дня. После этого снова нужно было чего-то ждать. Одноглазый обратился ко мне с просьбой наточить большую **ДВУРУЧНУЮ** пилу. У меня не было острого трёхгранного напильника, и мне не хотелось мучиться затупившимся напильником. Я сначала отказывался браться точить пилу, но потом решил взять и наточить её, чтобы потом уже на работе не мучиться с тупой пилой.

А разве тот, кто отдаёт нас во власть злу, не есть исток зла?

Вольтер, «Простодушный», глава X

Через пару недель одноглазый заявился к нам домой вместе с тем «бригадиром», который мог броситься на помощь тому «Валоду», которого я стал забрасывать камнями. Они пришли за той пилой, которую мне пришлось наточить. Одноглазый сказал мне, что им нужно украсть какие-то брёвна.

Когда прошёл этот день и наступил другой, к нам домой пришёл грузин. Он пришёл сказать, что ту работу, на которую надеялись **СДЕЛАТЬ**, одноглазый забрал, что уже «леса» поставили.

После всех обещаний помочь нам с работой одноглазый сам забрал работу, которая оставляла нам надежду как-то продержаться **ДАЛЬШЕ**. Он не только приходил, чтобы обманом взять у нас чеснок, но и ту пилу. Для кого я точил пилу?! Для чего я её точил?! Чтобы ею пользовались те, кто оставил нас без работы?! Такая злость закипела во мне, которой нужно было дать ход, чтобы она не разорвала меня самого. Я вышел из дома и направился к тому месту, где могли находиться одноглазый и тот «бригадир».

Той порой Телемах из высокого царского дома

Вышел с копьём; две лихие за ним побежали собаки.

ОДИССЕЯ, песнь XVII, стих 61—62

– Значит, эти брёвна вы воровали?! – спросил я одноглазого, приближаясь к нему.

– А что случилось?! – выпячивая грудь колесом, с такой надменностью в голосе ответил мне вопросом на вопрос одноглазый, что это меня только ещё больше разозлило. Он словно давно стал считать себя каким-то неуязвимым.

Я так от души его выругал, что у него его зрячий глаз **ОКРУГЛИЛСЯ** и выкатился. Я обложил его таким матом, который поразил его. Затем я от всей души врезал ему по его гадкой роже. Затем **СХВАТИЛ** одну из отпиленных ими верхних, самых тонких частей пихтовых брёвен и нанёс ему удар такой палкой по шее. И эта палка сломалась об его шею. Видимо, она была подопревшей. И то, как она сломалась, оказалось в точности знакомым для меня. На этом я ещё не мог успокоиться. Мне нужно было **СДЕЛАТЬ** что-то ещё. Я **СХВАТИЛ** увесистый камень и ударил им и по этой «обители подлых замыслов».

Одноглазый стал ходить с забинтованной головой. Дорога в нашу сторону для него была уже **ЗАКРЫТА**. О произошедшем, конечно же, многим стало известно. Но «собаки и пастухи стада» **СДЕЛАЛИ** вид, что **НИЧЕГО** не произошло.

10. После этого долговязому и тощему грузину была предоставлена возможность поработать. Он и мой отец взялись за наружный ремонт стен **ДВУХЭТАЖНОГО** здания администрации района. Недели **ДВЕ** они работали. Как этому времени, через год после подачи искового заявления о взыскании расчёта при увольнении, состоялся суд. После суда стало выясняться, что **ТЯНУТЬ** стали уже с самим взысканием.

*Ещё видел я под солнцем: место суда, а там беззаконие; место правды, а там неправда.
Библия, Екклесиаст 3:16*

Деньги, которые получил мой отец за **СДЕЛАННУЮ** за **ДВЕ** недели работу, помогли нам продержаться где-то до **ПЕРВЫХ** дней июля. Я решил попробовать пасти коров. Те, кто пас коров в бывшем «совхозе», деньги уже давно перестали получать. Но пошли разговоры о том, что им выдавали сливочное масло и мясо. Если бы у меня получилось обеспечивать нас хотя бы мясом и маслом, то даже это было для нас лучше, чем совсем **НИЧЕГО**.

В 1995 году, как только из земли стала пробиваться трава, коров стали перегонять на «летний лагерь», из-за того, что корма закончились. Я оказался в «летнем лагере» через несколько дней после этого. Меня, доярок и пастухов, которых называли «скотники», привезли туда на автобусе. Когда автобус остановился, все стали выходить из него и направляться к какому-то вместительному основательно построенному прямоугольному помещению, в котором вдоль стен **ТЯНУЛИСЬ** длинные скамьи. Я последовал за всеми и сел на скамью у самого входа. В этом помещении у стены, которая была противоположной той, в которой находилась дверь, стоял один стол. За этот стол сели те, кто принялись отдавать какие-то распоряжения остальным. Затем все стали выходить. Я остался один сидеть на скамье. Всё выглядело так, словно никто на меня словно и не собирался обращать совершенно никакого внимания.

Обе Истины Маат (богиня двух истин Маат) расставляют указательные знаки на пути для тебя изо дня в день и всякий день.

«Книга мёртвых», В предверии дома Осириса

И это помещение с длинными скамьями, которые **ТЯНУЛИСЬ** вдоль стен, и всё происходившее оказалось для меня очень хорошо и давно знакомым. Так я обнаружил ещё одну довольно крупную жемчужину. Через несколько минут в это помещение вернулись те **ДВОЕ**, которые сидели за столом. Они снова сели за этот стол, по разные стороны от него, и завели между собой разговор, продолжая оставлять меня с каким-то пренебрежением и безразличием. Они погрузились в такие рассуждения, в которых я уже оказался каким-то **ВИНОВАТЫМ** за то, что решил там у них поработать. Они говорили так, словно туда приходят устраиваться на работу только какие-то ни на что не годные людишки, с такой уверенностью, что место для них в «совхозе» **ОБЯЗАТЕЛЬНО** найдётся. Моего участия в этом разговоре даже и не предполагалось. Возможно, эти **ДВОЕ** добивались того, чтобы я сначала почувствовал всю свою ненужность, а потом принял за какое-то счастье их решение оставить меня работать.

Гладкость их рассуждений вдруг оборвалась. И эти **ДВОЕ** сразу оказались **ОХВАЧЕННЫМИ НЕОБХОДИМОСТЬЮ ПОКИНУТЬ** ту сцену, на которой им уже нечего было друг другу сказать, на которой они словно **УСПЕЛИ** нагадить. Они вышли вон. Я ещё несколько минут посидел на скамейке до тех пор, пока не стал понимать, что так **НИЧЕГО** и не дождусь, и решил, что и мне лучше выйти наружу. Когда подошёл к одному «скотнику», то от него узнал, что мне решили дать самого спокойного коня, Турсуна. Затем я и этот «скотник» отправились верхом за стадом коров. Когда мы вечером стали возвращаться по этой дороге, к нам на обратном пути **ПРИСОЕДИНИЛСЯ** ещё один «скотник». И это оказалось очень

хорошо мне знакомым. Жемчужина, которая обнаружилась вечером, была крупнее, чем утренняя.

За этот день мне стало ясно, что там действительно **«НИЧЕГО»** доброго нет». Этот «скотник», вместе с которым я провёл весь тот день, часто **ПОВТОРЯЛ** эти слова. От него я узнал, что мясо и масло им выдали только один раз, только один раз за полгода. А я рассчитывал на то, что буду получать мясо и масло ежемесячно.

И зачем мне нужно было там работать? Чтобы комаров кормить? Или «паутов»? Прошлым летом, когда я нёс **ДВА** ведра с водой, сразу заметил, как мне на правую кисть руки мягко и бесшумно присел один «паут», такая сероватая **ВЫТЯНУТАЯ** муха. Я сразу же присел, чтобы опустить на землю ведро, чтобы освободившейся рукой прихлопнуть эту муху, но **НЕ УСПЕЛ**. Зато эта муха **УСПЕЛА** меня укусить и улететь, оставив после себя небольшую **РАНКУ**. На следующий день **ВОКРУГ РАНКИ** сильно распухло. Если бы меня в это место ужалила пчела, оно распухло меньше. И сколько же «паутов» будет меня кусать каждый день на пастбище?

После вечерней дойки, когда каких-то бычков стали загонять в **ОТДЕЛЬНЫЙ** загон, мне несколько раз пришлось слышать одни и те же вопросы, которые задавали друг другу «скотники». Они выражали своё недоумение тем, что им стали постоянно говорить, что денег нет, при том, что каждый день резали коров. Большинство тех, кто там находился, работало по привычке и потому что, деваться им было некуда.

ЦЕЛЫЕ сутки я находился на «летнем лагере». На меня навалилась такая усталость, что она весь следующий день почувствовал мне не давала что-нибудь **СДЕЛАТЬ** в доме или в огороде. И на **ВТОРОЙ** день эта усталость не проходила. И на третий день у меня **НЕ ХВАТАЛО** сил, чтобы что-то **СДЕЛАТЬ**. И на четвёртый день силы ко мне так и не вернулись. И на пятый день сил у меня по-прежнему **НЕ ХВАТАЛО**. И что я понял после этого? Что на такой работе я долго не смог бы продержаться. У тех, кто там продолжал работать, по всей видимости, уже было какое-то домашнее хозяйство. Они могли брать с собой какую-то еду. А мне с собой и брать было нечего.

Один толстопузый грузин, у которого долговязому и тощему часто приходилось брать деньги в **ДОЛГ**, с конца апреля заговорил о том, что можно взяться за небольшое строительство в «дорожном», где он арендовал небольшое помещение, которое находилось рядом с воротами и предназначалось для сторожей, где занимался ремонтом обуви. То, о чём он заговорил, выглядело какой-то призрачной затеей, особенно после всего того множества **ПУСТЫХ** обещаний, которых было очень много за последние годы. Сам долговязый и тощий грузин не собирався **СВЯЗЫВАТЬСЯ** с толстопузым.

Когда май месяц стал заканчиваться, из-за того, что нигде и ни на какую работу рассчитывать не приходилось, становилось только тревожнее и тревожнее. В июне отцу пришлось уехать на три дня в одно село, где он смог заработать немного денег. Та работа, о которой говорил толстопузый, всё больше начинала выглядеть последней оставшейся у нас возможностью что-то заработать. И чем больше та работа, о которой говорил толстопузый, начинала выглядеть последней оставшейся у нас возможностью заработать какие-то деньги, тем всё больше во мне начинали расти опасения остаться ни с чем. Но при этом я раз за разом обращал внимание на то, что во мне стала **УПЛОТНЯТЬСЯ** уверенность в том, что мы **ОБЯЗАТЕЛЬНО** будем работать в «дорожном», что работа в «дорожном» никуда от нас не денется. И такая уверенность удивляла меня.

ВТОРОГО июля мы начали работать. Таким образом, через месяц верность того **УПЛОТНИВШЕГОСЯ** во мне чувства подтвердилась. В этот день мы принялись расчищать то место, где потом нужно было заливать фундамент, чтобы построить помещение, которое **ДОЛЖНО** было быть раза в три больше, чем то, которое взял в аренду толстопузый. Когда с помощью погрузчика и троса были вырваны с корнем три молодых деревца, три берёзы,

и это оказалось уже хорошо и давно мне знакомым. Я даже сразу вспомнил то время и то место, которые **СДЕЛАЛИ** то, что происходило таким знакомым мне.

В **ПЕРВЫХ** числах июня 1983 года я и мои одноклассники собирались под одной из **ДВУХ** плакучих ив, которые росли по обе стороны от входа в школу, когда подошла пора сдавать нам экзамены. И вот в один из этих дней такая же свежесть утра, такая же яркость солнечного света и такое же тревожное **НАПРЯЖЕНИЕ** помогли мне увидеть то, что будет происходить **ВТОРОГО** июля через **ДВЕНАДЦАТЬ** лет. И эта жемчужина **ДОЛЖНОГО** была довольно крупной.

С самого начала нам стали обещать выдать нам аванс. Но никакого аванса мы так и не дождались. Когда стали заливать бетон в вырытую прямоугольником траншею под фундамент, денег у нас уже совсем не было. Всё ещё рассчитывая получить аванс, отец попросил у толстопузого десять тысяч в **ДОЛГ**. Тот дал в **ДОЛГ** десять тысяч, но сначала он заговорил о своих «детishках» так, словно его вынуждали отнять эти деньги у своих детей. Этих денег мне с отцом могло **ХВАТИТЬ** только на одну неделю, и только на то, чтобы покупать один хлеб. Одна буханка хлеба тогда стоила тысячу **ДВЕСТИ** рублей.

У нас в огороде к этому времени ещё **НИЧЕГО**, кроме укропа, не выросло. А нам с утра до вечера нужно было таскать вёдрами воду, чтобы заливать её в бетономешалку. И цемент носили вёдрами, чтобы высыпать его в бетономешалку. Только песок забрасывали в неё лопатами. И камни приходилось нам носить, чтобы топить их в растворе, который выливали из бетономешалки в траншею. Сил на работу уходило много, а подкрепляли мы свои силы только хлебом и зеленью укропа, которую посыпали солью. Нам стали обещать, что выплатят аванс, когда фундамент будет уже **ПОЛНОСТЬЮ** залит. К этому времени деньги, которые взяли в **ДОЛГ** уже закончились. Отец решил ещё раз попросить в **ДОЛГ** у толстопузого, который зарабатывал деньги ремонтом обуви. На этот раз он **СДЕЛАЛ** нас **ВИНОВАТЫМИ** за то, что у нас не было денег. Толстопузый стал выкладывать такую же мозаику наглых утверждений, которая стала господствовать **КРУГОМ**. А в чём же мы были **ВИНОВАТЫ**? В том, что мы не сумели нажиться на чьих-то несчастьях и других оставлять **ВИНОВАТЫМИ**? За то, что нам мешали опасения кому-то навредить? У «господ» таких опасений **НЕ ДОЛЖНО** быть.

У толстопузого было три девочки. На старшей выявилось наследственное заболевание её матери. Ему не раз приходилось тратиться на операции, чтобы удлинить одну её ногу. А у него самого с самого начала июля выявилась какая-то болезнь уха, которое он где-то застудил. Он каждое утро отправлялся в больницу, чтобы лечить своё ухо какими-то прогреваниями. В больнице постоянно были очереди, в которых можно было долго простаивать. Толстопузый появлялся на работе где-то за час до обеденного перерыва. На работе он находился только в течение **ВТОРОЙ** половины дня. Всё выглядело очень похоже на то, что и ему **ОБЯЗАТЕЛЬНО** было нужно поупражняться в той же правоте, с которой одноглазый купил своему старшему сыну пуховик, а тот стал садиться не где-нибудь, а рядом со мной, чтобы выпить лимонад из бутылки?

*Увы, такой же ад и белый свет,
И здесь невинности покою нет,
Здесь добродетель топчут лицемеры;
Ум, вкус, искусство, славные дела
Умчались прочь, в заоблачные сферы:
Политика – труслива и подла —
Над всем главенствует, всё заменяет;
Исподтишка святоша направляет
Оружье дураков на мудреца;
И Выгода, чьей власти нет конца,*

*Чей слух не режет гром сражений гулкий,
Разлёгшись возле денежной шкатулки,
Сильнейшему слабейших продаёт.
Вольтер, «Орлеанская девственница», песнь шестая*

Толстопузый дал нам в **ДОЛГ** ещё пять тысяч. На сколько дней их нам могло **ХВАТИТЬ**? На **ДВА** дня? Или на три?

Эти деньги на третий день закончились. И в этот день я и отец не могли рассчитывать ни на что, кроме пучка молодого укропа и соли. После полудня мы пришли домой на обед, чтобы заглушить голод зеленью укропа с солью. Этот день был яркий и солнечный. Когда я **УПЛОТНИЛ** голодный желудок укропом, остался сидеть на стуле рядом со столом, спиной к стене, к которой были придвинуты и стол и стулья. Я застыл, поражаясь длительности и бесплодности наших усилий закрепить **ПОДАЛЬШЕ** от того опасного края, к которому нас только больше и больше сносило, с которого, ещё немного, мы могли сорваться и пропасть. **НИЧЕГО** хорошего то, что происходило, нам не могло обещать. То, что происходило, могло обещать нам только жалкую гибель, которую ждать оставалось совсем недолго.

Беспощадный ужас напал на меня: я почувствовал себя уже добычей той стаи несчастий, которая стала преследовать нас все последние годы. Такой ужас напал на меня, словно битва за жизнь нами была уже проиграна. Я **НИЧЕГО НЕ УСПЕЛ СДЕЛАТЬ**. Все наши усилия выглядели напрасными и бесполезными. Меня с беспощадностью озарило понимание того, что мы уже **НИЧЕГО НЕ УСПЕЕМ СДЕЛАТЬ**, чтобы пережить долгую и суровую зиму, чтобы выжить и **УЦЕЛЕТЬ**. Уже зимой нас могла ждать жалкая гибель. Мне не верилось, что так скоро закончится моя жизнь после всего того, что было прежде, что было и в школе, и в армии. С растерзанностью боровшейся души я вспомнил о крупной жемчужине **ДОЛЖНОГО**, которая была обнаружена **ВТОРОГО** июля, больше трёх недель назад. Потом вспомнил о том, что насколько **ПЛОТНОЙ** была во мне та уверенность, что мы **ОБЯЗАТЕЛЬНО** будем работать в «дорожном». Затем я пробежался в **ПАМЯТИ** по другим крупным жемчужинам **ДОЛЖНОГО**, как убеждаясь в сохранности путеводной нити. Потом я обратил внимание на чувство удивительного спокойствия, которое **УПЛОТНИЛОСЬ** у меня на самом дне моего дыхания. Это спокойствие словно **ОПИРАЛОСЬ** на **ПЛОТНОСТЬ** сытого желудка. И это спокойствие перевешивало всю тревожность моих мыслей. И тут, это уже во **ВТОРОЙ** раз, изводившее **НАПРЯЖЕНИЕ ОХВАТИВШИХ** меня тревожных мыслей помогло мне что-то почувствовать, что сложилось в моей голове в чьи-то слова: «Это тебе нужно...»

Кто-то, мысль которого никто не мог услышать, обратился ко мне с такими словами, чтобы поддержать меня и укрепить меня. Эти слова объясняли мне **НЕОБХОДИМОСТЬ** и смысл всего того, что со мной происходило. Когда в моей голове появилась и прошла чья-то словесная мысль, которая была явно не моя, мне стало страшно. Это были не мои слова. Кто-то обратился ко мне уже во **ВТОРОЙ** раз. На этот чья-то мысль выразилась более отчётливо, чем в **ПЕРВЫЙ** раз. В **ПЕРВЫЙ** раз это случилось со мной в 1991 году то ли в самом конце августа, то ли в начале сентября, в субботу. Это точно была суббота. Но в какую субботу: 24 августа или 31 августа, или 7 сентября? Скорее всего, 7 сентября.

*И пусть ты отдан в жертву бедам,
Но голос, что тебе неведом,
Сквозь сумрак долгих дней
Звучит в груди твоей.
Лонгфелло, «Эндимион»*

Когда прошло больше **ДВУХ** месяцев с того дня, когда состоялся суд, я по решению суда так и **НИЧЕГО** не получил из тех пятисот сорока тысяч рублей. Сколько же ещё дней мы могли продержаться на одном укропе с солью?

Когда наступил выходной, воскресенье, отец решил попробовать продать пару новых женских босоножек и пару новых женских тапочек. Эти **ДВЕ** пары он стащил из одного магазина, в котором он ещё в прошлом году **ДЕЛАЛ** ремонт вместе с долговязым и тощим грузином, когда стало ясно, что нанявший их «рыболов-сеятель» решил оставить ни с чем. Утром он ушёл утром продавать эти **ДВЕ** пары обуви. Домой отец вернулся только вечером. Он сумел продать только босоножки в соседнем селе за **ДВАДЦАТЬ** пять тысяч. На обратном пути он купил три буханки хлеба и пока шёл домой одну из них съел по дороге.

*Знаю, всё знаю, и мысли твои мне понятны; войди ты
Прежде один: я покида останусь здесь; я доволю
В жизни тревожных ударов сносил; швыряемо было
Многим в меня; мне терпеть не учить; немало видал я
Бурь и сражений; пусть будет и ныне со мной, что угодно
Дюю. Один лишь не может ничем побеждён быть желудок,
Жадный, насильственный, множество бед приключаящий смертным
Людам: ему в угождение и крепкорестистые ходят
Морем пустым корабли, принося разоренье народам.
ОДИССЕЯ, песнь XVII, стих 281—289*

Каждая буханка хлеба, который мы покупали на эти деньги, сразу разрезалась пополам. Пришло время, когда у нас закончились и эти деньги. На последние деньги мы купили **ДВЕ** буханки хлеба. Когда разрезали пополам одну буханку и съели, стало ясно, что мы не насытились. Тогда мы разрезали пополам и **ВТОРУЮ** буханку. Мы съели только половину буханки, разрезав её пополам. У нас осталась только половина от последней буханки хлеба. В этот субботний вечер я решил попробовать продать те женские тапочки, которые у нас остались. И **НИЧЕГО** у меня с этим не вышло. Я всюду словно наталкивался на какую-то глухую стену. Мне **НИЧЕГО** не оставалось как ни с чем возвращаться домой. Бессильная злоба сжигала меня из-за того, что всю следующую неделю работа будет только всё больше истощать наши силы, что нам придётся продолжать подкреплять свои силы только укропом. Одного укропа **НЕ ХВАТАЛО** для того, чтобы поддерживать наши силы, и я стал выкапывать ещё тоненькие корнеплоды моркови и заметил, что она лучше заглушала голод. Но столько моркови у нас не было, чтобы её **ХВАТИЛО** на всю следующую рабочую неделю.

До наступления темноты оставалось совсем немного, когда стал возвращаться домой и проходил мимо ограды, расположенной **ВОКРУГ ДВУХЭТАЖНОГО** здания администрации района, и за ней увидел пять овец. Эти овцы шли рядом с этим зданием к тем деревьям, которые росли широкой полосой за этой оградой со стороны дороги. Я, **ОХВАЧЕННЫЙ НАПРЯЖЕНИЕМ** изводивших меня тревожных мыслей, подумал о том, что овцы не смогут выбраться из-за ограды, и тут почувствовал тот же голос, который обращался уже **ДВАЖДЫ** ко мне. В третий раз я едва разобрал: «...можешь взять...» Эти слова больше угадывались, чем их можно было разобрать. Но я, всё равно, почувствовал разрешение **СДЕЛАТЬ** это. И у меня было чем приманить этих овец: дома же оставалось ещё полбуханки хлеба. И та темнота, которая через пару часов **ДОЛЖНА** была наступить, тоже была как на моей стороне. Всё осложнялось тем, что через дорогу от ограды, расположенной **ВОКРУГ** здания администрации района, находился Дом культуры, в котором **ДОЛЖНА** будет проводиться дискотека. Молодёжь уже начала собираться у Дома культуры, и она станет бродить по улицам и через **ДВА** часа, и через три часа, и через четыре часа после полуночи.

Меня **ОХВАТИЛО НАПРЯЖЕНИЕ** от грозившей мне опасности: оказаться **ОБВИНЁННЫМ** в преступлении. Это преступление для всех тех, кому словно не было и не могло быть никакого **ДЕЛА** до того, что в каком положении мы были оставлены и в каком нас продолжали оставлять, **ОБЯЗАТЕЛЬНО** будет выглядеть и преподноситься каким-то чудовищным по своей дерзости. Страшно было идти на это, но страшнее было лишиться себя и отца возможности подкрепить свои силы более сытной пищей, чтобы продолжать работать. К тому же, мы достаточно уже поголодали.

Когда я вернулся домой, отец уже спал. Я **НИЧЕГО** не собирался ему говорить, приготовил мешок, взял нож, **СДЕЛАЛ** петлю из той нити, которой **СВЯЗЫВАЛИСЬ** тюки сена и стал ждать. Через пару часов я отправился за овцой, **ПРИХВАТИВ** с собой и последний кусок свежего хлеба. Мне удалось незаметно перебраться за ту ограду, за которой **ДОЛЖНЫ** были находиться овцы. **СДЕЛАВ** несколько шагов от неё по скосу, шедшему от дороги, я присел и оказался ниже уровня дороги. Я сначала обрадовался тому, что по эту сторону от ограды было темнее, чем по другую сторону от неё, потом стал тревожиться из-за того, что в такой темноте сам **НИЧЕГО** не смогу обнаружить. С другой стороны, я был готов к тому, что в такой темноте могу остаться ни с чем, что овцы за истекшие пару часов могли куда-то уйти. Опасения спугнуть овец неосторожными шагами, опасения всё испортить и оставить нас без еды удерживали меня на одном месте. Я сам почувствовал запах свежего хлеба, который становился всё сильнее, и тут прямо передо мной в трёх-четырёх метрах от меня что-то пошевелилось. Это были овцы. Как-то очень удачно я оказался рядом с ними. Я достал кусок хлеба, стал отрывать от него маленькие кусочки и бросать в темноту перед собой. Это вызвало такое оживление, что через минуту уже можно было различить одну большую голову и **ДВЕ** поменьше из тех овец, которые **ПОТЯНУЛИСЬ** ко мне. Я стал **ПРОТЯГИВАТЬ** хлеб левой рукой через петлю, которую удерживал правой, стараясь приманить овцу поменьше. Но большая голова не давала головам поменьше хоть разочек откусить от **ПРОТЯНУТОГО** им куса хлеба, и она больше и больше оставляла меня без хлеба. И мне пришлось **ЗАТЯНУТЬ** петлю на шее самой крупной овцы. И в темноте, почти вслепую, мне удалось перерезать ей горло ножом, поражаясь при этом самому себе. **НИЧЕГО** подобного при свете, ни разу в жизни, я ещё **НЕ ДЕЛАЛ**. При этом на дороге, всего лишь в нескольких метрах от меня, **ХВАТАЛО** тех, кто проходил по ней и проезжал

Когда я решил, что кровь из **РАНЫ** уже **ДОЛЖНА** была перестать течь, стал запихивать овечью тушу в мешок. И это мне с трудом удалось **СДЕЛАТЬ**.

– Смотри!! Смотри!! Там кто-то есть!

– Где?

– Вон там: за оградой! Не видишь, что ли?

– Где? Не вижу.

– Сейчас машина проедет – увидишь. Там кто-то что-то **ДЕЛАЕТ**.

Ужас напал на меня, когда слышались голоса каких-то молодых парней, заметивших мои очертания при свете фар проезжавших по дороге в их сторону машин. То, что могло только на следующей неделе добывать и меня, и отца день за днём, тут же разом готово было обрушиться на меня неминуемой бедой. Мне стало страшно от одной мысли о том, что меня могут подкараулить и **СХВАТИТЬ**. Я успокоил себя тем, что те **ДВОЕ** могли заметить только мою голову, что **ОНИ НИЧЕГО** больше увидеть не могли. **НЕОБХОДИМОСТЬ** ускользнуть и незаметно выбраться из-за ограды с другой стороны заставила меня пригнуться как можно ниже к земле и оттащить мешок с овцой в сторону.

Утром то место, где лужица крови просочилась в землю, могли не заметить, но мешок с зарезанной овцой уже не могли не заметить. Его нельзя было оставлять, чтобы на следующий день о зарезанной овце не стало известно всему селу. **НЕОБХОДИМОСТЬ** с **ПРЕДЕЛЬ-**

НОЙ осторожностью убрать оттуда мешок с зарезанной овцой держала меня в сильнейшем
НАПРЯЖЕНИИ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.